

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

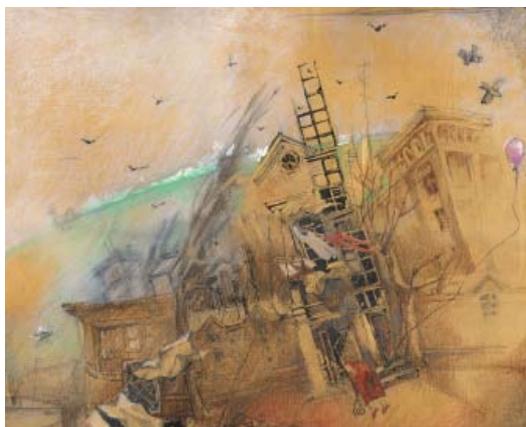
СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

О творчестве талантливой нагайской художницы Фахрикамал Махмудовой
читайте на стр. 66

Из российской истории	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Преподобный Сергей 4
Это интересно	
<i>Татьяна Комарова</i>	Малиновый звон 18
Забытые страницы	
<i>Михаил Булгаков</i>	Воспоминание... 22
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Самостоятельная величина28
Новое имя	
<i>Ольга Миклашевская</i>	Когда мы станем детьми36
<i>Ольга Займенцева</i>	В коробке с карандашами72
Поэзия	
<i>Борис Рябухин</i>	Поэзия52
Житейская история	
<i>Рита Кубанская</i>	Родная, любимая, единственная...56
Шедевры	
<i>Ирина Опимах</i>	«Юный живописец» Ивана Фирсова63
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Анна Первая80
Неизвестное об известном	
<i>Евгений Гик</i>	Русский парижанин90
Рассказ	
<i>Ричард Льюис</i>	По долгу службы?98
Криминальный роман	
<i>Иосиф Гольман</i>	Пробег108
Кроссворд. Эрудит	188

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300, МО, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №3804

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.03.2012

Выпуск издания в 2012 году осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Антон Калинин

г. Новосибирск, 24 года

Я и моя тень

В этом мире зеркал, без смертей и рождений,
Я явлен отражением двух отражений.
Потому и не близок зеркальный кумир,
Что за масками прячет украденный мир.

В лабиринте зеркал нет ни центра, ни края.
Только солнечный луч отразится, играя,
Ярким бликом в разбитой стеклянной стене,
И вернется забытой любовью ко мне...

И любовь, словно феникс, воспрянет из пепла,
Расцветет на мгновенье, раскрасив стекло.
Осознание счастья — почти преступленье.
Словно память. Другим, как тебе, не везло...

Свет мигнет и исчезнет, частицу оставив,
В самой кромке стекла — у нее, у тебя...
Что такое любовь? Это смелость отчаянных,
Разглядевших в другом продолженье себя.

Эта смелость достойна житейских страданий.
Вот уж солнце взошло, и нет в том вины —
Пропустивший восход станет тенью печальной,
И не так уже важно, с какой стороны...

С ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ

Еще при жизни преподобный Сергий совершал чудеса и удостоивался великих откровений. Один раз явилась ему в дивном величии Матерь Божия с апостолами Петром и Иоанном и обещала покровительство его обители. В другой раз он видел необыкновенный свет и множество птиц, оглашавших воздух благозвучным пением, и получил откровение, что множество иноков соберется в его обители. Через 30 лет после его блаженной кончины (25 сентября 1392 г.) открылись его святые мощи. Но более всего он известен обычным мирянам, как основатель знаменитой Троице-Сергиевой Лавры.

Что же касается подробностей жизни одного из самых почитаемых на Руси святых, то они практически неизвестны большинству обычных людей.

А это несправедливо. Нужно знать не только мирских, но и духовных героев нашего Отечества.

Наиболее известным источником сведений о нем, равно как и замечательным памятником древнерусской словесности, является легендарное Житие Сергия, написанное в 1417–1418 годах его учеником Епифанием Премудрым, в середине пятнадцатого века значительно переработанное и дополненное Пахомием Логофетом.

Мальчик, крещеный Варфоломеем, родился в селе Варницы (близ Ростова) в семье боярина Кирилла, служилого ростовских удельных князей, и его жены Марии. Позже семья переехала ближе к Москве в Радонеж. Именно это название и стало впоследствии обязательным прилагательным к имени преподобного Сергия.

Первый биограф Сергия Радонежского — Епифаний Премудрый — сообщает, что будущий святой появился на свет в мае 1319 года. Но в различных источниках упоминается несколько вариантов даты его рождения. Выказывалось мнение, что Сергий появился на свет или в 1315, 1318 или в 1322 году. Днем же рождения Сергия также называлось либо 9 мая, либо 25 августа. В сочинениях девятнадцатого века постоянно фигурировала еще одна дата — 3 мая 1319 года. Русская Церковь традиционно считает его днем рождения 3 мая 1314 года.

Этот разнобой мнений дал основание известному писателю Валентину Распутину с горечью утверждать, что «год рождения отрока Варфоломея нами потерян».

В возрасте 10-ти лет по одним источникам (и 7-ми — по другим) юного Варфоломея отдали обучаться грамоте в церковную школу вместе с

братьями: старшим Стефаном и младшим Петром. В отличие от своих успешных в учебе братьев, Варфоломей существенно отставал в обучении. Учитель ругал его, родители огорчались и усевещивали.

Сам же он всей душой жаждал учения, но грамота не давалась ему. Скорбя об этом, он днем и ночью со слезами молил Господа открыть ему «дверь книжного разума». Тщетно: наука оставалась для него книгой за семью печатями. Хотя Варфоломей обладал великолепной памятью и, раз услышав молитву или псалом, мог повторить их слово в слово.

И тогда случилось событие, о котором сообщают все жизнеописания Сергия.

Когда мальчику было 13 лет, отец отправил его искать отбившихся от табуна лошадей. Во время поисков он вышел на поляну и увидел под дубом старца-схимника, «святого и чудного, саном пресвитера, благообразного и подобно Ангелу, который стоял на поле под дубом и усердно, со слезами, молился».

Увидев его, Варфоломей сначала смиренно поклонился, затем подошел и стал вблизи, ожидая, когда тот кончит молитву. Старец, увидев мальчика, обратился к нему:

— Что ты ищешь, и чего хочешь, чадо?

Земно поклонившись, с глубоким душевным волнением, Варфоломей поведал ему свою скорбь и просил старца молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту. Сочувственно выслушав мальчика, старец начал молиться о его просвещении, а, по-

М.В. Нестеров. «Святое видение отроку Варфоломею», в последствие постриженного в монахи с именем Сергей, известного как Сергей Радонежский

Справа: М.В. Нестеров. «Юность преподобного Сергия Радонежского»

молившись, достал из-за пазухи ковчежец и вынул из него малую частицу просфоры. Благословив его Варфоломея, схимник сказал:

— То тебе дается в знамение благодати Божией и понимания Священного Писания <...> о грамоте, чадо, не скорби: знай, что отныне Господь дарует тебе хорошее знание грамоты, большее, чем у твоих братьев и сверстников.

После этого старец хотел уйти, но Варфоломей умолил его посетить дом его родителей. За трапезой родители Варфоломея рассказали старцу мно-

гие знамения, сопровождавшие рождение их сына, и тот сказал:

— Знамение истинности моих слов будет для вас то, что после моего ухода отрок будет хорошо знать грамоту и понимать священные книги. И вот второе знамение вам и предсказание — отрок будет велик пред Богом и людьми за свою добродетельную жизнь. — После этих слов старец собрался уходить, но напоследок промолвил: — Сын ваш будет обителем Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божественных заповедей.

Действительно на отрока после этой судьбоносной встречи снизошла Благодать: Господь дал ему не только память, но и разумение, и он стал легко усваивать книжную мудрость. После этого чуда в юном Варфоломее еще более окрепло желание служить только Богу. Ему хотелось уединиться по примеру древних подвижников, но любовь к родителям удерживала его в родной семье.

Варфоломей был скромен, тих и молчалив, со всеми кроток и ласков, никогда не раздражался и обнаруживал совершенное повиновение родителям. Обыкновенно он вкушал только хлеб и воду, а в постные дни совершенно воздерживался от пищи.

С прошествием времени сильно обедневшая семья Варфоломея была вынуждена перебраться в город Радонеж. Старший брат — Стефан —

женился, а постаревшие родители, по зрелом размышлении, приняли схиму в Хотьковско-Покровском монастыре, где в скором времени и преставились почти одновременно.

После смерти родителей Варфоломей оставил все имущество своему младшему брату Петру, а сам отправился в Хотьково-Покровский монастырь, где иночествовал его уже овдовевший брат Стефан. Но обычная монастырская жизнь не удо-

влетворяла Варфоломея. Стремясь к «строжайшему монашеству», к пустынножитию, они со старшим братом Стефаном поселились в 10 верстах от Радонежа, посреди глухого Радонежского бора около речки Кончюры. Братья рубили лес своими руками и построили келью и малую деревянную церковь во имя Святой Троицы. На этом месте позже был воздвигнут соборный храм, также во имя Святой Троицы. Так возникла

М.В. Нестеров.
«Преподобный Сергий Радонежский»

знаменитая обитель преподобного Сергия.

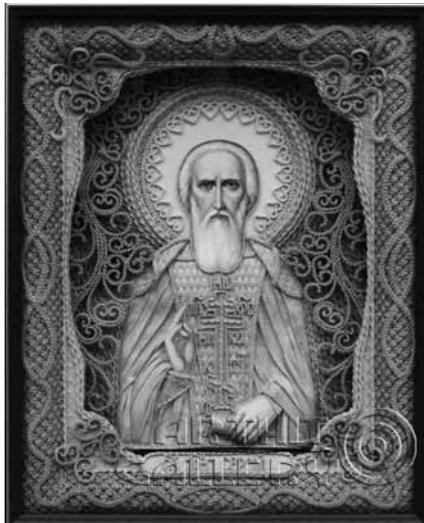
Но Стефан не выдержал слишком сурового и аскетичного образа жизни и вскоре уехал в московский Богоявленский монастырь, где позднее стал настоятелем и духовником великого князя. Варфоломей же, оставшись в полном одиночестве, призвал некоего игумена Митрофана, принял от него постриг под именем Сергия и почти два года жил один в лесу. Нельзя и представить, сколько искушений перенес в это время юный монах, но терпение и молитва преодолели все трудности и дьявольские напасти.

Мимо кельи преподобного Сергия целыми стаями пробегали волки, приходили и медведи, но ни один из них не причинял ему вреда. Однажды святой пустынный дал хлеба пришедшему к его келье медведю, и с тех пор зверь стал постоянно навещать преподобного Сергия, который делился с ним последним куском. Как ни старался святой Сергий скрывать свои подвиги, слава о них распространилась и привлекла к нему других иноков, желавших спастись под его руководством. Они стали просить Сергия принять сан священника и игумена. Сергий долгое время не соглашался, но, видя в их неотступной просьбе призвание свыше, сказал:

— Желал бы лучше повиноваться, чем начальствовать, но страшусь суда Божия и предаю себя воле Господней.

Это было в 1354 г., когда святитель Алексей вступил на кафедру московского митрополита.

Такова краткая биография преподобного Сергия Радонежского, точ-

нее, ее каноническая версия. Но все это — только вершина огромного, величественного айсберга духовного служения русскому народу, лишь намеки на деяния святого подвижника, подвигами своими и молитвами не единожды спасавшего родину и соотечественников.

Жизнь и труды преподобного Сергия в истории русского монашества имеют особое значение, потому что он первый устроил вне города обитель с общиножитием. Поначалу обитель Святой Троицы во всем терпела крайнюю скудость: ризы были из простой крашенины, священные сосуды были деревянные, в храме вместо свечей светила лучина, но подвижники горели усердием.

Святой Сергий подавал братии пример строжайшего воздержания, глубочайшего смирения и непоколебимого упования на помощь Божию.

В трудах и подвигах он шел первым, а братия следовала за ним.

Образовавшаяся из постоянно стекавшихся к Сергию иноков малая обитель постепенно оформилась как Троице-Сергиев монастырь, где Сергий был лишь вторым игуменом (первым был упоминавшийся уже Ми-

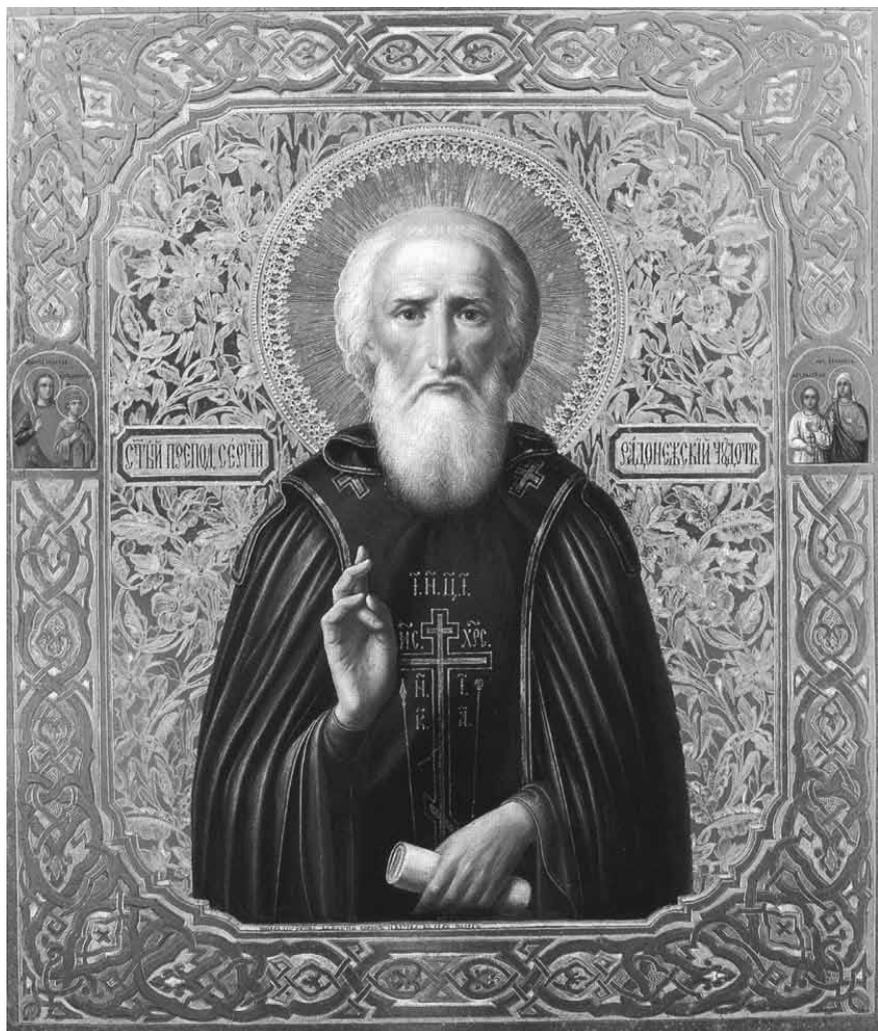
трофан), подавая всем пример своим смирением и трудолюбием.

Запретив принимать какое бы то ни было подаяние, Сергий поставил правилом, чтобы все иноки жили только от своего труда. Но это суровое правило не отпугнуло истинно верующих: в монастырь постоянно приходили все новые и новые иноки, жаждавшие духовного подвига.

Неудивительно, что слава монастыря и его основателя росла, в обитель стали обращаться все, начиная от крестьян и кончая князьями, многие селились по соседству с нею, жертвовали ей свое имущество. Терпевшая во всем необходимом крайнюю нужду пустынь постепенно обратилась в богатый монастырь. Невдалеке от нее шла большая дорога к Москве и на север, и обитель, по примеру Киево-Печерской лавры, стала щедро раздавать милостыню и принимать на свое попечение больных и

*М.В. Нестеров.
«Преподобный Сергий
Радонежский по воду»*

странников. Это тоже произошло впервые в истории русского монашества, но закрепилось в нем на последующие века.

Слава Сергия со временем дошла даже до Царьграда: Вселенский Патриарх Филофей прислал ему с особым посольством свое благослове-

*А. Немеровский. «Сергий Радонежский
благословляет Дмитрия Донского
на ратный бой»*

ние, крест и грамоту, в которой восхвалял его за добродетельное житие и давал совет ввести в монастыре «киновию» (строгое общинножитие). Благословение Вселенского Патриарха, а также благословение митрополита Алексея как бы «узаконило» те порядки, которых придерживался Сергий и до этого. Он ввел в Свято-Троицкой обители общинножительный устав, принятый потом во многих русских монастырях.

Митрополит Алексей, любивший преподобного Сергия как друга, по-

ручал ему примирять враждовавших князей, возлагал на него важные полномочия и готовил себе в преемники. Но Сергий отказался от этого избрания, несмотря на все уговоры.

Однажды митрополит Алексей хотел возложить на него золотой крест в награду за труды, но Сергий сказал:

— От юности своей я не носил на себе золото, в старости же тем более хочу пребыть в нищете. — И решительно отклонил от себя эту почесть, как всю жизнь отклонял многие и многие другие.

Согласно Житию, Сергей Радонежский совершил множество чудес. Люди приходили к нему из разных городов для исцеления, а иногда даже для того, чтобы просто увидеть его. Как утверждает Житие, однажды он воскресил мальчика, который умер на руках отца, когда он нес ребенка к святому для исцеления.

После смерти святителя Алексия преподобный Сергей Радонежский предлагал великому князю Дмитрию избрать на митрополичью кафедру суздальского епископа Дионисия. Но великий князь Дмитрий пожелал иметь митрополитом своего духовника — Новоспасского архимандрита Михаила. По повелению князя Михаил был избран в Москве собором епископов в митрополита Московского.

Святитель Дионисий смело выступил против великого князя, указав ему на то, что поставление первосвятителя без воли Вселенского Патриарха — незаконно. Михаил вынужден был поехать в Константинополь, причем святитель Дионисий хотел опередить его и ехать в Константинополь сам, но был задержан и взят под стражу великого князя.

Желая освободиться, он дал обещание не ехать в Константинополь и представил за себя порукою преподобного Сергия. Но как только получил свободу, по вызову патриарха, поспешил в Грецию вслед за Михаилом. Своим поступком он причинил много неприятностей преподобному Сергию, который сокрушался о суетности и честолюбии служителей церкви и зарекся вступать в конфликты между ними.

Хотя, по словам одного современника, Сергей «тихими и кроткими словами» мог воздействовать на самые загубелые и ожесточенные сердца; очень часто примирял враждующих между собой князей, уговаривая их подчиняться великому князю московскому. Так произошло в 1356 году с князем Ростовским, а в 1365 году — с князьями Нижегородским и Рязанским.

Именно благодаря неустанному и смиренному духовному труду преподобного Сергия ко времени знаменитой Куликовской битвы почти все русские князья признали главенство великого князя Димитрия Иоанновича, который теперь чтит преподобного Сергия, как отца, и просил у него благословения на борьбу с татарским ханом Мамаем. По версии Жития, отправляясь на эту битву, Димитрий Иоаннович, в сопровождении князей, бояр и воевод, сам поехал к Сергию — помолиться и получить благословение.

— Иди, иди смело, князь, и надейся на помощь Божию, — сказал ему святой старец и дал в сподвижники двух своих иноков: Пересвета и Ослябю, которые пали героями в битве.

Знаменитое сражение в 1380 г. войска московского князя и его союзников, с одной стороны, против полчищ татаро-монгольского хана Мамаю и его союзников — с другой, получило название Куликовской битвы. У нее есть и предыстория: отношения великого князя и Мамаю начали обостряться еще в 1371 году, когда последний дал ярлык на великое владимирское княжение Михаилу Александровичу

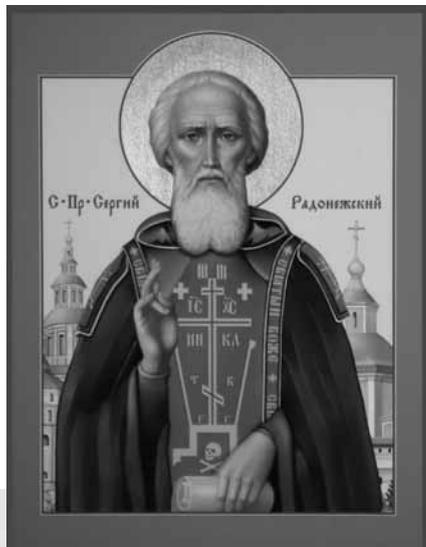
Тверскому, а московский князь тому воспротивился и не пустил ордынского ставленника во Владимир.

А спустя несколько лет, 11 августа 1378 года, войска Димитрия Ио-

анновича нанесли сокрушительное поражение монголо-татарскому войску под предводительством мурзы Бегича в битве на реке Вожже. Потом князь отказался от повышения уплачиваемой Золотой Орде дани и вот тогда, окончательно потеряв терпение, Мамай собрал новое большое войско и двинул его в сторону Москвы.

Он надеялся соединиться со своим союзником — литовским князем Ягайло, но не успел: московский правитель, вопреки ожиданиям, 26 августа переправился через Оку, а позднее перешел на южный берег Дона. Численность русских войск перед Куликовской битвой оценивается от 40 до 70 тысяч человек, монголо-татарских — 100–150 тысяч человек.

Битва состоялась на южном берегу Дона, на Куликовом поле 8 сентября 1380 года. После нескольких стычек передовых отрядов перед войсками выехали от татарского во-

Троице-Сергиев монастырь, основанный Сергием Радонежским в 1337 г.

йска — Челубей, а от русского — инок Пересвет, и состоялся поединок, в котором они оба погибли. После это началось основное сражение. Русские полки шли в бой под красным знаменем с золотым изображением Иисуса Христа.

Куликовская битва закончилась победой русских войск во многом благодаря военной хитрости: в расположенной рядом с полем боя дубраве спрятался засадный полк под командованием князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Мамай основные усилия сосредоточил на левом фланге, русские несли потери, отступали, и казалось, что победа близка. Но в это самое время в Куликовскую битву вступил засадный полк и ударил в тыл ничего не подозревающим татаро-монголам. Этот маневр оказался решающим: войска хана Золотой Орды были разгромлены и обратились в бегство.

Потери русских сил в Куликовской битве составили порядка 20 тысяч человек, войска Мамаю погибли почти полностью. Сам князь Дмитрий поменялся конем и доспехами с московским боярином Михаилом Андреевичем Бренком и принимал в сражении активное участие. Боярин в битве погиб, а сбитого с коня князя нашли под срубленной березой без сознания.

Куликовская битва хотя и не освободила Русь от монголо-татарского ига, но создала предпосылки для того, чтобы это произошло в будущем. Кроме того, победа над Мамаем значительно усилила Московское княжество. После нее великий князь стал

относиться еще с большим благоговением к радонежскому игумену и пригласил его в 1389 году скрепить духовное завещание, узаконивающее новый порядок престолонаследия: от отца к старшему сыну.

Казалось, что монгольское государство ослабло... Мамай, бежавший в город Кафу, был убит, и власть в Золотой Орде захватил хан Тохтамыш. Москва гордо отказывалась платить монголам дань, и в 1382 году Тохтамыш предпринял карательный поход на Москву.

Предательство рязанского князя Олега помогло татарским ордам перейти Оку вброд так, что московские дозоры не заметили неприятеля. Весть о том, что татары близко, дошла до Дмитрия Донского слишком поздно, и у него уже не оставалось времени, чтобы собрать силы и дать бой на подступах к городу.

Дмитрий в спешке отправился по городам и селам русской земли, собирать новое ополчение. Знатные и богатые люди покидали в панике свои дома. Даже преподобный Сергей на некоторое время покинул свой монастырь «и от Тахтамышова нахождения бежа в Тверь» под защиту князя Михаила Александровича Тверского.

Оборонять Москву пришлось ее жителям и крестьянам из окрестных деревень, бежавшим под защиту городских стен. Перед нашествием татар в городе вспыхнуло самое настоящее восстание — настолько велико было озлобление народа против знати. Порядок был кое-как восстановлен, но выехать из города стало

невозможно: всех отправляли на городские стены сражаться против захватчиков.

Москвичи героически обороняли свой город в течение нескольких дней. Тохтамыш уже собирался отступить, как его вдруг осенило: он убедил москвичей в своем миролюбии, и русские открыли ворота Кремля. Тохтамыш тут же вместе с войском ворвался в Москву, сжег ее, истребил защитников, а затем продолжил разорение русских земель вокруг Москвы.

Но весть о том, что князь Дмитрий Донской возвращается с новым войском, вызвала самую настоящую панику: память о Куликовской битве была еще свежа. Тохтамыш спешно бежал в Орду, оставив позади себя руины и пепелища и добившись того, что Русь все-таки обязалась вновь выплачивать Орде дань, правда, в чисто символическом виде. Ибо после поражения на поле Куликовом Орда фактически потеряла власть над русскими землями и даже вынуждена была признать главенство на Руси Московского княжества.

Дмитрий Иванович Донской завещал своему старшему сыну Василию Дмитриевичу Владимирское княжество, как вотчину московских князей, не признавая при этом право хана Орды распоряжаться ею. Это завещание и скрепил своим благословением преподобный Сергей Радонежский.

Достигнув глубокой старости, Сергей, за полгода прозрев свою кончину, позвал к себе братию и благословил на игуменство опытного в духов-

ной жизни и послушании ученика, преподобного Никона. Накануне кончины он обратился к братии со словами завещания:

— Внимайте себе, братие. Прежде имейте страх Божий, чистоту душевную и любовь нелицемерную...

Преподобный Сергей скончался 25 сентября 1392 года, а через 30 лет, по свидетельству Пахомия Логофета, были обретены нетленными его мощи: этот день — 5 (18) июля 1422 года является одним из дней памяти святого.

Сергий Радонежский почитается Русскою православною церковью в лике святых как преподобный и считается преобразователем монашества в Северной Руси, величайшим подвижником земли Русской.

Кроме Троице-Сергиева монастыря, Сергей основал еще несколько монастырей (Благовещенский монастырь на Киржаче, Старо-Голутвин близ Коломны, Высоцкий и Георгиевский монастыри на Клязьме). Во все эти обители он поставил настоятелями своих учеников.

Те, в свою очередь, основали уже более сорока обителей, из которых, в свою очередь, вышли основатели еще почти пятидесяти монастырей. Перечислить их все в рамках очерка просто невозможно. Можно сказать только одно — начало всему этому расцвету православия на Руси было положено тогда, когда получивший благословение свыше инок Сергей начал создание в глухом лесу обители во имя Святой Троицы, которая и сейчас является одним из центров духовности России. □

Татьяна Комарова

МалиновЫЙ

ЗВОН

**...Надо мной — темный
бронзовый шатер.
Выше — только
золотые купола и небо.
Толстая капроновая
веревка едва
умещается в руке.
Для такого колокола
(восемнадцатитонный
красавец!) нужен
звонарь Илья-Муромец.
Бригада звонарей
занимает свои места
на четырех колокольнях
Храма Христа Спасителя.
Мне, как новенькой,
разрешают сделать
первый удар благовеста.
Раскачиваю язык и...
Бум....!.. — гулкий звук
ошеломляет печальной
торжественностью.
Выскользнув в арку
колокольни (говорят,
чем больше арка,
тем лучше звук),
он серебристым облаком
плывет над улицами
и переулками Москвы.
Мне видно, как внизу
люди запрокидывают
головы и любуются
облаком-звоном...**

А дальше начинается чудо. Большие колокола гудят, бьют, затем вступают высокие голоса более мелких колоколов, оркестр набирает мощь, и кажется, огни вечерней Москвы становятся ярче, воздух — прозрачнее и чище. У звонарей лица мокрые от дождя, но, несмотря на пронизывающий ветер, им жарко, а глаза светятся радостью.

Среди потомственных звонарей немало долгожителей. Например, до недавнего времени девяностолетний Владимир Иванович Машков поднимался сам на колокольню Новодевичьего монастыря. Его еще патриарх Тихон гладил по голове за хороший звон... Большинство московских звонарей — его ученики, он стоит у истоков звонарной школы. Надо сказать, что потомственные звонари сегодня наперечет, новых тоже еще немного, хотя интерес к этой профессии растет.

А как влияет колокольный звон на обычного человека? Неужели стоит придти на утреннюю или вечернюю службу в храм, послушать колокольный звон и — болезней как не бывало? Можно ли использовать колокольный звон в качестве лекарства, и в чем секрет его волшебного влияния на человеческий организм? Сколько во всем этом вымысла, мистики, и сколько — научной правды?

Мы обратились к мнению компетентных специалистов.

— Практика показала особенно благотворное влияние колокольного звона на депрессивных больных, — считают на кафедре музыкальной терапии в институте имени Гнесиных. — Возможно, секрет в том, что колокольный звон

повторяет интонации церковных песнопений. В них заложена определенная информация, которая передается веками, и эта информация — ключ к гармонии. Кроме того, играет роль совершенно особая акустика. Но пока эта тема мало исследована. Можно выдвигать лишь гипотезы...

Одна из таких гипотез: дело не только в звонарях, их искусстве. Иногда достаточно просто постоять рядом со старым колоколом, чтобы ощутить его особую энергетику, исходящее от него тепло. Значит, имеет значение и сплав, литье.

Инженер-физик Юрий Корнилов, давно изучающий эту проблему, пришел к выводу: само устройство колокола очень гармонично. Тело человека, его внутреннее состояние откликается на любые вибрации внешнего мира. Колокола же устроены так, что их вибрации восстанавливают гармонию наших сосудов. Многие зависят от технологии литья. Недаром же некоторые колокола называют набатными — они вызывают чувство тревоги, есть колокола-благовесты — умиротворяющие, настраивающие на радость. Есть особый, праздничный, торжественный и веселый звон, который известен как «малиновый». Долгое время считалось, что секреты литья старых колоколов утеряны, и повторить их голоса невозможно. Так ли это?

Лучший звонарь Москвы Игорь Коновалов утверждает, что секрет старого сплава мастерам известен. Сегодняшние колокола рождают-

ся так же, как и столетия назад. Мастера московского завода ЗИЛ, отливавшие колокола для храма Христа Спасителя, под каждый инструмент рыли яму, в которой подготавливали форму, а над ямой ставилась печь. Дело это тонкое и сложное. Даже у знаменитого мастера Моторина, отлившего Царьколокол, был прокол — недозревшая форма всплыла...

«Зиловцы» старались максимально приблизить голоса своих колоколов к старым. И им это удалось, по мнению Игоря Коновалова, процентов на восемьдесят. Можно повторить даже знаменитый семидесятитонный ростовский «Сысой». Но такой колокол получится «золотым». Для него нужно создавать отдельное производство, специальный станок для подстраивания, делать модель. Не говоря уж о детальном исследовании каждого миллиметра «старожила». Такое дело пока не по зубам нашим мастерам.

Колокола, рождаясь, живут своей жизнью. Например, «Царскому» и «Светительскому» на храме Христа Спасителя сначала не хватало чистоты голоса. Но постепенно они сами подстроились, «раззвонились». Звонари частенько дают колоколам имена, причем очень метко. В Ростове Великом, например, есть колокола «Козел» и «Баран». Такие уж уродились. Все звонят одно, а они — кто во что горазд. В Лавре долгое время пытались «укротить» колокол, который все время выделялся, вылезал из обще-

го хора. За амбициозность его так и прозвали — «Переспор». Известен своим разгильдяйским звоном колокол «Беспутный»...

Старых колоколов осталось в мире совсем немного — как скрипок Страдивари и Гварнери. Но интерес к колокольному звону возвращается. Открываются новые храмы, звонницы

вновь обретают голоса, а в Москве создана школа звонарей, через которую прошло уже несколько выпусков. Так что скоро от пасхальных и рождественских перезвонов у россиян, как в старые добрые времена, дух будет захватывать. А нашим душам необходим свет, который несет очищающая музыка колоколов. □

Воспоминание...

Михаил Булгаков

Был конец 1921 года. И я приехал в Москву. Самый переезд не составил для меня особенных затруднений, потому что багаж мой был совершенно компактен. Все мое имущество помещалось в ручном чемоданчике. Кроме того, на плечах у меня был бараний полушубок. Не стану описывать его. Не стану, чтобы не возбуждать в читателе чувство отвращения, которое и до сих пор терзает меня при воспоминании об этой лохматой дряни.

Достаточно сказать, что в первый же рейс по Тверской улице я шесть раз слышал за своей спиной восхищенный шепот:

— Вот это полушубочек!

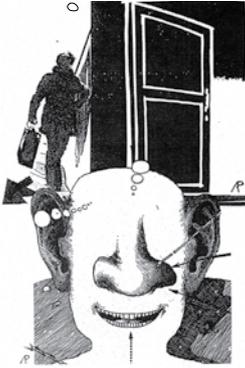
Два дня я походил по Москве и, представьте, нашел место. Оно не было особенно блестящим, но и не хуже других мест: также давали крупу и также жалованье платили в декабре за август. И я начал служить.

И вот тут в безобразнейшей наготе предо мной встал вопрос... о комнате. Человеку нужна комната. Без комнаты человек не может жить. Мой полушубок заменял мне пальто, одеяло, скатерть и постель. Но он не мог заменить комнаты, так же, как и чемоданчик. Чемоданчик был слишком мал. Кроме того, его нельзя было отапливать. И, кроме того, мне казалось неприличным, чтобы служащий человек жил в чемодане.

Я отправился в жилотдел и простоял в очереди шесть часов. В начале седьмого часа я в хвосте людей, подобных мне, вошел в кабинет, где мне сказали, что я могу получить комнату через два месяца.

В двух месяцах приблизительно шестьдесят ночей, и меня очень интересовал вопрос, где я их проведу. Пять из этих ночей, впрочем, можно было

Воспоминание...

отбросить: у меня было пять знакомых семейств в Москве. Два раза я спал на кушетке в передней, два раза — на стульях и один раз — на газовой плите. А на шестую ночь я пошел ночевать на Пречистенский бульвар. Он очень красив, этот бульвар, в ноябре месяце, но ночевать на нем нельзя больше одной ночи в это время. Каждый, кто желает, может в этом убедиться. Ранним утром, лишь только небо над громадными куполами побледнело, я взял чемоданчик, покрывшийся серебряным инеем, и отправился на Брянский вокзал. Единственно, чего я хотел после ночевки на бульваре — это покинуть Москву. Без всякого сожаления я оставлял рыжую крупу в мешке и ноябрьское жалованье, которое мне должны были выдавать в феврале. Купола, крыши, окна и московские люди были мне ненавистны, и я шел на Брянский вокзал.

Тут и случилось нечто, которое нельзя назвать иначе как чудом. У самого Брянского вокзала я встретил своего приятеля. Я полагал, что он умер.

Но он не только не умер, он жил в Москве, и у него была отдельная комната. О, мой лучший друг! Через час я был у него в комнате.

Он сказал:

— Ночуй. Но только тебя не пропишут.

Ночью я ночевал, а днем ходил в домовое управление и просил, чтобы меня прописали на совместное жительство.

Председатель домового управления, толстый, окрашенный в самоварную краску человек в барашковой шапке и с барашковым же воротником, сидел, растопырив локти, и медными глазами смотрел на дыры моего полушубка. Члены домового управления в барашковых шапках окружали своего предводителя.

— Пожалуйста, пропишите меня, — говорил я, — ведь хозяин комнаты ничего не имеет против того, чтобы я жил в его комнате. Я очень тихий. Никому не буду мешать. Пьянствовать и стучать не буду...

— Нет, — отвечал председатель, — не пропишу. Вам не полагается жить в этом доме.

— Но где же мне жить, — спрашивал я, — где? Нельзя мне жить на бульваре.

— Это нас не касается, — отвечал председатель.

— Вылетайте как пробка! — кричали железными голосами сообщники председателя.

— Я не пробка... я не пробка, — бормотал я в отчаянии, — куда же я вылечу? Я — человек. Отчаяние съело меня.

Так продолжалось пять дней, а на шестой явился какой-то хромой человек с банкой от керосина в руках и заявил, что, если я не уйду завтра сам, меня уведет милиция.

Тогда я впал в остервенение.

Ночью я зажег толстую венчальную свечу с золотой спиралью. Электричество было сломано уже неделю, и мой друг освещался свечами, при свете которых его тетка вручила свое сердце и руку его дяде. Свеча плакала восковыми слезами. Я разложил большой чистый лист бумаги и начал писать на нем нечто, начинавшееся словами: «Председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину». Все, все я написал на этом листе — и как поступил на службу, и как ходил в жилотдел, и как видел звезды при двухстах семидесяти градусах над храмом Христа, и как мне кричали: «Вылетайте как пробка!»

Ночью, черной и угольной, в холоде (отопление тоже сломалось) я заснул на дырявом диване и увидел во сне Ленина. Он сидел в кресле за письменным столом в круге света от лампы и смотрел на меня. Я же сидел на стуле напротив него в своем полушубке и рассказывал про звезды на бульваре, про венчальную свечу и председателя.

— Я не пробка, Владимир Ильич, нет, не пробка.

Слезы обильно струились из моих глаз.

— Так... так... так... — отвечал Ленин.

Потом он звонил.

— Дать ему ордер на совместное жительство с его приятелем. Пусть сидит веки вечные в комнате и пишет там стихи про звезды и тому подобную чепуху. И позвать ко мне этого каналью в барашковой шапке. Я ему покажу совместное жительство.

Приводили председателя. Толстый председатель плакал и бормотал:

— Я больше не буду...

Все хохотали утром на службе, увидев лист, писанный ночью при восковых свечах.

— Вы не дойдете до него, голубчик, — сочувственно сказал мне заведующий.

— Ну, так я дойду до Надежды Константиновны, — отвечал я в отчаянии, — мне теперь все равно. На Пречистенский бульвар я не пойду.

И я дошел до нее.

В три часа дня я вошел в кабинет. На письменном столе стоял телефонный аппарат. Надежда Константиновна в вытертой какой-то меховой кацавейке вышла из-за стола и посмотрела на мой полушубок.

— Вы что хотите? — спросила она, разглядев в моих руках знаменитый лист.

— Меня хотят выгнать. У меня нет никаких надежд ни на кого, кроме Председателя Совета Народных Комиссаров. Убедительно вас прошу передать ему это заявление. — И я вручил ей мой лист.

Она прочитала его и сказала:

— Нет, такую штуку подавать Председателю Совета Народных Комиссаров?!

— Что же мне делать? — спросил я и уронил шапку.

Надежда Константиновна взяла мой лист и написала сбоку красными чернилами:

«Прошу дать ордер на совместное жительство».

И подписала:

«Ульянова».

Точка.

Самое главное то, что я забыл ее поблагодарить.

Забыл.

Криво надел шапку и вышел.

Забыл.

В четыре часа дня я вошел в прокуренное домовое управление. Все были в сборе.

— Как? — вскричали все. — Вы еще тут? Вылета...

— Как пробка? — зловеще спросил я. — Как пробка? Да?

Я вынул лист, выложил его на стол и указал пальцем на заветные слова.

Барашковые шапки склонились над листом, и мгновенно их разбил паралич. По часам, что тикали на стене, могу сказать, сколько времени он продолжался.

Т р и м и н у т ы.

Затем председатель ожил и завел на меня угасающие глаза:

— Улья?.. — спросил он суконным голосом.

Опять в молчании тикали часы.

— Иван Иванович, — расслабленно молвил барашковый председатель, — выпиши им, друг, ордерок на совместное жительство.

Друг Иван Иванович взял книгу и, скребя пером, стал выписывать ордерок в гробовом молчании.

Я живу. Все в той же комнате с закопченным потолком. У меня есть книги, и от лампы на столе лежит круг. 22 января он налился красным светом, и тотчас вышло в свете передо мной лицо из сонного видения — бородка клинышком и крутые бугры лба, а за ним — в тоске и отчаянье седоватые волосы, вытертый мех на кацавейке и слово красными чернилами:

У л ь я н о в а.

Самое главное, забыл я тогда поблагодарить.

Вот оно неудобно как.

Благодарю вас, Надежда Константиновна.

P.S. Прошло около ста лет, а что у нас изменилось?.. □

Евгения Гордиенко

Самостоятельная величина

На что может рассчитывать современная девушка из интеллигентной семьи? Разумеется, на получение образования, как среднего, так и высшего, на возможность самой выбрать будущую профессию и будущего мужа, на возможность рожать и воспитывать детей. И сегодня это никого не удивляет.

Между тем, полтора столетия назад все было не столь очевидно. Юная девица Софья Корвин-Круковская, родившаяся в середине 19 века (точнее, 3 января 1850 года) в семье генерал-лейтенанта Василия Корвин-Круковского и его жены Елизаветы (в девичестве Шуберт), из этого списка могла рассчитывать только на рождение и воспитание детей. Образование ей предстояло получить домашнее, начальное, достаточное для того лишь, чтобы читать романы да переписываться с подругами. Мужа ей, разумеется, должны были если не выбрать, то одобрить родители, а о профессии и речи не шло — уделом женщины в то время были семья и дети.

Но если женщина чего-то страстно хочет, остановить ее не сможет никто и ничто.

«Софа, полюбила ли ты арифметику?»

В Софье Ковалевской (прославившуюся на весь мир фамилию она получила от мужа) было намешано немало кровей. Предком ее называют венгерского короля Матвея Корвина, покровителя наук и искусства, чья дочь вышла замуж за польского магната Круковского.

По словам самой Софьи, текла в ее жилах и цыганская кровь, так как то ли дед ее, то ли прадед женился в свое время на цыганке. (Не отсюда ли корни Софьиного свободо-мыслия?)

Мать Ковалевской, Елизавета Федоровна Шуберт, дочь генерала Шуберта и внучка астронома Шуберта, весьма известного в своей области, хотя и любила все русское, в доме своем завела скорее немецкий, лютеранский порядок. В спальне детей (у Софьи была старшая сестра Анна и младший брат Федор) ее видели редко, воспитанием их в основном занималась няня, а затем домашний учитель Малевич. Именно Иосиф Игнатьевич Малевич и стал первым «везением» в жизни Софьи...

Он получил образование в высшем шестиклассном училище в местечке Креславке Витебской губернии и, выдержав установленный экзамен на звание домашнего учителя, всецело посвятил себя любимому делу — педагогике.

Старшая сестра Анна мало интересовалась в то время учебной, больше уделяя времени чтению, младший брат Федор была еще мал, поэтому большую часть дня Малевич посвящал Софье (или Софе, как ее называли дома). И пусть он не дал ей тех обширных знаний, которыми Ковалевская прославилась позже, зато заложил в ней стремление постоянно идти вперед, не останавливаясь на достигнутом, в то время когда другие лишь спорят на словах. Именно благодаря Малевичу Софье понравилось то, что никогда не нравилось Анне, — учиться.

Подрастая, Софья жила в имении отца, в селе Палибино, куда семья переехала после выхода генерал-лейтенанта в отставку. Отец, только здесь всерьез занявшийся воспитанием и образованием детей, однажды спросил восьмилетнюю Софью: «Ну, что, Софа, полюбила ли ты арифметику?» «Нет, папочка», — был ее ответ. Малевич, уже заметивший в ней склонность к этой науке, вмешался в разговор: «Так полюбите же ее, и полюбите больше, чем другие научные предметы!» И по прошествии четырех месяцев ученица на тот же вопрос отца ответила: «Да, папочка, я люблю заниматься арифметикой: она доставляет мне удовольствие».

Что это было? Желание угодить учителю или отцу? Вряд ли. Тут совсем другое. Софья в течение всей жизни находилась под довольно сильным влиянием сестры Анны, которая, не будучи

очень умной или талантливой, выпитывала из окружающего ее мира все яркое и модное. В те годы модно было быть фантазеркой, мечтательницей, ну, и конечно, во все времена у молодежи принято перечить своим родителям. Желание перечить старшим Софья переняла от сестры очень быстро, и, в первую очередь, соперничала именно с «Анютой» (так в доме называли Анну). Анюта всегда была милее, Анютой все восхищались — и родня, и гости, Анюта рано научилась читать (а вслед за ней, торопясь догнать сестру, рано научилась читать и Софа).

Но вот когда в доме появился Малевич, Софа стала получать похвалы за свои усердие и способности и поняла — этим можно выгодно отличаться от Анны, которая была слишком ленива для планомерной и усердной учебы.

Желая «закрепить успех», она училась, училась, училась... Уже в 15 лет начались ее серьезные занятия высшей математикой, и одним из преподавателей Софьи был А.Н. Страннолюбский, представитель блестящей плеяды педагогов 60-х годов XIX века.

Пятнадцатилетняя девушка, все мысли которой занимает высшая математика, сегодня вызовет уважение, а тогда Софье пришлось выдержать немало удивленных взглядов.

Вскоре она пришла к мысли, что хочет продолжить свое образование за границей. Но получение заграничного паспорта в те годы было связано с большими трудностями — молодая девица могла уехать за границу только с разрешения родителей или супруга. Поскольку Софья считала, что

родители ее учиться не отпустят, она приняла радикальное решение: выйти замуж фиктивно. Почему не подождать настоящего чувства, почему не вышла замуж за любимого человека? Боялась, что он не позволит ей получить высшее образование? Казалось, что даже день промедления будет ужасен? Хотела как можно скорее стать хозяйкой своей судьбы? Сейчас уже не ответить на этот вопрос. Но факт остается фактом: Софья Васильевна Корвин-Круковская фиктивно вышла замуж за Владимира Онуфриевича Ковалевского. И не последнюю роль в этом браке сыграла ее сестра Анна...

Анна или Софья?

На «сезон» (то есть осень, зиму и весну) 1867–1868 года Елизавета Корвин-Круковская вывезла дочерей в Петербург. Отец, разумеется, был не в восторге от этой идеи, но в Палибине девочкам трудно было бы найти мужей, так что пришлось генералу, скрепя сердце и с множественными наставлениями, отпустить семью в столицу.

Дело в том, что Анна, давно уже переписывавшаяся с Достоевским, желала с ним познакомиться. Но журналист и бывший каторжник — не самая лучшая рекомендация. Однако они познакомились, и Достоевский довольно долгое время был даже влюблен в Анну Корвин-Круковскую. Младшую сестру своей возлюбленной он почитал милой и приветливой, но сердце его пленила именно Анна. Софья, сама готовая

влюбиться в Достоевского, уговаривала Анну согласиться на предложение писателя. Однако сестра только фыркала: «Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем посвятить ему себя, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить! К тому же, он такой нервный и требовательный».

Нельзя упрекнуть Анну в придирчивости — последняя (и идеальная для него) жена Достоевского и впрямь была не в пример покладистой Анны.

Однако вернемся к Софье. Воздух Петербурга был в то время пропитан желанием молодежи учиться и получать образование. Поскольку Софья, как девушка, могла получить его только за границей (высшего образования для женщин в России не было), она, по совету старшей сестры, решила выйти замуж. Анна и сама собиралась таким же путем вырваться из-под родительской опеки. Поскольку предложение Достоевского ее не устроило, она принялась за поиски «освободителя». И нашла его.

Владимир Онуфриевич Ковалевский в то время был еще молод, но уже считался талантливым и славился необыкновенным знанием языков. Окончив курс правоведения, он хотел поехать учиться за границу, но, будучи стесненным в средствах, занялся переводом и изданием естественнонаучных сочинений.

Не будь у девиц Корвин-Круковских необходимости, они вряд ли обратили бы на него внимание: тщедушный, рыжий, с большим носом, но с добрыми, умными глазами. Однако

было у него одно несомненное достоинство: он умел видеть в женщине друга, соратницу. И именно этим и привлек Анну, предложившую ему вступить с ней в фиктивный брак. Но Ковалевский, проявив характер, соглашался жениться только на Софье. Трудно сказать, что тут было: то ли он разглядел в ней недюжинный ум, то ли она казалась ему милее и спокойнее взбалмошной Анны, но Ковалевской стала именно Софья, а не Анна.

Учеба и Учитель

Поженившись (родители, разумеется, и не догадывались, что брак их младшей дочери был фиктивным), молодые поселились в Петербурге, где каждый продолжал заниматься своим делом: он — переводами, она — математикой. Приданым Софьи обеспечивалась и будущая поездка за границу. Не забыв сестру, Ковалевская уговорила родителей отпустить Анну с ней.

И вот весной 1869 года Ковалевские, Анна и ее подруга Лермонтова отправились в Гейдельберг, где Софья сдала вступительные экзамены в университет. Вскоре она стала гейдельбергской знаменитостью, ею восхищались профессора. Однако ей этого было мало, ее тянуло в Берлин, где жил и работал знаменитый профессор Вейерштрасс, у которого Софья непременно хотела учиться.

Этот период жизни Ковалевской совсем не связан с ее мужем. По сути, она называла мужем посторонне-

*Софья
Ковалевская*

го для себя человека и поначалу очень стеснялась этого.

В Берлин она поехала не одна, а с подругой, волнуясь, что Вейерштрасс, будучи человеком бескорыстным и

очень занятым, не станет заниматься с ней...

Ее волнения были не напрасными. В первый вечер, едва взглянув на посетительницу, Вейерштрасс дал ей

несколько трудных задач, велел возвращаться, когда она решит их.

Через неделю Софья пришла к нему с готовым решением, и тогда он не только обратил на нее свое внимание, но с этого момента стал ее главным учителем, благоговейную дружбу с которым она пронесла через всю жизнь.

Пока Софья была в Берлине, сестра Анна вышла в Париже замуж за француза Жакляра, приговоренного в дни осады Парижа к смертной казни. Чтобы закончить повествование об Анне, стоит сказать, что она, так боявшаяся «зависимости» от Достоевского, растворилась в своем муже и появившемся вскоре сыне.

Без математики

Пробыв в Европе до 1874 года, Ковалевские вернулись в Россию. Лето они провели в Палибине, вместе с родителями Софьи и семьей Жакляров, а осенью отправились в Петербург. Однако жизнь там была дорогой, такой, которую Ковалевские себе позволить не могли. Их это тяготило, и Софья совсем забросила занятия математикой. Вейерштрасс писал ей письма, посылал новые работы по математике, которые могли интересовать ее. На письма она не отвечала, а работы лежали непрочитанными. Софья хотела ответить на них, когда «устроится и опять начнет заниматься математикой». Она признавалась, как ей самой становилось страшно думать, что целый год прошел бесплодно для науки. У нее были

готовы две работы, а она не печатала их, рассчитывая присоединить к ним новые исследования... Математика, до поры до времени, была отложена в долгий ящик.

Ковалевский же лихорадочно пытался обеспечить семью. Сначала дела вроде бы шли успешно: он занялся строительством домов и шутил, что скоро у него на каждой улице будет по дому. Появился свой дом и у Ковалевских. Владимир задаривал Софью дорогими подарками, платьями, сладостями, словно старался компенсировать те времена, когда денег у них не было. В эти же годы семейная жизнь их перешла в новое качество. В 1878 году у Софьи и Владимира Ковалевских родилась дочь, которую тоже называли Софьей.

Однако, словно в отместку, дела у Владимира пошли хуже, и менее чем за год из богатой семьи Ковалевские превратились едва ли не в нищих.

И если Владимир Онуфриевич опустил руки от невозможности прокормить жену и дочь, то Софья, напротив, воспрянула духом, теперь она была полна жизненных сил. Ковалевские переехали в Москву, и Софья вновь занялась математикой.

В Стокгольм!

Ковалевская возобновила переписку со многими своими «друзьями по науке». Среди них был и ученик Вейерштрасса профессор Миттаг-Леффлер, при чьем содействии в Стокгольме в 1881 году открывался новый университет. Он писал Ковалевской, что

непременно хочет добиться в этом университете кафедры для нее.

Что это значило для Ковалевской, передать трудно. Она поняла, что в ее жизни действительно начало что-то налаживаться, и растерялась: то поехала вместе с дочерью в Берлин, то вновь сошлась с мужем и путешествовала вместе с ним, то уехала в Париж к сестре, снова бросив мужа... Что привело к большой трагедии.

В 1883 году, устав от перманентного банкротства, от непонимания собственного семейного положения и всей своей жизни, Владимир Онуфриевич Ковалевский покончил с собой.

Узнав об этом, Софья жестоко упрекала себя, что не увидела в нем признаков душевной болезни, в конечном итоге и толкнувшей его к смерти. Однако запущенный маховик ее научной карьеры уже было не остановить.

Работа «О преломлении света в кристаллах» была почти готова. В Берлине она показала ее Вейерштрассу, а летом 1883 года написала своей подруге в Москву, что Вейерштрасс доволен результатами ее работ и теперь нисколько не сомневается в том, что она получит профессию в Стокгольмском университете.

Она ее и получила: ее пригласили читать лекции по математике на немецком языке.

В то же время Софья пишет Миттаг-Леффлеру: «Я до такой степени сомневаюсь в самой себе, что боюсь, как бы вы, всегда относившийся ко мне с такою благосклонностью, не разочаровались, увидев, что я мало гожусь для избранной мною деятельности. Я глубоко благодарна Стокгольмско-

му университету за то, что он так любезно открыл передо мною свои двери, и готова всей душою полюбить Стокгольм и Швецию, как родную страну. Надеюсь прожить в Швеции долгие годы и найти в ней новую родину».

Так она и поступила. Стараясь всем сердцем полюбить Швецию, стала изучать шведский язык, и через пару месяцев уже могла читать на нем беллетристику.

Ковалевская стала достаточно зарабатывать, и вскоре друзья подыскали ей приличную квартиру в Стокгольме. Там Софья и жила, вскоре перевезя к себе из России Софью-маленькую. Часть необходимой мебели она приобрела в Стокгольме, остальную выписала из России. Старинная русская мебель обращала на себя внимание шведов: она отличалась роскошеством, но была отчасти поломана, и ее дорогая шелковая обивка местами оказалась порвана. Но Ковалевская не обращала на это внимания. Вообще, квартира ее, по словам гостей, выглядела временным пристанищем и не производила впечатления настоящего Дома...

Конец карьеры

В 1888 году у Ковалевской случился роман — первый со времени смерти мужа. Об ее избраннике говорили много и хорошего, и дурного, во многих воспоминаниях он значителен просто как «господин М.» Наряду с романом Ковалевскую занимала и неоконченная работа — труд, который

она должна была послать во Французскую Академию на премию Бордена. Это было необходимо, чтобы получить ординарную (а не частную) профессию в Стокгольме. И она ее получила. Со всех сторон сыпались поздравления. Но Ковалевскую больше занимал загадочный «господин М.»

После поездки в Россию, где они встретились, Софья и М. отправились по его желанию в Италию. Ковалевской ехать туда не очень хотелось, но бросить возлюбленного она не могла. Подхватившая по дороге инфлюэнцу, она с трудом добралась до Стокгольма, где тут же принялась за работу, стараясь держаться изо все

сил, но болезнь развивалась стремительно...

29 января 1891 года Софья Ковалевской не стало. Ее смерть вызвала общее сожаление научного мира, но вряд ли это сожаление могло сравниться с тем горем, которое испытала семилетняя Соня, оставшаяся без матери...

Едва ли тот, кто далек от математики, способен оценить вклад Софьи Ковалевской в науку. Но каждый из нас может понять, как много сделала она для того, чтобы сегодня каждая девушка могла рассчитывать на такую простую вещь, как высшее образование... □

Ей всего 19 лет, она — студентка Российского государственного торгово-экономического университета, учится на факультете «Бизнес-информатика». Кем только в детстве она ни мечтала стать: и архитектором, и учителем информатики, даже водителем мусоровоза, и, конечно, писателем. Влекла ее какая-то романтика, влечет и до сих пор. Может, поэтому ее проза столь необычна, но по-своему очень яркая. Знакомьтесь — молодой прозаик **Ольга Миклашевская**.

КОГДА МЫ СТАНЕМ ДЕТЬМИ

«Стуки-бряки под окном —
Кто ко мне стучится в дом?»

(«Гензель и Гретель», «Сказки братьев Grimm»)

1

«Господи, как же она прекрасна... Сущий ангел!»

«А локоны-то какие! Локоны!»

«Голос! Фигура! Статья!»

«Женился бы на такой! Коли не моя прелестная жена, женился бы непременно!»

В ушах Марьям стоит гул из тысяч похожих одна на другую фраз. Кто-то хвалит ее за походку, кто-то — за умение держаться на сцене, кто-то и во-

все за пение. Они все там — за пределами гримерки, в фойе и буфете — обсуждают, как она этим вечером была неотразима.

Казалось бы, о чем тут вообще можно говорить? Ее кожа на ощупь словно бархат. Никто к ней, конечно, не прикасался, но всем отчего-то так казалось. Ее глаза источают жизнь, энергию, арии, которые она исполняет, насквозь пропитаны теплом.

Это была вся Марьям — в блестящем струящемся платье, с острыми плечиками и нежными ручками, не знавшими станков и плетей.

Казалось бы, чего еще можно желать: внимание влиятельнейших мужчин, всеобщая любовь и слава, — и, в то же время, каждый раз, когда она уходит за кулисы, внутри начинает копошиться червь сомнения — а заслужила ли она?

Марьям бессмысленно буравит взглядом грязное зеркало, перевидавшее ее во всех немислимых гримах и состояниях, но страшнее всего становится, когда ей кажется, будто отражающая поверхность смеется над ней. Посмотри на себя, издевается оно. Посмотри же, давай!

И она смотрит. Долго, безотрывно, мечтая, чтобы момент, когда со всей этой красотой придется расстаться, никогда не наступил.

В учебниках по истории Марьям когда-то вычитала, что лет триста назад ее никто бы и не счел даже мало-мальски привлекательной. Нос с горбинкой, то ли евреи, то ли армяне в роду, и костлявые руки. Дело даже не в дискриминации, не в темных волосах или тощей лебяжьей шее, — дело в том, что женщины раньше были другими. Ну, и, разумеется, их было гораздо больше.

Марьям осторожно, будто нехотя, берет жидкость для снятия грима, наносит на салфетку и начинает медленно стирать с щек розовые румяна, делающие ее такой молодой, затем алую помаду, придающую ее губам пленительную изящность, после — тени... Все исчезает и остается на салфетке в виде грязных аляповатых пятен.

Под слоем косметики постепенно проступает ее настоящее лицо. Теперь стали заметны так умело закрашенные в уголках рта морщины, тонкие, совершенно невыразительные губы и пигментные пятна на щеках. Марьям никогда не отличалась хорошим здоровьем.

С запястий на стол со звяканьем летят браслеты, бусы, серьги... Певица с отвращением избавляется от всей этой мишуры и каждый раз вдыхает все глубже, словно побрякушки мешали ей дышать.

Она снова вглядывается в зеркало и находит там только дряблую старуху с горящими от гнева глазами. Ах, да...

Вместе с линзами глаза покидает и гнев.

Ее настоящие глаза — выцветшие, практически бесцветные, а черный зрачок страшным бесконечным тоннелем всматривается в свое отражение.

Последним на поверхность гримерного столика летит парик, обнажая гладкую, как яйцо, голову... И Марьям остается один на один с собой — настоящей.

Губы ее дрожат, но она не заплачет. Никогда.

2

На моей памяти за последние десять лет их родилось... нет, пардон, появилось на свет не более ста особей. Совершенно необъяснимый научный феномен, с какой стороны ни взгляни.

Допустим, количество женщин и мужчин на земле должно быть примерно одинаковым, тогда непонятно, почему последних появляется гораздо больше. Но, опять же, если детородная функция женщины исчерпана, и зачать они не могут, то зачем природа вообще допускает их существование?

Скорее всего, это какой-то побочный эффект, бракованная партия человечества, что ли. Пока женщин еще можно свободно встретить на улице, у всех у них есть мужья, домашние питомцы, образование. Некоторые добиваются больших успехов в творческой деятельности, но не более, ведь всем известно, что женщины далеко не так умны, как мужчины. К тому же, не пускать же женщину к станку, в самом деле.

Я поправляю очки и ищу на столе ластик, чтобы стереть некоторые корявые формулировки. Когда десять лет назад весь мир подписал конвенцию об отказе пользования электронными приборами, никто и не думал, что придется заново учиться писать от руки, совсем как в каменном веке.

Посторонние мысли отвлекают меня от сути письма, между прочим, очень важного, ведь оно предназначено Создателю. Этот Создатель принят на пост не так давно, поэтому очень важно, чтобы у него сложилось обо мне хорошее мнение, иначе свое место в лаборатории я потеряю и отправлюсь гнуть спину на фабрику. Я там и дня не протяну.

— Ник, не возражаешь, я выпью твой кофе? — В дверях появляется Алена с большой кружкой в руках. Бывший когда-то белым халат заляпан засохшей кровью и чем-то еще неопознанным, наверное, кофе. — Прости, не помешала? Я тебя ищу, смотрю, ты в лаборатории... Ник! Ник, ты, вообще, меня слушаешь?

«Я слушаю, Ален, слушаю», — ворчу я про себя, хотя на самом деле понятия не имею, о чем она только что говорила. В голове моей лишь ячейки, рыбий жир и перфораторы со статистическими данными, которые сообщают не радужные вести: процент женщин на земле неуклонно идет на спад.

— Извини, ты что-то хотела? Отчеты? Конечно, я все сдал еще позавчера.

Поворачиваюсь к ней, снова поправляю очки по старой привычке и делаю вид, что визит коллеги ничуть не мешает мне заниматься чрезвычайно важной работой по продвижению собственной «тушки» по карьерной лестнице.

— Какие отчеты, Ник? Я спросила, можно ли выпить твой кофе?

— Кофе? Не вопрос, он все равно уже остыл и невкусный.

— Поздно. Я его уже выпила. Но все равно спасибо.

— Какие-то новости из Инкубатора? — Я смотрю на ее лоснящиеся рыжие пряди и представляю себе, как она снимает парик перед сном. Фу, какая мерзость!

— Нет, там все нормально. Только вот...

— Только вот что? — напрягаюсь я.

— Нет, ничего. Забудь. — Она машет рукой и, забыв на столе кружку, хватается за дверную ручку.

Алена могла бы быть красивой, если бы родилась в свое время, конечно. У нее могли быть свои волосы, как у мужчины, цветные глаза, гладкая кожа. Но ничего этого у нее нет, и, хотя она выглядит, будто только что сошла со страниц модного журнала, я все равно знаю, что на самом деле она как улитка, потерявшая домик. Обычный слизняк. Вместо панциря она нашла картонную коробку и теперь прикрывается ею, думая, что никто не заметит разницы. Но я-то вижу, недаром работаю в Инкубаторе.

Восприимчивость к новорожденным уродцам вырабатывается быстро. Нет, безусловно, новорожденные мужчины прекрасны. Они совершенны, как и задумывалось когда-то. Они не подвержены болезням, все как на подбор: мускулистые, высокие, умные.

И если Алена носит очки из-за плохого зрения, то я просто из-за усталости. Что поделать, мне повезло появиться на этот свет мужчиной.

— Ну, как знаешь. — Мне совершенно не любопытно, что она хотела сказать. Наверняка какую-нибудь глупость — женщины ни на что умное не способны. Они могут повторять, воспроизводить, но стать генератором, а не рефлектором, им уже не дано никогда.

Я даю девушке уйти и вновь принимаюсь за письмо, но в голову снова не лезет ничего, кроме странного феномена. Интересно, на каком уровне формирования эмбриона происходит эта самая отбраковка?

Когда люди еще размножались естественным путем, предсказать и, более того, выбрать пол будущего ребенка было проще простого. Где-то генетики допустили досадный промах, когда разрабатывали Инкубатор. По замыслу, он должен производить исключительно особей мужского пола, а не этих слабых существ, которые все еще пытаются доказать, что они чего-то стоят.

Порой я спрашиваю себя: хотел бы я оказаться в числе тех счастливых, которые все еще считают, что женщины — самые очаровательные создания на планете? Хотел бы я, совокупляясь с женщиной, думать, что она — само совершенство, а не урод или гибрид, касающийся моего тела?

Я так и не смог дать себе ответа.

Может, это мать-природа во мне говорила. Ведь, в конце концов, это противоестественно — испытывать отвращение к себе подобным. Может, и так, не знаю. Пусть Создатель решает.

Когда-то давно говорили «Родина-мать», «мать-земля», но сейчас это не имеет никакого значения, потому что значение слова «мать» осталось лишь в не самом лестном значении. А жаль, на самом деле.

Уже поздно вечером я собираю все свои вещи, закидываю сумку на плечо и привычной дорогой направляюсь к Инкубатору, чтобы проверить, все ли в порядке. Обычная процедура, ничего сложного. Всего лишь списать показания счетчиков, измерить температуру в помещении и закрыть главный отсек на замок.

Институт выдавал всем сотрудникам большие ручные фонари как раз для таких случаев, поэтому я иду по коридору, высвечивая себе путь широкой полосой желтого света.

Цокот каблучков эхом отдается от стен, и это приятный и мелодичный звук. В отличие от крика.

Кто кричит — я понимаю сразу. Алена. Она у нас в Институте единственная девушка, а уж женский крик — противный, писклявый — я вмиг отличу от любого другого звука.

Я влетаю в помещение Инкубатора, даже толком не закрыв за собой дверь (а ведь это грозит разгерметизацией, никаких шуток, ребятки), и вижу ужасающую картину. Алена сидит на полу, руки у нее в крови, а вокруг разбросаны кусочки льда, которыми заполняются ячейки. И, разумеется, одна из них сейчас пустует.

Сначала я хочу спросить, все ли у нее в порядке, и чья это кровь, но вовремя вспоминаю, что на самом деле важно.

— Где оно?

«Оно» — новорожденный, мы их так всегда зовем. Не знаешь ведь, кто это, мужчина или женщина, хотя за последние годы вероятность появления на свет женщин свелась практически к нулю, но привычка осталась.

— Сбежало. Разворотило ячейку изнутри, швырнуло в меня глыбу льда и скрылось. Я даже рассмотреть его не успела, не то что... — Ее голос срывается.

Я стремглав несусь к аппарату экстренных вызовов.

— Говорит Феникс, главное отделение Инкубатора. У нас сбежал новорожденный! Прием. Сбежал новорожденный!

Но в ответ почему-то тишина.

Марьям накидывает на лысый череп широкий капюшон и торопливо покидает здание оперы. Около входа все еще толпятся мужчины во фраках, дымят сигарами и красиво смеются.

Мужчины вообще все делают красиво. У них красивые лица, мягкая, как у младенцев, кожа, и нежные пятки — в этом Марьям убеждалась не раз. Любовницей она была не самой отменной, но никого, кроме нее, это, похоже, не волновало.

В загазованном Городе стоял вечерний смог. По улицам туда-сюда проносились паланкины со взмысленными, точно лошади, слугами. В воздухе витал запах соли, пота и дыма.

Поймав на себе несколько любопытных взглядов, Марьям как можно быстрее спешит удалиться от театра. Быстрыми, короткими шажками она преодолевает площадь, минуя угасший фонтан, и только когда оказывается в темном проулке, позволяет себе перевести дух. Мимо, хищно клацнув клювом, прыгает голубь, и женщина едва успевает отдернуть ногу, чтобы спастись от клевка.

— Проклятая птица, — тихо цедит Марьям, но вдруг что-то в дальнем конце улочки привлекает ее внимание.

Кто-то нагой, маленький, с темными, точно пух, волосиками сидит под крыльцом и протяжно поет, раскачиваясь взад-вперед.

Марьям не знает, кто это. Отсюда не понять — женщина или мужчина, но таких маленьких людей она в своей жизни еще не видела.

Немного погодя она решает подойти к незнакомцу и брезгливо трогает голого человека за плечо.

— Эй, тебе помочь?

За капюшоном не видно лица Марьям, поэтому, когда существо поднимает голову, оно видит только мглу и два белеющих в темноте глаза.

В какой-то момент женщине кажется, что незнакомец вот-вот заплачет, но что-то его сдерживает, и он снова утыкается лицом в колени.

Присмотревшись, Марьям понимает, что существо больше похоже на девочку, чем на мальчика, однако не оформившаяся грудь внушает сомнения. И волосы — сразу видно — свои, непричесанные, спу-

танные. Некоторые клочья, прикинула Марьям, придется вырезать ножницами.

И тут она вспоминает картинки из книг, которые читала в юности. Едва родившись, все читают, все мы приходим в этот мир с любопытством, но едва познаешь первые прелести жизни, как книги становятся ненужными. Книга не поможет в работе на фабрике, книга не научит быть красивой, а именно к этому стремятся женщины всего Города.

— Дитя, — шепчет Марьям, прикрыв рот ладошками в изысканных лайкровых перчатках. — Ты — дитя...

Она разглядывает его, точно пришьельца. Маленькие розовые ушки, миниатюрные пальчики и голое тельце, соприкасающееся с грязной мостовой. Кругом пахнет помоями, а девочка сидит тут, вся съезжившаяся, как ангел посреди адского пекла.

Марьям страшно, но, в то же время, что-то внутри нее снова хочет прикоснуться к ребенку, прижать нежную детскую плоть к своей груди и не отпускать до скончания веков.

«Глупые мысли», — пытается отмахнуться Марьям.

— Пойдем со мной, ну же, малышка, давай. — Женщина распахивает плащ и быстро, одним движением, сгребает маленькое тельце под плотную ткань. Ребенок и не сопротивляется — лишь дрожит, но все так же не плачет.

Марьям несет ношу домой, как трофей. Ей хочется поскорее переступить порог и накормить одинокое чадо. Что там едят дети? Наверное, то же, что и собаки. А как с ними надо обращаться? Возможно, как с собаками: хвалить, когда те заслуживают, и щелкать по носу, когда те ведут себя неподобающе. Больше Марьям о детях ничего не знает.

Но ее желанию не суждено сбыться: почти у самого порога ее останавливает почтальон — пожилой господин, с густыми баками на щеках и широким носом. Даже в девяносто мужчины умудряются выглядеть преотлично — Марьям же в пятьдесят три приходится ежегодно посещать пластического хирурга. И то — бесполезно.

— Это вы, госпожа Марьям?

— И вам добрый вечер, — отвечает она поспешно, всем своим видом показывая, что ей сейчас не до разговоров. — Все разносите почту?

— А чем мне еще заниматься? Смотрю, вы прикупили пороса. — «Свиненок» за пазухой у Марьям начинает ворочаться и извиваться, словно понимает, что речь идет именно о нем. — Намечается праздничный ужин?

— Я еще не решила, господин почтальон. Увидимся позже, мне надо идти.

Но он как будто не слышит: машет пухлыми пальцами и дает советы по готовке:

— ...Лучше с яблоками, я вам говорю. Слышите? Яблоки — самое то! Не удержавшись, она отталкивает его в сторону и бесцеремонно бросает вслед:

— Ненавижу яблоки! От них портятся зубы!

Марьям врывается в квартиру и, забыв закрыть дверь на замок и даже не разуваясь, влетает в ванну. Вытряхивает ношу в таз и тут же отшатывается — девочка смотрит на нее осмысленно, серьезно, и оттого ей становится еще больше не по себе.

— Ты откуда такая взялась? — Марьям быстро щипает ребенка за ляжку, словно хочет удостовериться, что он настоящий.

Но малышка не отвечает. Она как будто не умеет говорить.

— Ну, точно, как собака, — бормочет Марьям и убегает в кухню. Обрат-но она возвращается с коробкой, полной печенья, и пакетом молока. За-видев лакомство, девочка издает радостный визг и тянет ручки вперед.

— Вот, держи, ешь...

Маленький монстр хватает коробку и начинает громко хрустеть пече-ньем. Звук по всей ванной стоит такой, будто кто-то костыми лязгает.

— Наверное, ты давно не ела...

Но девочка по-прежнему не отвечает — лишь временами поглядывает на Марьям из-под пушистых ресниц.

Уже ближе к полуночи женщина оставляет ребенка в ванной сладко спя-щим в обнимку с пустой коробкой из-под печенья. Она ложится в кровать в дрожа, слабо представляя, во что ввязалась.

Наутро ее будит звук разбивающегося стекла.

4

Доигрались. Новорожденные, оказывается, настолько сильны, что разби-вают ячейку, нападают на персонал и скрываются в неизвестном направ-лении.

— Ты точно не разглядела, кто это был? — повторяю я вопрос в тысяче-ный раз, но Алена снова мотает головой. Что с нее взять — истеричка.

— А-а, ладно, — машу я рукой и оставляю сотрудницу зализовать раны.

Оба охранника на входе оказались оглушены. Я аж присвистываю от удивления. Надо же, кто это их так? Двух здоровенных детей под два ме-тра — и наповал.

Проверяю — вроде, жить будут.

Кем бы ни был этот новорожденный, подчиняться он каким-то лабораторным крысам явно не намерен. Хоть бы не ушел далеко в Город, а там как-нибудь управимся.

Накидываю на плечи куртку и покидаю здание Инкубатора с легким беспокойством. Куда идти — один черт знает. Новорожденный мог выбрать любой путь, да и что я буду делать, когда столкнусь с ним лицом к лицу? Я, может, и не слабак, но и не идиот. Стоит хотя бы вспомнить о несчастных Гарри и Петре, которые еще ох как не скоро придут в себя.

Но новорожденный и не пытался спрятаться: неподалеку в узел завязан фонарный столб. Головки у резных ангелочков валяются тут же, неподалеку, погрызенные и искореженные. Да, новорожденный явно голоден. Как бы он в пищу кого из горожан не употребил, тогда о повышении стоит прекратить даже мечтать.

Следы ведут все глубже в городские трущобы. Я продираюсь сквозь них, обнаруживая все новые следы зверств новорожденного.

Неподалеку от оперного театра, где как раз недавно проходил концерт, еще толпятся люди. Владельцы фабрик, бухгалтеры, ростовщики, — в общем, те, белые манжеты которых не заляпаны заводской пылью.

— Скажите, — обращаюсь я к высокому господину — молодому, поджарому и добродушному на вид, — вы тут не замечали в последнее время ничего необычного?

«Кроме сумасшедших в больничных халатах?» — смеются в ответ его глаза, и я вспоминаю, что действительно забыл переодеться.

— Нет, мессир. Это же опера, — шутит он, — здесь всегда тихо.

Я пытаюсь улыбнуться, однако, судя по лицу собеседника, улыбка моя больше похожа на оскал.

— Благодарю.

— И вам не хворать.

Он отворачивается, облизывает губы и, покачиваясь на мысках ботинок, продолжает неспешную беседу о бильярде, шляпах или женщинах. Фу, только не о последних!

Как же мне порой жаль этих господ! Знали бы они, какие чудовища живут прямо у них под носом, спят с ними в одной постели и постоянно пытаются выглядеть молодыми и здоровыми. Но на деле женщины — быстро вянущие цветы.

Их можно сравнить с бесплодной почвой, на которой ничего не вырастет, как ты ее ни поливай. Рождаются они уже беззубыми, поэтому каждая дама, первым делом, получает в комплект замечательную белоснежную, но вставную улыбку. И в довершение — их глаза не имеют цвета. Ах да, еще они бесплодны и бесполезны.

Нет, я не женоненавистник — просто скажите, зачем нам женщины? Теперь, когда они слабы здоровьем, не блещут красотой и живут, каждую секунду своего существования страдая? Они больше не вынашивают детей, не создают в доме уют, они не уверены в себе, ибо каждую секунду боятся разоблачения.

Скажите, вы бы согласились так жить? Уж очень сомневаюсь.

Как ни странно, именно женщины явились самыми яркими сторонницами Инкубатора, когда тот находился еще только на стадии разработки. Правда, они рассчитывали на то, что женщины и мужчины будут появляться на свет в равной пропорции, но не суть дело. Именно женщины так долго кричали, что хотят заниматься самореализацией, хотят строить дороги, рубить лес, рисовать соборы и готовить панофлетто в рисовом соусе. Они заявляли, что хотят равных прав с мужчинами, и что же получилось?

Я вам так скажу: с чем боролись, на то и напоролись.

Играть с природой в какие-либо игры вообще опасная штука, тут за результат вам даже сам Создатель не поручится. Мужчины поставили на «черное» — и победили. Все по-честному.

Обратно в Инкубатор я возвращаюсь с пустыми руками через еврейский квартал. Нравится мне это место, ничего не могу поделаться, хотя последнюю синагогу уже лет двести как снесли. Тихий, спокойный район, тут огни в окнах гаснут ровно в одиннадцать, как по часам.

И среди темных черных окон я вдруг замечаю человеческое лицо на третьем этаже. Глаза смотрят пристально, голодно, а ладони лежат на стекле. Мгновение — и человек исчезает во мраке комнаты.

— Ну, что, хочешь поиграть в прятки, новорожденный?

Недолго думая, я сворачиваю в подъезд и дергаю за шнур колокольчика.

5

Марьям смотрит на часы: час двадцать три. Какое утро, еще даже светать не начало! Кажется, она легла спать целую вечность назад, а прошло не больше часа.

— Ну, что ж ты будешь делать... — Она встает с кровати, суетливо напяливает на голову чепец и босиком шлепает в кухню.

...Хотя теперь это вряд ли можно назвать кухней. Стол перевернут, посуда побита, дверцы кухонных шкафчиков мотаются буквально «на соплях», грозясь в любой момент отвалиться. Что-то похожее на ножки стульев запуталось в люстре, а по полу, словно огромное пятно крови, растеклось вишневое варенье.

И посреди всего этого беспорядка — маленькая девочка.

— Печенье? — произносит она тоненьким голоском и поворачивается к Марьям. — Я голодна.

Марьям в шоке. Не столько от разгрома, учиненного в кухне, сколько от того, что девочка, наконец, заговорила.

— Ну, ты и обжора, — произносит она надломившимся голосом. — Сейчас. — И тянется к буфету, про себя молясь, чтобы там осталось еще хоть что-нибудь съестное.

Получив новую порцию лакомства, девочка усаживается на полу, запрокидывает коробку и высыпает все печенье прямо себе в рот. Представив, сколько в нее всего вмещается, Марьям вздрагивает, ведь так и ее запросто может слопать...

Она стоит, стараясь не дышать, и смотрит, как кровожадный монстр хрустит печеньем. Ей хочется, чтобы все это было лишь сном, чтобы она вновь оказалась в своей гримерке, с париком и пудрой, с обрывками разговоров за кулисами.

Но если это кошмар, то почему она никак не проснется?

Неужели она это заслужила? Всю жизнь она прожила одна, никого настоящему не любя. Всю жизнь трет туфлями сцену оперного театра. У нее нет цели в жизни, но она не сделала никому ничего плохого. Ей просто некому причинять вред.

— Еще. — Заветное слово слетает с уст ребенка быстрее ветра.

Марьям кидает девочке старые сухари в надежде, что ей и это сойдет. К счастью, маленькая гостя не особенно привередлива в еде.

Едва последний сухарь исчезает во рту, как девочка вновь, не мигая, смотрит на хозяйку.

— К-как тебя зовут? — наконец выдавливают Марьям.

— Зоя. А тебя?

— Марьям. Ты... хочешь еще чего-нибудь?

— У тебя есть книжки?

Марьям вздыхает от облегчения, что Зоя больше не голодна, иначе пришлось бы просить еду у соседней. Если дети действительно как собаки, то чувство голода они могут испытывать постоянно.

Где-то на антресолях у нее что-то, кажется, есть. Марьям выуживает оттуда пыльный том «Сказок народов мира» и кончиками пальцев протягивает его девочке.

— Нет, — как ни в чем не бывало, возражает та, — ты почитай. Вслух.

Девочка с разбегу запрыгивает на кровать и принимается болтать голыми ножками.

— Ну, ладно, — соглашается Марьям. Она внимательно всматривается в буквы, стараясь вспомнить, как их правильно складывать в слова. — Ох, давно я этим не занималась, в смысле, не читала. Ну, слушай. В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девчоночку — Гретель...

От страниц пахнет пылью и стариной, но не молодостью, потому что Марьям никогда не была молода. Она всегда себя такой помнит — с обвисшими веками и маленькой треугольной грудью. Так и умрет — ничуть не изменившись и внешне не постарев. Возможно, наберет чуть-чуть на боках, когда перестанет ходить в оперу, но, в целом, картина будет та же.

— ...Но Уточка тотчас к ним подплыла, и Гензель сел к ней на спинку и стал звать сестру, чтобы та села с ним рядышком....

Раздается звонок в дверь. Кому это не спится? Марьям прикидывает, видно ли с улицы, что она зажгла свечу, шторы, вроде бы, плотно задернуты.

— Сиди тихо, — велит она Зое и выходит в коридор. — Кто там?

— Это я, господин Уль, почтальон.

6

Я уже успел получить три выговора, два нецензурных замечания и пять многозначных взглядов, как бы говорящих: «Проваливай, парень, пока я полицию не вызвал». В доме никто ничего не знает, ничего необычного не замечал.

Последняя квартира на пятом этаже. По моим прикидкам, именно там сейчас точно не спят.

Дзы-ы-ы-нь!

Молчание.

Переминаюсь с ноги на ногу, жду минуту, потом еще. Не открывают. Звоню снова.

И только затем понимаю, что дверь не заперта.

Вам знакомо понятие «нехорошее предчувствие»? Наверное, оно досталось нам от кошек. Кошки же умные существа, и с интуицией у них все в порядке.

Так вот, в тот момент, когда я переступаю порог квартиры, «нехорошее предчувствие» у меня в голове просто-таки зашкаливает. Оно настолько нехорошее, что уже спустя мгновение перерастает в конкретный ужас.

В квартире пахнет так, будто тут живет заядлая собачница, но даже не в этом дело. Ближайшее помещение из коридора ведет на кухню, где, как

кажется, киборги устроили бойню либо оргию. Лично я боюсь участвовать и в том, и в другом.

Шаг. Еще. Сомнения постепенно перерастают в уверенность, что мой новорожденный где-то рядом. Так, газовый баллончик прихватил, но спасет ли он меня от монстра, едва вкусившего жизнь?

Но в единственной комнате меня ждет совсем не то, что я ожидал увидеть.

На полу лежит мужчина в форме. Если не ошибаюсь, почтальон. Ухо раздроблено, синтетический ковер залило кровью. А на диване сидит выжившая из ума старуха в накрахмаленном чепце и девушка-карлик. Старуха читает вслух книгу, а девушка водит пухлым пальчиком по свинцовым строчкам. Временами старая женщина поглядывает на тело, лежащее на полу, но не решается сдвинуться с места, будто прикованная страхом. Меня она не замечает.

— Гретель тотчас вытрясла весь свой фартучек — и жемчуг и драгоценные камни так и рассыпались по всей комнате, да и Гензель тоже стал их пригоршнями выкидывать из своего кармана. Тут уж о пропитании не надо было думать, и стали они жить да поживать, да...

В этот самый момент карлик поднимает голову и смотрит прямо на меня своим немигающим взглядом. Лучше б уж это оказался двухметровый мужчина, было бы не так страшно.

Не сразу я узнаю в существе ребенка. Настоящего, живого, но с бездонной мудростью в круглых карих глазках. Это не карлик — это девочка.

— Ты пришел за мной? — спрашивает она серьезно, и старуха, желая знать, куда смотрит ребенок, поднимает на меня глаза. Бесцветная радужка хранит в себе такое отчаяние, что хочется прижать женщину к себе, защитить от маленького монстра.

— Это ты сделала? — киваю я в сторону обездвиженного тела.

— Зоя устала, — говорит она высоким голосом и начинает тереть глаза. — Зоя хочет спать.

— Пойдем. — Я протягиваю ей руку ладонью вверх, и, что удивительно, девочка тут же слетает с дивана и подходит ко мне.

Перед тем, как покинуть комнату, она в последний раз поворачивается к женщине и тихо произносит:

— Марьям, дочитай без меня, пожалуйста. Я, наверное, так и не узнаю, чем закончится эта чудесная сказка.

Женщина с трудом сглатывает и сдавленно качает головой в знак согласия.

— Ты понесешь меня на ручках? — спрашивает Зоя, когда мы выходим на улицу. Странно, что она не сопротивляется, ведь, если судить по учиненным ею зверствам, силы в ней таится немало.

— Конечно, — говорю я и подхватываю ее на руки.

Она легкая, как перышко, а еще теплая, и сопит, как маленький механический паровозик. Вот уж подумать не мог, что когда-нибудь встречу с таким существом. Глядя на девочку, я испытываю смешанные чувства, истоков которых не могу определить. Это и ужас, и нежность одновременно.

Ни к одной женщине в Городе я не испытывал ничего подобного, а ведь через мои руки прошла не одна сотня женщин. Сколько я уже работаю в Инкубаторе? И посчитать страшно.

Пока мы идем в сторону Института, Зоя засыпает. Кажется, маленькое, беззащитное создание, но за этой маской прячется наказание, которое весь Город обязан понести за то, что сотворил. Прикрываясь свободным временем, самопознанием и прочей ерундой, мы забыли о своем главном предназначении — продолжать начатое отцами.

А в этой жизни у нас нет ни отцов, ни матерей. Есть только Инкубатор и Создатель, которого никто никогда в глаза не видел.

В главном отделении горит лампа, и Алена сидит на трехногой табуретке: глаза просохли, ладони забинтованы. Завидев меня с девочкой на руках, она вздрагивает и инстинктивно отшатывается.

— Ты его принес... — шепчет она с ужасом, вспоминая перенесенное еще несколько часов назад.

— Да, — отвечаю я, — принес.

Когда мы станем детьми, я пойду в школу с набитым учебниками портфелем. Я поделюсь приготовленным мамой завтраком с соседкой по парте. А что, очень даже милая девочка.

Когда мы станем детьми, я буду играть с дядей Идрисом в шашки и бегать с соседской собакой наперегонки. Я покормлю ее сухарями, а родителям скажу, что никаких сухарей не видел.

Когда мы станем детьми, я буду носить сумки с продуктами из магазина, а мама будет счастливо махать руками, как будто я ее маленький рыцарь, а она моя прекрасная дама. Затем на ужин она приготовит лазанью и испечет душистый белый хлеб. Вечером придет на ужин папа. Не с завода. Заводов давно уже нет — кто работает на заводе в век электричества?

Когда мы станем детьми, я подарю тебе ромашку с семью лепестками, чтобы ты не сомневалась, люблю я тебя или нет...

...

— Кто там? Я занят! — кричу я, думая, что это снова Алена со своими женскими истериками. Но ответа нет.

— Вы Феникс? — произносит незнакомый женский голос. Глубокий, певучий.

— Ну, я.

Поворачиваюсь на стуле, встаю и замираю. Передо мной женщина. Не фальшивка, с ног до головы обмазанная гримом, а именно Женщина. Высокая, статная, с белыми руками и ухоженными ногтями. Белые кудри выются до лопаток, губы, не нуждающиеся в помаде, искривляются в ехидной ухмылке.

— Удивлен?

— Есть немного.

— Слышала, в Инкубаторе произошел несчастный случай?

— Да, было дело. Но все уже улажено. Дево... новорожденный помещен в капсулу и заморожен.

Женщина понимающе кивает.

— Я пришла вот по какому вопросу, Феникс... Как насчет того, чтобы войти в исследовательскую группу по разработке программы естественного зачатия?

— Естественного... чего? — не понимаю я.

Гостья устало вздыхает.

— Ну, женщины и мужчины... Младенцы, понимаешь? Как насчет того, чтобы попробовать все поставить на круги своя? Какой дурак пойдет против природы?

— Я что-то не очень понимаю. А вы, собственно, кто?

— Позволь представиться, Феникс. Меня зовут Елена. И я Создатель.

...

В одиночной камере она сидит на скрипучей кровати и дрожит — не то от холода, не то одиночества. На белом пластмассовом столике перед ней стоит тарелка с кашей и ломоть ржаного хлеба. Белый цвет — для успокоения души. Каша — для успокоения желудка.

Ей мерещатся лилипуты, бегающие по летней лужайке, и собаки. Много собак. Временами дети становятся собаками, опускаясь на четвереньки и громко лая, а затем вновь встают и становятся детьми.

В камере тишина, но ей все время чудятся посторонние звуки.

Она еще больше осунулась. Маленькая лысая головка обтянута тонкой, почти прозрачной кожей. Медленно, но верно она умирает, и только последние слова вертятся в ее голове:

«Моей сказочке конец.

По лесу бежит песец.

Кто поймать его сумеет,

Тот и шубку заимеет...» □

Борис Рабухин

СОШЕДШИЙ С НЕБЕС

Мы ждем мессию, а он здесь.
И не опознан, и не призван,
Но нимб сошедшего с небес
Над головой — святейший признак.

Вочеловечился для нас,
Стать Светом Разума надеясь.
А может быть, распят не Спас,
А человеческая ересь?

Каких он бездн хлебнул сполна,
Быллой изгой — грядущий гений?
«А все же вертится она!» —
Твердит он на костре гонений.

Но те, чей не зажегся нимб,
Задуть свечу полны отваги.
От страха чернь кричит: «Распни!» —
У Черной речки и в ГУЛАГе.

Пугает Истиной Пророк.
И ученик его растерян.
Цикуты поднесет глоток
Или повесит в «Англетере».

Богов Олимпа без стыда
Титаны тьмы свергают с бранью.
И жаждут Страшного Суда,
И ждут мессию на закланье.

А в мутном небе — гнус харизм
И белых братств и сатанистов.
Не ведаем, чего творим?
И мрак неведенья неистов.

На рубеже добра и зла,
На грани Разума и Сердца
Крест для Пришельца вознесла
Земля в затмении фарисейства.

Д одная, любимая, единственная...

«Я ухожу. Так надо. Позаботься о Коте и учись жить без меня», — написал мне в записке Андрей.

А накануне вечером принес малюсенького котенка, который буквально утонул в широкой ладони мужа.

— Это тебе, — сказал он, протягивая мне пушистый комочек.

— Зачем? — удивилась я.

— Ты же хотела. И еще вот, — он положил на стол визитку с телефонами ветлечебницы. — Животные иногда болеют.

Утро наступившего дня все расставило на свои места. Оно было уже без Андрея.

Ася не умела жить без него: он был ее светом, воздухом, он был для Аси всем. Маленький пушистенький комочек жалобно плакал, а вместе с ним плакала и Ася. Даже не плакала, а просто выла, как волчица, в подушку. Днем она, вопреки желанию Андрея, бегала по друзьям и знакомым, стараясь найти хоть какую-нибудь зацепку. Ходила по больницам и моргам, пыталась найти ту злосчастную его работу — лабораторию, которую он все три года их совместной жизни тщательно скрывал от нее.

— Это не моя тайна, Асенька. Я давал подписку о неразглашении.

— Даже мне? — обиделась Ася.

— Извини, Асенюк, но даже тебе.

Родная, любимая, единственная...

Шли дни, Ася перестала ходить на работу, просто не могла, и все. Она, честно говоря, вообще не понимала, что происходит, отчетливо сознавая лишь одно: Андрея нет. А она почему-то еще есть. Несколько раз возникало желание уйти из жизни и самой, но жалобно мяукал Котыка, просил ее тепла, внимания, еды, наконец. Ася кормила малыша, а потом плакала вместе с ним...

Видимо, она незаметно уснула, потому что не услышала звонка, а проснулась от громкого стука в дверь, нехотя поднялась и пошла открывать.

— Здравствуй, девонька, — сказала соседка, живущая этажом ниже, и, слегка оттеснив Асю, прошла в комнату.— Здравствуй, — повторила она, оглядываясь по сторонам. — И хватит реветь по ночам. Я хоть и стара, но слух у меня хороший, потому что голова пока, слава богу, работает исправно. Давления потому что нет. А от него люди гложут. Так вот, жить, девонька, надо, хоть и тяжело тебе. Опять же, за живую душу ты теперь в ответе, хоть душа эта и кошачья. Поить его, — кивнула на Котю соседка, — лучше деревенским молочком, быстрее расти будет. Я вот ему немного принесла. — Она отлила из пол-литровой банки молоко в Котину миску, и тот стал жадно его лакать. — Это по новой науке молоко нельзя котам давать, говорят, что вредно. А они молочко завсегда пили и будут пить. Видишь, как нравится! Буду и тебе покупать, а то тебе самой некогда. По вторникам и четвергам на рынок привозят деревенское молоко, я беру себе на каши, заодно и тебе литрочку прихвачу. Вскипятишь, на неделю кисоньке и хватит. Ты, небось, как мои дети и внуки, тоже не пьешь деревенское молоко?

— Не пью, — кивнула головой Ася.

— А чаек попьем? — Соседка вопросительно посмотрела на нее и стала наливать воду в чайник.

Ася открыла холодильник и смущенно посмотрела на женщину:

— Извините, но у меня, кроме Котькиного корма, ничего нет...

— Да не беда, я все принесла. — Соседка стала доставать из корзинки булочки, варенье. — Меня все Григорьевной кличут, а ты можешь меня тетей Олей звать. Мне, Ася, тридцать годков было, когда от меня ушел муж. Да ладно, если бы только от меня, он бросил вместе со мною и наших двух девочек. Кате было три, а Лиза в первый класс пошла. Я от такого предательства собиралась руки на себя наложить, но крохи-то мои в чем виноваты? Вот и жила ради них. И плакала, как и ты, по ночам в подушку, чтобы дети не слышали. Они меня спасли, да и работа. А ты что, на работу не ходишь?

— Не могу, — ответила Ася.

— А ты ходи, она тебя спасет.

Ася и правда вот уже три месяца не появлялась в своем рекламном агентстве. Света, ее подруга и заместитель, все убеждала и убеждала ее выйти на работу, Ася обещала, но сил хоть что-то делать, совсем не было.

А потом Светка как-то принесла ей на подпись документы. Ася, не глядя, все подписала.

— А теперь прочти, — сказала вдруг Света.

— Зачем? — удивилась Ася.

— Затем, — настаивала Света.

И Ася стала читать ... собственный приказ о передаче своего агентства их конкуренту.

— Что это? — не поверила она своим глазам.

— То это, — ответила Светка. — На работу пора выходить. Надо же тебя как-то в чувство приводить. А если бы вместо меня работала бухгалтер, которую мы в прошлом году уволили с тобой за растрату?

Асе аргумент показался достаточно веским, и она, наконец, вышла на работу.

На свое детище — агентство Ася потратила семь лет жизни. Она и рождение ребенка оттягивала, несмотря на то, что Максим, первый ее муж, очень хотел детей. А когда все задуманное ею осуществилось, они встретились с Андреем, хотя, по всем существующим законам бытия, их пути никогда не должны были пересечься. «Я пропала», — внутренне содрогнулась Ася, встретившись с карими глазами Андрея. «Эта женщина должна быть рядом со мной», — решил тогда при их первой встрече Андрей. И через две недели они действительно стали жить вместе.

Ася сразу хотела родить ребенка, но, как нарочно, весь год с ней что-то случалось: то пневмония привязалась, то аппендицит ...

А потом — та первая длительная командировка Андрея, из которой он вернулся сам не свой.

Р *одная, любимая, единственная...*

— Что это? — настороженно спросила Ася, показывая на следы внутривенных уколов.

— Да не волнуйся, родная. Не наркоман я. Просто там хорошая медсанчасть, вот мы и совмещаем нужное с полезным.

Потом эти командировки случались все чаще и чаще, а Андрею становилось все хуже и хуже.

— Прошу тебя, Андрюша, брось ты эту свою работу, подлечись. Ты же знаешь, что дела в агентстве пока идут неплохо, проживем.

Но Андрей всякий раз обнимал ее, крепко прижимал к себе, улыбался своей мягкой улыбкой и говорил:

— Все хорошо, родная, все хорошо. Я же сам врач, ты не забыла?

Но Ася-то чувствовала, что ничего хорошего во всем происходящем не было. Андрея все время знобило, но при этом ему не хватало воздуха. Большую часть времени он проводил на балконе, и есть стал совсем мало и неохотно.

А потом и вообще ушел из ее жизни. Но Ася продолжала его искать. Иногда ей звонили из морга, и она, преодолевая себя, смотрела на безымянные трупы, похожие, по мнению патолого-анатомов, на ее Андрея.

Уходя, Андрей практически ничего не взял с собой — минимум из вещей и их общую фотографию. Ася тут же вставила в рамочку новую. Она ждала мужа, постоянно разговаривала с ним...

«Андрюша, почему ты не взял свою любимую кружку? А зимние вещи, ведь скоро зима? Ты обязательно приедешь к зиме, ты вернешься домой!»

К ней на сайт в «Одноклассниках» стал заглядывать какой-то невидимка. И Ася почему-то решила, что это Андрей. Она стала писать ему письма обо всем, что с ней происходило, но в ответ не получила ни одного письма. Света водила ее к психологам и психотерапевтам. Но что они могли сделать, если Андрей все равно был рядом с нею...

Она перестала смотреть телевизор и долгими ночами вспоминала их с Андреем совместную жизнь.

У Аси было много знакомых и приятелей, но по-настоящему близких людей — всего трое: Андрей, тетя Зина, папина сестра, и Светка. Максим так и не простил ей ее ухода. А в последнее время она очень сблизилась с тетей Олей. Если бы она тогда не пришла к ней, кто знает, что бы было с ними — Асей и Котей?

Почему-то вспомнилась фраза тети Зины, когда она приезжала к ним буквально перед исчезновением Андрея: «Нездешние у него глаза, Ася, ох, нездешние». И как не просила Ася ее объяснить, что это значит, тетя Зина так ничего и не сказала.

А потом они с Котей неожиданно оба заболели. Светка с тетей Олей даже «скорую» ей вызывали. Оказалось, сердечный приступ, чего раньше с ней никогда не было. Ну а Коте врача вызвала сама Ася, вспомнив о визитке, оставленной Андреем. Приехавший врач осмотрел кота, сделал ему уколы, что-то назначил. А потом вдруг неожиданно спросил:

— Вы — Ася?

— Да, — удивленно ответила она.

Он снял с полочки фотографию, долго и внимательно всматривался в нее, а потом попросил Асю сесть.

— Вы его знаете? Вы знаете, где Андрей? — с надеждой спросила она, чувствуя, какой болью отозвалось сердце.

— Андрей говорил, что вы сильный человек, Ася.

— Что с ним? Он жив?

— Он умер неделю назад.

— Нет, нет и нет! — качала головой Ася, а перед глазами стояли темные круги. — Нет, этого не может быть! Не может быть никогда!

Они — Ася и Котя — заболели именно тогда, когда мучительно и тяжело уходил из жизни их Андрей...

Глава — так звали ветеринара — повез Асю в лесхоз, что в ста километрах от города. Там у их общего друга егеря Петра все эти девять месяцев жил ее Андрей.

— Это Вам, — сказал Петр, протягивая ей тетрадь, исписанную рукой Андрея.

«Родная, любимая, единственная, думал, смогу не говорить с тобой, а оказалось, что это невозможно. Помнишь мою первую командировку? Она случилась после той нештатной ситуации в лаборатории, а потом нас всех три месяца реанимировали. Дольше всех задержался я. Девятерых уже нет. Я видел, как тяжело уходили они из жизни, и как тяжело было их близким. Разве мог я тебя обречь на эти мучения?»

Р *одная, любимая, единственная...*

Родная моя, ну почему ты три месяца не выходишь в инет? Возвращайся, пожалуйста, в привычную жизнь.

Ну, вот и хорошо. Спасибо тебе за твои письма, любовь моя. Извини, что молчу в ответ.

Рад выставленным тобою фотографиям Коти, подрост, мальчишка.

Жалею, родная, что не взял любимую кружку, подаренную тобою мне на день нашей встречи».

Я читала дневник Андрея, ответы на мои письма ему в Интернете и плакала. Слезы капали на бумагу, а я все читала и читала...

Хорошо, что в твоей жизни появилась тетья Оля.

Молодчина, Света, что все-таки вытацила тебя на работу...

Права была твоя тетья Зина, когда сказала о «нездешности» моих глаз. Я правда ухожу...

Родная, любимая, единственная моя, прощай!»

Это были последние слова Андрея, обращенные ко мне.

Прошло два года. Я так и не научилась жить без Андрея. Совсем скоро в той комнате, которую мы с Андреем планировали отвести под «детскую», поселится наш двухлетний сын — Даниил Андреевич Зеленин. Я его увидела по телевизору в одной воскресной семейной передаче. Малыш был так похож на Андрея, что я тут же стала всех обзванивать — и знакомых, и на телевидение, и в детский дом, боясь, что кто-то опередит меня и возьмет нашего мальчика к себе.

— Никаких нянек и садиков, — в два голоса сказали тети Зина и Оля, — а мы на что? Ты, мама Ася, работай, а мы будем управляться дома.

Даже Котя пребывает в радостном ожидании новых перемен...□

«ЮНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ»

ИВАНА ФИРСОВА

Ирина
Опимах

До нас дошла только одна картина этого художника, но, глядя на нее, понимаешь — ее автор был настоящим мастером, сумевшим запечатлеть на своем полотне Жизнь, что удастся очень немногим. Удивительно, но имя его долгие годы было никому не известно...

Русское искусство XVIII века. Нарядные портреты вельможных сановников и их супруг, жеманные воспитанницы Смольного института, парадные портреты венценосной пары, огромные полотна на исторические и мифологические сюжеты. И среди всего этого великолепия — небольшое полотно, совсем непохожее на творения российских художников того времени. Перед нами — небольшая комната, мастерская художника. Мягкий свет падает на картины на стене, стол и стоящий на нем манекен. Тут же и сам художник, возможно, он и есть хозяин мастерской, — это

юноша лет тринадцати-пятнадцати. У него в одной руке — палитра, а в другой — кисть. Юный живописец поглощен работой. Во всем его облике, в его позе — простота и естественность. А перед ним сидит его модель, круглолицая девчушка в чепчике и нарядном розовом платье. Понятное дело — трудно сидеть, не двигаясь, поэтому ее мать, стоящая рядом, уговаривает девочку потерпеть — ну, еще чуть-чуть... Простой сюжет, всего три персонажа, но столько в этой сценке правды, естественности, живости, столько тепла и любви к людям — и к этому юному художнику, и к этой очаровательной девчушке, и ее молодой маме! Несомненно, автор картины — настоящий мастер, прекрасно владеющий рисунком, чувствующий цвет, владеющий светотенью. Трудно не поддаться ее обаянию — в мире, где живут герои полотна, царит атмосфера уюта, чистоты, благородства. Недаром известный русский критик Александр Бенуа писал: «Кем бы ни была написана эта картина, она остается одной из самых значительных и прекрасных картин всей русской школы и даже — всех картин подобного характера того времени в Европе...» С ним соглашается и академик Игорь Грабарь: «Юный живописец» — одно из лучших произведений не только русской, но и общеевропейской живописи XVIII века. Но почему Бенуа так осторожничает: «Кем бы ни была написана картина...»? Кто же автор этого полотна?

До 1883 года Павел Михайлович Третьяков в основном собирал картины своих современников, но потом

решил, что его коллекции не помешают, а может, и украсят ее и полотна художников прошлого. Именно тогда он приобрел у известного петербургского коллекционера и любителя искусства Николая Дмитриевича Быкова несколько замечательных полотен художников XVIII века — Щедрина, Боровиковского, Угрюмова. Среди купленных картин — и небольшое полотно «В мастерской художника». На картине подпись — «А. Лысенко. 1756». Картина эта оказалась самой дорогой из быковской коллекции — Третьяков заплатил за нее полторы тысячи рублей! Уж очень она понравилась Павлу Михайловичу. Опытный, с прекрасным вкусом Третьяков сразу почувствовал, что это — маленький шедевр. Конечно, он спросил Быкова, как картина к нему попала, и тот рассказал, что купил ее еще в 1838 году у сына и наследника Лысенко К.И. Головачевского.

В России XVIII века все знали Лысенко — это был выдающийся портретист, педагог, основоположник русской исторической живописи. А еще — академик, профессор, директор Академии художеств, яркий представитель господствовавшего тогда в искусстве стиля классицизма. Лысенко написал огромное множество полотен — в основном, на библейские и мифологические сюжеты, а также сцены из русской истории: «Владимир перед Рогведой», «Каин», «Прощание Гектора с Андромахой»... Четкий рисунок, продуманная композиция, гладкая, слегка условная живопись. Картины Лысенко по-своему безупречны, но бесстрастны, сердце они не трогают.

Трудно представить, как этот рассудочный, холодный художник мог написать «Юного живописца», тонкую, душевную историю о юном художнике и его маленькой модели.

Еще в конце XIX века знатоки стали сомневаться в авторстве Лысенко. В 80-е годы известный искусствовед Д. Ровинский высказал предположение, что «Юного живописца» написал не Лысенко, а его современник А. Антропов. Правда, никаких доказательств у Ровинского не было.

Прошло несколько лет, и те же сомнения поселились в душе А. Бенуа. Он был уверен — Лысенко никакого отношения к картине не имеет, и писал: «Ничто — ни колорит, ни письмо, ни отношение к жизни, — не указывали на то, что она писана этим гладким, холодным художником...» Но тогда кто же автор «дивной и загадочной картины»? Появились самые разные гипотезы. Называли имя малоизвестного, но очень талантливого художника XVIII века П. Дрожжина, снова вспомнили А. Антропова. А некоторые утверждали, что это вовсе и не русский художник, а, к примеру, немец Ходовецкий или вообще какой-нибудь француз, ведь мама девочки-модели юного художника одета вполне по парижской моде середины XVIII века. Не верил в авторство Лысенко и известный коллекционер И. Остроухов. Он писал: «...настолько велика разница между чудесной простой картиной и всем дальнейшим творчеством нашего художника. ...Картина действительно стоит каким-то загадочным особняком не только в творчестве Лысенко, но и во всем рус-

ском художественном творчестве до Венецианова».

В 1913 году попечителем Третьяковской галереи назначили Игоря Грабаря. Талантливый живописец, замечательный искусствовед, он обладал безошибочным чутьем, великолепным вкусом, огромными познаниями в истории искусства и безграничной к нему любовью. Вступив на ответственную должность, он, первым делом, решил сделать инвентаризацию всех сокровищ галереи. Нужно было описать каждую картину, измерить высоту и ширину, уточнить по возможности имена авторов и годы их жизни, а также время работы над

«Кем бы ни была написана эта картина, она остается одной из самых значительных и прекрасных картин русской школы...»

А. Бенуа

картиной, и всю эту информацию занести в инвентарные книги. И вот, наконец, дошла очередь до «Юного живописца». К этому времени Грабарь обнаружил в архивах Академии художеств письмо, датированное 1754 годом, в нем граф Шувалов предлагал трех мальчиков из хора гетмана Разумовского, «спавших с голоса», обучить другому «художеству» — живописи. Среди юных певцов был Лысенко, будущий президент Академии художеств. Значит, он только тогда, в 1754 году, начал осваивать живопись, а ког-

да ему исполнилось 19, он сумел уже создать столь зрелое, мастерское полотно, как «Юный живописец». В это верилось с трудом. Похоже, подпись все-таки поддельная! Опытный Грабарь считал, что об этом говорит и начертание букв, типичное для XIX века. Спорили долго — снимать подпись или нет? А вдруг она настоящая? Вдруг под ней ничего не найдут? Но тогда картина будет повреждена. В то время искусствоведы еще не имели в своем арсенале столь мощного оружия, как рентгеновские лучи, а потому ничего наперед сказать не могли. На помощь Грабарю пришли опытные реставраторы Д. Богословский и А. Федоров. Аккуратно, шаг за шагом, они смыли лысенковскую подпись и — обнаружили совсем иное имя! Реставраторы доказали: эта подпись подлинная, она сделана тогда же, когда и вся картина, поскольку смыть ее, не затронув основы, невозможно. Итак, новая подпись свидетельствовала — автор картины J. Firsove.

Казалось бы, победа. Истинное имя автора маленького шедевра открыто. Но вот кто он, этот таинственный J. Firsove? Такого художника никто не знал. Его имени не было ни в одной книге, посвященной русскому искусству XVIII века.

«После первых минут ликования, — вспоминал Грабарь, — настали часы и дни мучений, подчас отчаяния». Загадочные буквы не выходили у него из головы. Непонятно даже, на каком языке написано имя — на французском, английском, немецком? А может, на итальянском, или каком-нибудь скандинавском? Но, пожалуй, мало-

вероятно, в этих языках слов с такими корнями нет.

И вот однажды ночью Грабаря вдруг осенило: — да это же наш, русский человек! «Фирсов, просто русский Фирсов, наверное, какой-нибудь Иван Фирсов, русский художник, живший в Париже!» А буква «е» на конце — так в те времена русские фамилии под влиянием французской орфографии именно так и писали!

Откуда же тогда возникла подпись Лысенко? Вряд ли известному художнику захотелось стать автором этой картины — скорее всего, ее владельцы, дабы повысить стоимость полотна, сделали сами эту фальшивую подпись. Искусствоведы знали, что Головачевский, у которого Третьяков купил «Юного живописца», не считал для себя зазорным заниматься всяческими фальсификациями.

Но все-таки, кто же этот замечательный Иван Фирсов? И тут ученые вспомнили, что совсем недавно, в 1909 году, в журнале «Старые годы» появился «Перечень русских и польских художников, значившихся в списках Парижской Академии живописи и ваяния». Перечень был опубликован французским искусствоведом Дени Рошем. И там, в этом перечне, была строка: «Иван Ф. Фрисов. Живописец из России. 33 года. Ученик г-на Вьена. Проживает у г-на Леспри, парикмахера, улица Святого Фомы, около Лувра. Апрель 1766 года». Фрисов, а не Фирсов, но вдруг французы ошиблись?

Тут же было отправлено письмо Рошу, и тот ответил: действительно, произошла ошибка. В 60-е годы XVIII века в Париже жил и работал Иван

И. Фирсов.
«Юный живописец»

Фирсов. Более того — одно время он даже был главой русской колонии!

Скоро обнаружили и другие произведения этого художника — в 1913 году в Русский музей поступили из Эрмитажа два декоративных панно Фирсова — одно из них, «Цветы и фрукты», было подписано по-русски — Иван Фирсов. Позже в Третьяковку попали еще две подобные декоративные работы художника — «Амуры, опрокинувшие терму» и «Амуры с охотничьей добычей». А в историю русского искусства было вписано еще одно славное имя — Иван Фирсов, автор «Юного живописца».

Появлялись самые разные гипотезы — кто же автор «дивной и загадочной картины»?

Постепенно его образ оживал, и все больше подробностей его жизни становилось известно ученым. Оказалось, что он был сыном московского купца. Карьера его складывалась довольно успешно — еще в юности он был назначен живописцем «Канцелярии от строений». В 1750-е годы работал под руководством выдающегося художника Ивана Вишнякова, а затем у итальянцев Д. Валериани и А. Перизинетти, исполнял театральные декорации, писал иконы, расписывал стены и потолки во дворцах и домах Петербурга, Ораниенбаума, Царского села, Москвы, Киева.

В октябре 1754 года Валериани вызывает Фирсова в Петербург «для исправления живописных работ новой российской оперы». В истории России это была поистине эпохальная постановка, опера «Альцеста», первая опера, написанная по-русски (на стихи Сумарокова), с русскими исполнителями. Она имела невероятный успех, и не только благодаря мастерству исполнителей, но и замечательно выполненным декорациям.

В 1755 году он участвует в создании декораций для оперы «Александр в Индии». Публика была в восторге. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Машины и декорации господин Валериани к великому удивлению представил зрителям... одним словом сказать, стихотворческое сочинение и музыка, балеты, украшения, машины, платья были в своем роде превеликого совершенства».

А потом опять — то плафонная живопись, то очередной спектакль, то росписи во дворцах. Чиновники Канцелярии от строений, заказы которой долгие годы выполнял Иван Фирсов, имели четкие критерии оценки мастерства живописцев. К примеру, из трех мастеров живописи, состоявших в ее штате, один был «для портретов и комнатных картин», другой «для письма святых икон из духовной и светской истории», но самым ценным оставался неизменно третий. От него требовалось, чтобы «для плафонов, которые бы как на масле, так и на воде за фрескою писать мог». Именно это умел замечательно делать Фирсов. Но его все время влекло совсем иное — настоящее искусство...

Но пока он работает в театре под руководством Джузеппе Валериани, порой даже замещает его, а в 1762 году делает решающий шаг — вступает в придворный штат в качестве театрального декоратора. Новая должность давала право на большее жалование — 500 рублей годового оклада, а кроме того — определенную независимость, перспективу самостоятельного творчества. Правда, вот работы у него только прибавилось.

Представления при дворе устраивались часто: по крайней мере, два раза в неделю. Обычно показывали три «пьесы» — оперу, балет и маленькую драму. Иногда вместо оперы ставилась французская или русская комедия. Работа в театре отнимала все время художника, и у него не было никакой возможности заниматься собственно живописью. В это время в моду входило все французское, итальянцы постепенно отходили в тень. Пышные итальянские постановки сменили французская лаконичность и простота. Но чтобы соответствовать этим новым веяниям, нужно учиться. Спустя два года после поступления Фирсова в придворный штат в его судьбе произошел резкий поворот: 23 декабря 1764 года появляется указ Екатерины II — предписание по театру: «Всемилоостивейше повелеваем оной Конторе находящегося в службе при Дворе Нашем живописца Ивана Фирсова для лучшей живописной и театральной науки обучения отпустить в чужие края на два года, и для съезда его выдать ныне 150 р., и в бытность

его в те два года в чужих краях и для обратного сюда возвращения производить ему нынешнее его жалование по 500 рублей в каждый год, которое требовать Придворной Конторе из Нашей Соляной Конторы по-прежнему, и пересылку тем деньгам чинить от одой Придворной Конторы, куда надлежит». (Этот указ был найден в архивах в начале 1960-х годов директором библиотеки Эрмитажа Оскаром Вольценбургом.)

Фирсов — уже не мальчик, он опытный театральный художник. И действительно — зачем посылать на учебу, на освоение новых течений юнца — нужно отправлять в такие поездки мастера, хорошо знающего все тонкости театрального дела. И не случайно с Фирсовым в Париж поехал ведущий танцовщик придворного театра Тимофей Бубликов, самый знаменитый российский танцовщик, на балеты с его участием порой было невозможно попасть.

Итак, в середине декабря 1764 года наш герой отправляется в столицу мировой моды, в столицу всех искусств — Париж. Можно себе представить, как был потрясен Фирсов, оказавшись в этом новом для себя мире. Ведь тут даже нет крепостных! Свобода, просвещение, легкие нравы, красивые люди...

Известно, что художник посещал классы Парижской академии, ему покровительствовал сам Вьен — один из самых известных парижских художников. Он быстро освоил французский язык и вообще прекрасно впился во французскую жизнь.

(Еще в 1916 году А. Трубников в статье «Первые пенсионеры Академии художеств», опубликованной в журнале «Старые годы», рассказывал, как «живописец г. Фирсов и корабельный мастер г. Портнов» помогали приехавшим в Париж русским художникам, потому что «они уже давно были в Париже, так более и знают».)

Так как же был создан «Юный живописец»? Тут можно только строить догадки. Вряд ли такой сюжет возник по заданию Вьена. Этот художник, преимущественно исторический живописец, представитель холодного академизма, совсем не интересовался подобными темами. Только вот Фирсов был к этому времени уже вполне сложившимся мастером, с собственными художественными вкусами. Да и в Париже тогда работал не только Вьен, но и Жан Батист Шарден, прославившийся своими жанровыми картинами. Шарден был организатором выставок Салона, и там, конечно же, выставлял и свои гениальные работы. Его, как, наверное, и Фирсова, занимала повседневная жизнь простых людей, которую он запечатлел на своих чудесных, полных света и тепла полотнах. В.Н. Лазарев писал, что Шарден «показал, что самая скромная и неприятная сценка может сделаться великой поэмой, если только по-настоящему вникнуть в ее ритм и постараться переложить ее на язык образного творчества, в котором краска призвана явиться главным средством выражения». Темы для своих «жанров» Шарден находил в жизни простых парижан, которая была и его жизнью.

Но и до Шардена во французской живописи были другие художники — Луи Ленэн, поэт, воспевавший жизнь обычных французов, и не менее талантливый Грез, Декан... Наш Иван Фирсов, бывавший в мастерских этих художников, как губка впитывал новые течения в живописи, учился у своих французских коллег.

А между тем, в России жанровая живопись развивалась очень медленно. На нее не было заказчиков, не приветствовали ее и в стенах Академии художеств. Русские художники писали портреты, полотна на исторические и библейские темы, к концу столетия появились пейзажисты, но бытовой жанр был не в моде. Пренебрежение к бытовой тематике отличало придворную и дворянскую культуру не только в России, но и в других странах Европы. Однажды Людовик XIV распорядился снять со стен Версальского дворца картины великих голландских жанристов, назвав их «уродцами». Интерес к жанру появился в Европе только с развитием буржуазной идеологии, подъемом третьего сословия. В России, елизаветинской и екатерининской, жанровая живопись никого не интересовала — она противоречила академическому классицизму, с его требованием «возвышенного» и «героического» в искусстве.

Однако среди русских художников XVIII века были такие, кто все-таки пытался работать в области бытового жанра — это портретист М. Шибанов, с картинами «Крестьянский обед» и «Празднество свадебного договора», и исторический жи-

вописец И. Ерменев, автор удивительной по силе акварельной серии, посвященной русским крестьянам. Иван Фирсов со своим «Юным живописцем» занимает в этом списке первое место — и хронологически, и по мастерству.

Скорее всего, эта картина родилась как сценка, увиденная Фирсовым, может, даже в мастерской самого Вьена. Она — словно маленький эпизод из спектакля, который он ставит. И спектакль этот не про каких-то там античных героев, а про юного художника, про милую даму и ее очаровательную дочку, портрет которой потом будет украшать их дом...

В 1768 году Фирсов возвращается в Россию — закончился дарованный ему императрицей срок. Его приезд мало кто заметил. В то время еще не устраивали публичных выставок (первая открылась только в 1770 году), и показать свои парижские работы публично он не мог, поэтому вновь становится тем, кем был до отъезда в Европу — декоратором при дирекции императорских театров. Но это совсем не то, что ему хотелось делать, — ведь он уже знал, что такое жанровая живопись, видел, как работают европейские художники. Но то, чему он у них научился, здесь, в России, никому не нужно.

Не удивительно, что он тяжело заболел, и в 1783 году оказался «от безумства в смиренном доме». Приступ был столь сильный, что через несколько месяцев заместитель художника, итальянец Жерлини, по-

просил увеличить ему оклад за счет жалованья Фирсова, ссылаясь на то, что, по мнению докторов, тот неизлечим. Однако Фирсов все-таки и на этот раз вышел из «смирительного дома», и даже вернулся в театр, к работе. Однако приступы не прекращались, причем каждый новый был сильнее предыдущего. Иван, как мог, боролся с безумием, но ему все сложнее было общаться с людьми. Два года длилось это страшное сражение. 25 марта 1785 года Фирсова окончательно выгнали из театра, и его место занял другой декоратор. Дальнейшие следы художника теря-

Ивану Фирсову исполнилось 19 лет, когда он успел создать столь зрелое, мастерское полотно, как «Юный живописец», к сожжению, оставшееся единственной памятью об этом замечательном талантливым человеке, так и не сумевшем реализовать свой талант

ются в безумном кошмаре сумасшедшего дома.

И единственной памятью об этом замечательном талантливом человеке, не сумевшем реализовать свой солнечный дар, остается пара декоративных панно и очаровательный, искренивший «Юный живописец». И надпись под картиной — Фирсов Иван 1733 — после 1785. □

Ольга
Займенцева

В КОРОБКЕ

С КАРАНДАШАМИ

Настоящий художник, используя всего лишь один карандаш и весь спектр черного и белого, может создавать целые миры! Фантастические ирреальные, но миры, в существование которых зритель будет верить беззаветно. В этом и есть талант творца

Слева:

«Воспоминания
о Гоголе»

Это было пару лет назад.

— Ты слышала, в галерее на Солянке сегодня выставка Норштейна и Ярубусовой и встреча с Норштейном! — на ходу сообщили мне подружки-художницы.

— Не знала, ну, тогда возьмите меня с собой! — напросилась я.

— «Тогда бежим, мы опаздываем!» — поторопили меня девушки.

И мы побежали, чтобы успеть на встречу с режиссером эпического полотна «Ежик в тумане», «Сказки сказок», «Лисы и зайца», «Цапли и Журавля» и еще множества замечательных произведений.

Когда мы пришли, в галерее было не протолкнуться, Юрий Норштейн почему-то сидел на стремянке где-то под потолком, а зрители вокруг него на стульях и на полу. У основания стремянки был маленький пятючок, и мы упали прямо на него.

Юрий Борисович, уважаемый мастер, творчество которого уже вошло в антологию мирового мультипликационного искусства, сетовал на то, что работа над мультфильмом «Шинель» затянулась, что они с гениальной художницей Франческой Ярубусовой уже с 1981 года работают над фильмом, но денег мало, есть определенные трудности... И что зрители могут приобрести книгу «Снег на траве» и тем самым ускорить выход

на экраны повести Гоголя. После беседы с режиссером большинство присутствующих так и сделало. Уж очень хотелось всем, чтобы, наконец-то, вышел долгожданный мультфильм.

А потом мы отправились гулять по городу. Из сумочки моей спутницы Ютты выглядывал большой альбом с красивыми коваными застежками,

**Настоящий художник,
используя всего лишь
один карандаш и весь
спектр черного и белого,
может создавать
целые миры!**

отделанный невероятными кружевами ручной работы. Казалось, что внутри него непременно должна быть сказка.

Она раскрыла альбом, и мы оказались в какой-то волшебной стране. Ее жители были совсем не похожи на нас, какие-то нездешние, и наряды у них сложные, многослойные, с пышными юбками и роскошными воротниками, похожими на средневековые... Эти существа напоминали ожившие

«Эскиз к мультфильму»

Справа: «Из воспоминаний
о моем городе»

Она раскрыла альбом,
и мы оказались в волшебной стране, жители которой напоминали ожившие диковинные механизмы...

диковинные механизмы или из музыкальной шкатулки города в табакерке Одоевского, или походили на героев сказок Гофмана... Не удивительно, что мне в голову пришли такие образы, ведь Ютта готовит себя к работе в

театре, она студентка ГИТИСа, факультет сценографии, другими словами — театральный художник.

Ютта Роттэ родилась 23 июля 1990 года в городе Каспийске, республика Дагестан. Ее необычное имя связано с тем, что по происхождению она — русская немка. Рисовала Ютта с самого детства, и, когда пришло время, стала учиться в художественной школе. Тот период своей жизни она сама определяет как абсолютное счастье.

— У меня были прекрасные педагоги — Петровы Владимир Дмитриевич и Екатерина Петровна, мы много ездили на пленэры по разным городам. Владимир Дмитриевич всюду

Афиша

Справа:
*«На тему
Шекспира»*

возил нас с собой рисовать. Такая вот жизнь была в художественной школе, особенный, волшебный мир.

В 2009 году Ютта окончила дагестанское художественное училище им. М.А. Джемала, отделение дизайна и в том же году, приехав в Москву, поступила на факультет сценографии РАТИ (ГИТИС), мастер-

ская Станислава Федоровича Морозова.

Сегодня Ютта Роттэ на третьем курсе и уже успела дебютировать как художник-постановщик в спектакле Русского драматического театра им. Короленко в городе Ижевске. Она работала над сценографией и костюмами к спектаклю «Вещий сон, или

любовь в четверг после обеда» по мотивам пьесы Островского «Женитьба Бальзаминова» режиссера Артема Галушина.

Как и в любой работе творческого тандема, трудно сказать, кто именно придумал эту сцену или этот элемент костюма. Так происходит и в кино, и в театре, и в мультипликации, везде,

Время, проведенное в художественной школе, Ютта определяет как абсолютное счастье...

где задействована целая группа специалистов, работающих над одним произведением.

Режиссер позволил себе вольный авторский подход к производству Островского, по-своему трактуя классику. В спектакле авторы попытались соединить и переплести реальность и сны героев, этого не было в пьесе. Да и героев режиссер представил иначе, чем давно уже принято. Мишенька Бальзаминов

Графические работы Ютты удивляют своей изощренной проработанностью, когда хочется рассмотреть мельчайшие детали рисунка

и Домна Евстигнеевна Белотелова, несмотря на солидный возраст, — всего лишь инфантильные дети, которые не могут существовать без игры и вне игры. Вот и играют они, а их играют актеры, актерами руководит режиссер, режиссером... вдохновение.

И художественное решение получилось весьма нестандартным. Это история двух героев, объединенных общими снами. А для того, чтобы герои видели сны, художник не спал ночами, думал, как создать такое про-

странство, в котором сны переплетутся с реальностью, точнее, с жизнью героев на сцене. Театр живет по своим законам, от которых можно отходить, но которые нельзя нарушать! И здесь, как и во всем творчестве Ютты, в руках Бальзаминова оказывается маленькая коробочка, которая превращается в музыкальную шкатулку, в ней-то и зарождается жизнь героев пьесы...

Ютта так рассказала о задаче, которая стояла перед ней:

Может быть, непосредственно моей задачей было подчеркнуть характер и образ героев через костюм. У Белотеловой два платья. Одно — большое, Белотелова в него прячется, когда капризничает или боится. Платье само ходит и двигается.

Бальзаминов — этакий кузнецик. И цилиндр у него выше обычного, и фалды фрака торчат, живут своей жизнью. У него есть коробочка, в которой живет ма-а-аленькая Белотелова.

Мы хотели отойти от фильма о Бальзаминове. Фильм прекрасный и очень красивый, но в сознании многих людей образы Белотеловой и Бальзаминова невероятно крепко срослись с образами, созданными режиссером Константином Воиновым. А нам хотелось показать, что Мишенька и Домна могут быть и другими... Мы искали в героях нечто теплое и странное...

Ютта работает очень много и плодотворно. Достаточно сказать, что она принимала участие в выставках

«Клин 6», «Клин 7», «Твой шанс», «Северо-Кавказская биеннале современного искусства», «Итоги сезона», а также в постановках спектаклей «Вещий сон, или любовь в четверг после обеда», «Нарисованные сказки», «Девочки».

Ее графические работы удивляют своей изощренной проработанностью. Хочется рассматривать мельчайшие детали рисунка. Как будто перед вами раскрыли волшебную шкатулку

Сегодня Ютта уже успела дебютировать как художник-постановщик в театре, где она работает над костюмами и сценографией

Фантасмогория

с крохотными жителями внутри, и каждый из них по-своему уникален, у каждого свой характер. А еще больше хочется самому стать маленьким, чтобы суметь проникнуть в эту самую волшебную шкатулку и подружиться с ее обитателями, оказаться жителем этого уютного миниатюрного городка, со своей площадью и часовней...

Город в творчестве Ютты — важный персонаж. Он как будто живой, и ему не одна сотня лет. Домики в нем невысокие, двух и трехэтажные, с изящными арками, с винтовыми лестницами, бельем, развешанным под окнами. А когда наступает ночь, и луна разливает мягкий свет, его жители видят только хорошие сны... □

Она могла стать не только матерью российского императора Петра Третьего, но и регентшей при нем до его совершеннолетия, а еще — шведской королевой. Наделенная красотой, умом, политическими амбициями, высоким происхождением, она, безусловно, была бы куда уместнее на российском престоле, чем ее младшая сестра Елизавета, и уж точно — чем десять лет занимавшая этот

Денис Логинов

трон кузина Анна Иоанновна. Но судьба распорядилась иначе: старшая дочь Петра Великого скончалась от родильной горячки, едва достигнув двадцатилетнего возраста. Про нее почти тут же забыли, и забыли незаслуженно...

Панна Первая

Старшая (а точнее — третья) дочь Петра Великого и Екатерины Анна родилась в Москве 27 января 1708 года. Тогда ее мать была еще просто «царевой полубовницей», весьма смутного происхождения.

Анне исполнилось четыре года, когда в скромнейшей Исаакиевской церкви Петербурга состоялся наискромнейший обряд венчания. Два десятка моряков и их принарядившиеся жены теснились в деревянном храме. Со стороны казалось, что это обычная свадьба жителя Адмиралтейской слободы — шкипера или артиллериста. К тому же, возле невесты стояли две крошечные девочки-погодки, которых, как тогда говорили, «привенчивали» к родителям. Тоже обычное дело для простонародья.

На самом деле, венчался русский царь Петр Алексеевич и его давняя «боевая подруга» Екатерина. Понять это можно было только по тому, что гости дружной гурьбой отправились не в ближайший кабак, а в царский дворец. Свадьба удалась — гостей не спаивали, как обычно это делал Петр, и в начале вечера уставших от церемонии девочек — Анну и Елизавету — няньки унесли спать во внутренние покои.

Таким было первое появление в свете петровских дочерей. Мстительная народная память этой истории не забыла, и не раз императрицу Елизавету впоследствии называли «выблядком», родившимся до брака «в блудстве». Но ей, как и ее великому отцу, было на это, похоже, наплевать: сама она вела жизнь, весьма далекую от благочестивой. В отличие

от родной старшей сестры, любимицы Петра, между прочим.

Воспитание сестры получали одинаковое — и удивительно прогрессивное по тем временам. Вместо обычных при русском дворе мамок-нянек их наставницами были иностранки — итальянская графиня Марианна Маньяни и французская виконтесса Датур-Дануа. Немецкому же языку, столь любезному обоим их родителям, принцесс обучал «мастер немецкого языка» Глик. Так что в весьма еще нежном возрасте и Анна, и Елизавета свободно говорили на четырех языках, считая и родной, русский.

Елизавета писать и читать откровенно не любила, заманить ее в «классы» можно было, только посулив обновку или лакомство. Анна же, наоборот, очень рано освоила основы правописания: уже в шестилетнем возрасте делала приписочки в посланиях к отцу. Любила книги, предпочитая их урокам танцев и хороших манер, что, впрочем, не помешало ей в совершенстве овладеть и тем, и другим.

В письме, отправленном в июле 1714 года из Ревеля, Екатерина писала Петру:

«На сих днях получила я письма, к вашей милости писанные из Санкт-Петербурга от детей наших, в котором письме Аннушка приписала имя свое своею ручкою».

Восьми лет Анна уже сама писала письма матери и отцу и подписывала их «Принцесса Анна», что вызывало бурный восторг царя. В архивах Петра I по сей день хранится несколько поздравительных писем Анны, написанных по-немецки.

Она, именно она была его подлинной любимицей, и единственное, о чем Петр сожалел, — это то, что Анна родилась девочкой.

«Будь она царевичем — не стал бы я более беспокоиться о будущем вверенной мне Богом державы», — писал он одному из своих друзей-сподвижников.

Кроме языков, царевны обучались танцам у танцмейстера Стефана Рамбурга. В этой науке они весьма преуспели и с большим изяществом и грацией порхали по дворцовым залам, чем вводили в немалый соблазн придворных, не привыкших еще к подобному воспитанию царских дочерей.

Иностранцы, бывавшие при дворе в начале 1720-х годов, поражались необыкновенной красоте подросших царевен. Темноглазая Анна отличалась от блондинки Елизаветы не только внешностью, но и нравом: была спокойнее, рассудительнее, умнее сестры, ее скромность и застенчивость всем бросалась в глаза. Впервые увидев ее, камер-юнкер Ф. Берхгольц записал:

«Брюнетка — и прекрасная, как ангел».

Она и характером обладала — ангельским. По свидетельству одного из современников, во время христосования на Пасху произошел забавный случай. Когда знатный иностранный гость захотел поцеловать четырнадцатилетнюю уже Анну, та страшно смутилась, покраснела, тогда как младшая, Елизавета, «тотчас же подставила свой розовый ротик для поцелуя».

В забавном этом случае характеры обеих принцесс видны, как на ладони. Хотя трудно предположить, в

кого пошла характером Анна: ни бабтушка ее, ни матушка особой скромностью и целомудрием никогда не блистали, скорее наоборот. Петр утверждал, что старшая дочь вся удалась в свою тетушку — царевну Наталью Алексеевну, его любимую младшую сестру, и старался обеспечить Анне то, чего не мог сделать для Натальи: выбрать ей достойного жениха и... кто знает?.. все-таки сделать своей главной наследницей.

Современники были в восторге от Анны.

«Это была прекрасная душа в прекрасном теле. Она, как по наружности, так и в обращении, была совершенным отца подобием, особенно в отношении характера и ума, усовершенствованным ее исполненным доброты сердцем».

«Старшая же принцесса вылитый портрет царя-отца, слишком экономна для принцессы и хочет обо всем знать... Даже ростом, для женщины тогда довольно высоким, она на него походит...»

Сохранился отзыв голштинского графа Басевича, который писал в своих знаменитых «Записках»:

«Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчило в ней. Рост ее, более пяти футов, не казался слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнее ее осанки и физиономии, ничто правильнее очертаний ее лица, и при этом взгляд и улыбка

ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого либо недостатка. Ко всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского. С детства отличалась она неустранимостью, предвещавшей в ней героиню, и находчивостью».

По всему, Анна была завидной невестой на брачном рынке царственных особ. Елизавете Петр сразу предназначил в женихи французского короля: сохранив о своей поездке во Францию самые приятные воспоминания, он понимал, что кокетливая и обворожительная Елизавета просто создана для Версаля. Но принимать какие-то решения относительно Анны не торопился, хотя руки Анны Петровны добивались наследные принцы Испанский и Прусский, герцоги Шартрский и Голштинский.

Последний — Карл-Фридрих — был, между прочим, родным племянником шведского короля Карла XII и мог со всем основанием претендовать на шведский престол. Собственные же владения герцога стали добычей Дании, и пока он был вынужден искать приюта в России, надеясь

с ее помощью получить, как минимум, обратно свой Шлезвиг. Но и статья королем Швеции тоже, разумеется, был не прочь.

В 1718 году скончался бездетный Карл XII, шведский престол должен был достаться сыну старшей сестры короля, герцогу Голштинскому, но он был отвергнут шведами, и корону, с ограничением власти, шведские государственные чины предложили Ульрике-Элеоноре, младшей сестре Карла XII.

Петр Великий полагал, что, имея в своих руках законного наследника шведского престола, он скорее добьется выгодного для России мира. Расчеты эти вполне оправдались, не сбылись только надежды герцога, хотя Петр и дал повеление Брюсу и Остерману заключить мир со Швецией только при условии, чтобы шведы признали Карла-Фридриха наследником королевского престола и обещали восстановить его, при помощи России, во владении герцогством Шлезвиг.

Шведы не желали и слышать об этом и только по усиленному настоянию Петра Великого предоставили герцогу титул королевского высочества. Даже страх перед русским оружием не смог заставить шведский парламент согласиться на неугодного им короля. Русскому императору оставалось лишь уповать на то, что «сила солону ломит», и со временем все образуется по его высочайшему желанию.

В противоположность своей невесте, герцог Голштинский не отличался ни умом, ни красотой. Он был невысокого роста и не обладал внешней привлекательностью. К тому же,

*Портрет
Анны Петровны
до 1716 года*

голштинец был абсолютно равнодушен к чтению и к наукам и досуг предпочитал проводить за столом с

обильными возлияниями. Кроме того, Карл-Фридрих не чувствовал особенной любви к своей потенци-

альной невесте и даже не скрывал этого.

Хотя многие современники утверждают, что Анна «чувствовала к герцогу искреннюю и нежную привязанность», это, скорее, была «хорошая мина при плохой игре», в которой слишком многое было поставлено на кон, чтобы старшая дочь Петра могла дать волю своим истинным чувствам.

Впрочем, Петр не спешил выпустить любимых дочерей из родительского дома, к тому же, Елизавета была еще совсем юной, а без Анны... без Анны он плохо представлял себе жизнь вообще. Вот и тянулось сватовство герцога Голштинского, которому не отказывали окончательно, но и не давали согласия.

Судьбу Анны внезапно и фатально решила... супружеская измена ее матери, теперь уже официально коронованной императрицы Екатерины. Осенью 1724 года совершенно случайно выяснилось, что стареющая, но все еще жаждущая земных утех Екатерина сошлась со своим обер-камергером Вилимом Монсом. Гнев обманутого супруга был ужасен, Монсу после ужасных пыток отсекали голову и в сосуде со спиртом поставили в спальню императрицы — «назидания ради». Но...

Но Петра взбесила не столько физическая измена супруги (сам был не ангел), сколько будущее династии, судьба его огромного наследства. Он порвал уже написанное завещание в пользу Екатерины и позвал к себе вице-канцлера Андрея Остермана...

Дальше события стали развиваться стремительно: русско-

голштинские брачные переговоры закончились в два дня, и 24 октября 1724 года молодых обручили. Судьба Анны была решена. Ее мнения, разумеется, никто не спрашивал, хотя... Кто знает, о чем тайно беседовали император и его старшая дочь в ту тревожную, последнюю в жизни Петра осень?

22 ноября 1724 года в Петербурге был подписан брачный договор, по которому, Анна и герцог отказались от всех прав и притязаний на корону Российской империи. Но при этом Петр оставлял за собою право по своему усмотрению «призвать к сукцессии короны и империи Всероссийской одного из рожденных от сего супружества принцев, в чем герцог обязывался исполнить волю императора без всяких кондиций».

По этому же договору Анна сохраняла веру своих предков и могла воспитывать в ее правилах дочерей, сыновья же должны будут исповедовать лютеранство. Ясно, что Петр не оставил своего намерения тем или иным способом передать престол Анне — в обход родного внука, законного, с точки зрения знати, наследника. А супруг-герцог должен был стать в этом надежной опорой — как принц-консорт в Англии.

Свадьба Анны имела большое внешнеполитическое значение — через этот брак Петр получал возможность вмешаться в спор Дании и Голштинии, а также усилить свое влияние на Швецию. Но это венчание имело и важное внутривластное значение. Если развернуть подпи-

санный тогда брачный контракт, можно найти в нем секретный пункт, который в момент подписания документа был скрыт от публики. Он гласил, что при рождении мальчика супруги обязаны отдать его Петру для назначения наследником.

Так Петр — после отказа в наследстве Екатерине — хотел решить судьбу трона, и ради этого не пожалел любимую дочь. Вот когда было предопределено будущее единственного сына Анны, еще даже не родившегося.

Сама Анна Петровна еще в 1721 году подписала отречение от всех прав на Российский престол, а в 1724 году — и на шведскую корону. Однако будущий сын Анны и Карла-Фридриха мог по закону претендовать сразу на три трона — в России, Шлезвиге и Швеции! Какую фантастическую империю он мог бы создать, воплотись замыслы его деда в жизнь. Точнее, доживи Петр до рождения внука от любимой дочери.

Но судьба не дала Петру такой возможности. В январе 1725 года он опасно заболел и незадолго до смерти начал писать: «Отдайте все...»

Далее продолжать не мог и послал за Анной, чтобы продиктовать любимой дочери свою последнюю волю, но, когда цесаревна явилась, император уже лишился языка. Есть предположение, что Петр хотел уже на смертном одре «из рук в руки» передать престол и судьбу дел своих именно Анне, возможно, даже, разорвав ее брачный контракт. Ведь, умирая в страшных физических муках, Петр все еще надеялся выка-

рабкаться, страстно, со слезами, молился и отмахивался от подходивших к нему людей:

— После! После! Я все решу после!

Только Анну к нему уже не допустили те, кто имел собственные представления о будущем российского престола. Похоже, ее боялись почти так же, как ее великого отца. Боялась, в том числе, и родная мать, возведенная на трон Меншиковым при поддержке верных ему полков. Хотя в завещании Екатерина и назначила старшую дочь первым лицом в опеке малолетнего императора Петра II, но о российской короне для детей Анны и речи уже не было.

Зато бракосочетание герцога Голштинского с Анной совершилось с неприличной, по мнению всей Европы, поспешностью: уже в мае 1725 года, в Троицкой церкви на Петербургской стороне, несмотря на траур по Петру и маленькой цесаревне Наталье Петровне, умершей от кори через два месяца после смерти отца. Новая императрица устроила дочери пышную свадьбу. Вскоре герцог был сделан членом вновь учрежденного Верховного Тайного Совета и вообще формально приобрел вес. Но — только формально.

Во все время царствования Екатерины I Анна Петровна с супругом пребывала в Петербурге. Но как только императрица весной 1727 года скончалась, вертевший ею как куклой светлейший князь Александр Меншиков поспешил избавиться от опасной соперницы. Анна действительно была категорически против планов князя выдать замуж его дочь Марию за ма-

лолетнего императора Петра II. Она пыталась убедить мать не делать этого и передать престол Елизавете. Но слишком многим Екатерина была обязана Меншикову, чтобы отказать ему в этом браке.

Аристократия же, ненавидевшая и Меншикова, и «приблудную» дочь Петра, сохраняла нейтралитет. Это позволило всесильному тогда будущему императорскому тестю буквально вытолкать молодую герцогскую чету в Киль. Больше Анна никогда не увидела России.

Уезжая, она так и не смогла получить ни своего приданого, ни дорогих вещей, подаренных на свадьбу, лишь сравнительно небольшую сумму денег, оставленных ей по завещанию матери. Это еще один мелкий и мстительный поступок князя Меншикова, который соглашался выдать приданое только под расписку герцогини Голштинской. Анна же упорно ставила прежний «титл» — наследная принцесса Российская. С этим и отъехала на чужбину в обществе нелюбимого супруга, крайне недовольного «высокомерным упрямством» Анны Петровны.

И началась мучительная для Анны жизнь в Киле. С мужем ее связывала только беременность, а все надежды герцогиня возлагала на оставшуюся в России сестрицу Елизавету и на рождение сына. О дочери она и думать не желала. Герцог же не желал думать вообще ни о чем.

«Многочисленные свои досуги, — писал Ф. Берхгольц в своих дневниках, — Карл наполняет или попойками, или пустейшими препровождени-

ями времени. Он учреждает из своих придворных то форшнейдер-коллегию, то тост-коллегию, устав которой определяется мельчайшими подробностями всякого ужина. Вдруг устнавливается им какой-нибудь орден «виноградной кисти», а через несколько времени — «тюльпана», или «девственности», и он с важностью жалует шутовские их знаки некоторым приближенным».

Из этого описания становится понятным, в кого пошел будущий император всероссийский Петр III, оборотство которого приводило впоследствии в изумление даже его родную и любящую тетушку, императрицу Елизавету Петровну.

Одиночество стало уделом беременной к тому времени герцогини Анны. Она, всю жизнь окруженная вниманием и заботой, не привыкла к такому обращению и стала писать жалобные письма домой, сестре Елизавете. Унтер-лейтенант русского флота С.И. Мордвинов вспоминал, что, когда Анна передавала ему с оказией письма в Россию, то горько плакала. В одном из писем, которое привез Мордвинов, было сказано:

«Ни один день не проходит, чтобы я не плакала по вас, дорогая моя сестрица!»

10 февраля 1728 года у Анны Петровны родился сын, которому дали имя Карл-Петер-Ульрих, и для которого кильский магистрат изготовил серебряную колыбель, обитую внутри синим бархатом. Горожане ликовали, но Анна Петровна не слышала радостных возгласов и не видела бес-

численных фейерверков в честь желанного сына.

После родов она чувствовала себя очень плохо, ее бросало то в жар, то в холод. 15 марта 1728, едва достигнув двадцатилетнего возраста, герцогиня умерла от открывшейся скоротечной чахотки. В последний день своей жизни она горела жаром, металась в бреду, просила вина. Но выпить его уже не могла.

«Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество», — писала впоследствии в своих «Записках» Екатерина II о смерти герцогини Анны в Киле. И, пожалуй, была совершенно права. Крах всех амбициозных планов, жизнь в крохотном городишке, дурак и пьяница муж... Бороться за жизнь не имело никакого смысла.

Перед смертью Анна просила об одном — похоронить ее «подле батюшки». Последнюю волю герцогини могли и не исполнить — в России уже дули другие ветры. Но в Петербурге жило множество людей, которые не забыли дочь своего царя. В Киль из Петербурга за прахом Анны направились корабль «Рафаил» и фрегат «Крейсер». Под сенью Андреевского флага любимая дочь Петра пустилась в последнее плавание домой.

Ее похоронили в Петропавловском соборе 12 ноября 1728 года рядом с ее державными родителями. Как она и хотела.

Из Москвы, куда переехал двор юного императора Петра II, на похороны не приехал никто. Не было даже сестры Лизоньки, которая уже успела выплакать свое горе за несколько дней после получения известия о

смерти Анны и уже снова беззаботно веселилась на охотах и балах.

Но с Анной Петровной, русской цесаревной и голштинской герцогиней, пришли проститься корабельные мастера, офицеры, моряки — словом, верные товарищи и сослуживцы русского корабельного мастера Петра Михайлова. Им было невесело: Петропавловский собор стоял недостроенный, всюду по городу виднелись следы запустения, великую стройку бросили на произвол судьбы...

Анна Петровна могла бы стать русской императрицей... Но после внезапной смерти юного императора — внука Петра Великого, российская знать призвала на престол совсем другую Анну — Иоанновну. И дела Петровы, как и его заветы, были надолго забыты. Лишь десять лет спустя на российском престоле оказалась младшая «дщерь Петрова» — Елизавета, которая объявила своего единственного племянника наследником русского престола, женила его на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе (будущей императрице Екатерине II), а девочке, родившейся от этого брака, дала имя Анна...

И еще: в память о безвременно почившей августейшей супруги герцог Голштейн-Готторпский Карл-Фридрих в 1735 году учредил придворный орден Святой Анны четырех степеней с бриллиантовыми знаками. Но историки связали его появление с правлением Анны Иоанновны, не имевшей к нему ровно никакого отношения и получившей звание «Кровавой».

Анна Первая в России так и не появилась. □

Звезда и орден Святой Анны

Евгений Гик

Русский парижанин

30 января 2012-го отметил юбилей десятый чемпион мира по шахматам, гениальный в прошлом игрок Борис Спасский. О его спортивных успехах, многочисленных победах в турнирах, двух матчах с Тиграном Петросяном и двух матчах с Робертом Фишером читатель наверняка помнит. А вот о личной жизни великого шахматиста знают далеко не все.

Спасский называет себя в шутку опытным «бракоразводником». Первый раз он женился, когда ему было около двадцати, в 1960-м жена Зинаида родила дочку Татьяну. Супруга гроссмейстера была очень «правильной», с утра до вечера пилила Бориса, и за это он прозвал ее Надеждой Константиновной, причем имя и отчество произносил скороговоркой: «Константинна». «Очень агрессивная тетья, — вспоминает Спасский, — мы с ней были похожи на разноцветных слонов: никогда не пересекались, не совпадали». Этот брак на заре туманной юности оказался непрочным и через пару лет не без скандалов распался.

Следующей женой будущего шахматного короля стала Лариса, которая была на пять лет моложе Спасского, у них родился сын Василий, он младше Татьяны на семь лет. Любопытно, что обе супруги Бориса жили в Ленинграде в одном доме, причем со второй из них он был знаком задолго до женитьбы на первой. Возможно,

Спасский не сразу сделал правильный выбор или таким оригинальным способом решил переждать, пока Лариса подрастет.

С Ларисой Спасский прожил почти десять лет. Когда он обосновался в Москве, она с сыном тоже перебралась в столицу. Лариса была рядом с мужем на всех трех его поединках за корону.

После проигрыша Фишеру у Спасского, как он сам говорил, все пошло наперекосяк, наступил кризис и в семейной жизни — он снова стал холостяком, свободной личностью, в результате чего одно любовное приключение следовало за другим. Как раз в это время, в 1974-м, его друг, известный артист Анатолий Ромашин (в 2000 году он трагически погиб), познакомил Бориса с Мариной Щербачевой, русской по происхождению, но французской подданной.

Это был нелегкий период в жизни чемпиона — застой в нашей стране процветал, и его, человека независимого, свободолюбивого, буквально

замучили партийные идеологи и непреклонные функционеры. Они всячески препятствовали его женитьбе на Марине: брак с иностранкой в то время приравнялся к диссидентству. Однако мадемуазель Щербачева проявила необычайную находчивость в борьбе за свое женское счастье...

Работая в торгпредстве Франции в СССР, она сумела достать приглашение на прием, который давал Брежнев в честь президента Франции Жоржа Помпиду. В Кремле высокому гостю задали множество вопросов, обратилась к нему и Марина:

Бориса вместе с французенкой-невестой вызвали в ЗАГС, где их брак был мгновенно зарегистрирован. Так что, справедливости ради надо признать, что, по крайней мере, одно доброе дело за Леонидом Ильичом, безусловно, числится.

После того, как Спасский стал общаться с французенкой, за ним «приглядывали» сотрудники КГБ, а за Мариной, соответственно, следили сотрудники французской спецслужбы. Спустя много лет шахматный король шутил, что именно две разведки создали прекрасную семью, и с тех пор он любит все секретные службы мира.

«Очень агрессивная тетья», — вспоминает Спасский свою первую жену Зинаиду. Этот брак на заре туманной юности оказался непрочным и через пару лет, не без скандалов, распался

— Господин Помпиду, как вы относитесь к любви?

Президент просиял: как мог ответить француз на такой вопрос?!

— О, нет ничего прекрасней любви!

— Тогда почему же нам со Спасским запрещают вступить в брак?

Президент Франции немедленно переадресовал вопрос Брежневу, чем весьма озадачил его. Генсек был вынужден признать, что это какое-то недоразумение. И на следующий день

Незадолго до своей третьей женитьбы Спасский решил посоветоваться с журналистом Виктором Хенкиным. Опасаясь дать неверный совет, тот прибег к помощи Сократа: «Как бы ты ни поступил, ты будешь горько об этом жалеть». Но надо сказать, что на сей раз Сократ, а вслед за ним и Хенкин, ошиблись. Уже более тридцати пяти лет живут в Париже шахматный король со своей королевой, причем живут богато и счаст-

*Борис Спасский
со второй женой Ларисой*

ливо. Правда, в последние годы обстановка в семье несколько усложнилась, но об этом чуть позже.

Марина Юрьевна на шесть лет моложе мужа, как уже говорилось, русская по происхождению — из известного в России дворянского рода. Ее прадедушка был директором сиротского дома в Санкт-Петербурге, а

дедушка — видным генералом царской армии, активным участником знаменитого Брусиловского прорыва, командующим румынским фронтом в Первую мировую войну. Во время Гражданской войны его расстреляли большевики. Бабушка слыла богатой женщиной, но в 1918 году, покидая родину, потеряла все свое

*Борис
Спасский
с третьей
женой
Мариной*

состояние. Родители Марины были скромного достатка, и прошло немало лет, прежде чем они прочно встали на ноги.

Итак, в 1976-м Спасский с женой уехали во Францию, где и обосновались. В 1980 году у них родился сын, который младше своей сводной сестры Татьяны на двадцать лет. Марина дала ему имя Борис Александр Жорж, но после крещения он стал просто Борисом. Несколько лет Спасский продолжал выступать под советским флагом, за что Корчной язвительно прозвал его «одноногим

диссидентом». Но в 1983-м Борис-старший окончательно разругался со спортивным руководством СССР и играл уже только за Францию.

В 1992 году, после так называемого матча-реванша с Фишером, Спасский, хоть и потерпел снова фиаско, сильно разбогател, стал долларовым миллионером. Это позволило ему купить в Ленинграде сразу две квартиры — дочери Татьяне и сестре Ирине, кстати, известной в прошлом шашкистке. Конечно, улучшил он и собственные жилищные условия: расширил апартаменты в Париже, «захва-

тив» подъезд небольшого дома, построил особняк в Ницце, где его семейству досталась земля от отца Марины, наконец, соорудил маленький уютный домик в Гренобле, причем сам активно участвовал в строительных работах. Спасские долго держали маленькую фирму по продаже спортивного и шахматного инвентаря. При ее создании использовалось имя чемпиона мира, но всеми делами ведала жена. Впрочем,

но в горах Швейцарии, видимо, он попал в снежную лавину.

Так случилось, что в 1997 году, когда Спасский, наконец, посетил родину и заехал на три дня из Санкт-Петербурга в Москву, автор этих строк оказался единственным, кто встречал его на вокзале. Я отвез Спасского и Марину домой в их квартиру на Мосфильмовской, где они не были двадцать лет, и сделал исторический снимок.

После проигрыша Фишеру у Спасского, как он сам говорил, все пошло наперекосяк, наступил кризис и в семейной жизни — он снова стал холостяком, в результате чего одно любовное приключение следовало за другим

после поединка с Фишером особой нужды во владении фирмой уже не было.

Весну и осень Спасский с супругой обычно проводили в Париже, летом отправлялись в Ниццу, а зимой в Гренобль, тем более, что с юности одним из любимых занятий Бориса были горные лыжи. Отец Марины трагически погиб во время матча Спасского с Фишером в Белграде. Через неделю после его начала он отправился на машине «поболеть» за своего зятя, но по дороге бесследно исчез. Позднее его тело было найде-

— Борис Васильевич, как вы себя чувствуете на чужбине, в далеком Париже? — спросил я его.

— Как командировочный, правда, с хорошими суточными, — улыбнулся экс-чемпион мира.

Среди культовых фигур Спасский был одним из последних, кто после перестройки долго не появлялся на родине. Из шахматистов его опередили и Корчной, и Камский, и многие другие. А ведь Борис Васильевич, надо заметить, очень русский человек, настоящий патриот, в определенной степени даже националист (сам себя

Судя по всему, в Питере и Москве Спасский до сих пор чувствует себя гораздо комфортнее. Здесь он по-прежнему легендарная личность, суперчемпион, а в Париже его мало кто знает. Но нет ли здесь и какой-нибудь любовной подоплеки? Во всяком случае, при посещении родины его часто видят вдвоем с некоей дамой, имеющей определенное отношение к шахматам, — бывшей замредактора «Шахматной недели», просуществовавшей несколько лет (Спасский до закрытия еженедельника был его главным редактором). Похоже, это стало причиной того, что в последние годы отношения Бориса с Мариной стали весьма натянутыми...

В 2010 году во время очередного визита в Москву со Спасским случился инсульт. Некоторое время он находил-

За Спасским внимательно приглядывали в КГБ. А за Мариной — сотрудники французской спецслужбы. Спустя много лет шахматный король шутил, что именно две разведки создали прекрасную семью...

называет монархистом). Российские проблемы всегда беспокоили его. И он лет двадцать наверстывал упущенное — часто появлялся в России, причем в самых разных городах, используя для приезда любой повод.

ся в госпитале им. Бурденко, затем вернулся в Париж. Летом 2011-го собирался прилететь в Москву на празднование столетия Михаила Ботвинника и очень сожалел, что здоровье не позволило ему вы-

*Борис
Спаский
с женой
Мариной*

рваться. Поговаривают, что Марина на всякий случай спрятала паспорт мужа — то ли заботясь о его здоровье, то ли из-за ревности. Сейчас состояние Спасского улучшилось, в этом году десятый чемпион мира намерен про-

вести в уральском городке Сатка очередной детско-юношеский шахматный семинар, посвященный его 75-летию. Жизнь продолжается. Не закрутят ли его снова любовные страсти «своей корявою рукой» — большой вопрос... □

П Ричард Льюис

По долгу?

СЛУЖБЫ

Едва мне просигналил Большой Джим, швейцар отеля «Уилтон», я мгновенно завел мотор, ибо здешние постояльцы, как правило, принадлежат к той категории людей, которых при всем желании нельзя упрекнуть в скупости. Честно говоря, такие клиенты вызывают лишь горячую симпатию, поэтому я ежемесячно отстегиваю Большому Джиму достаточно «капусты», чтобы гарантировать себе доходное местечко.

Однако на этот раз пассажиром оказался темноволосый малый с плотным животиком, выпиравшим из-под вельветовых брюк, да еще в зеленой рубашке и спортивном пиджаке. Собираясь на деловую встречу, так не одеваются — судя по всему, это был одиночка, настроенный «оторваться по полной программе».

Услужливо распахнув заднюю дверцу моей машины, Большой Джим продиктовал адрес — угол 20-й улицы и Лейк-авеню.

Прямо скажем, я не в восторге от одиночек по ряду вполне конкретных причин, но тут уж ничего нельзя было поделать — он уже втискивался на заднее сиденье.

Я покосился на его лицо, мелькнувшее под тусклым светом уличного фонаря, и у меня возникло смутное ощущение, что мы где-то раньше виделись. От этого чувства у меня во рту остался неприятный осадок, словно наша последняя встреча не доставила мне особого удовольствия. Однако работа — есть работа! Я вырулил со стоянки и повернул в сторону центра, пытаюсь вспомнить, где он мне попался.

По долгу? СЛУЖБЫ

На третьем светофоре у меня появилась возможность глянуть на него в зеркало заднего вида, и я тут же его узнал. Забыть эту толстую физиономию с плоским носом и маленькими крысиными глазками-бусинками?! Ну, конечно! Конрад «Бак» О'Коннер!

Внезапно он резко подался вперед и, оскалившись в плотоядной улыбке, произнес таким тоном, будто мы расстались только вчера:

— Привет, Плакса-Уилли! Как делишки? — Плакса-Уилли! Я не слышал этого позорного прозвища с тех самых пор, как окончил школу, то есть уже лет пятнадцать. — Да, старичок, как, оказывается, тесен мир!

— Верно, Конни, — нехотя кивнул я.

В школе он требовал, чтобы все называли его Баком. Тем не менее, я упорно обращался к нему по имени, что всякий раз выводило его из себя, и он старался напакостить мне при любой возможности. А теперь этот мерзкий тип был моим пассажиром.

— Стало быть, крутишь «баранку»?! — издевательски хохотнул О'Коннер. — Ну и ну!

— Вполне нормальная профессия, — отозвался я, едва успев затормозить перед красным светофором. Как и раньше, он умел достать человека — и быстро.

— Да, конечно, — хмыкнул он. — Правда, не слишком прибыльная.

— Меня устраивает. Машина — моя, выплатил за нее все до последнего цента.

О'Коннер придвинулся к спинке водительского сиденья, чуть ли не вплотную к моему уху, и, все больше нагляя, заявил:

— Знаешь, ты всегда был неудачником и растяпой, которому в жизни ничего не светит.

Я стиснул зубы, внутренне кипя от ненависти — совсем как тогда, в школе. Да, я был неудачником и растяпой, и это причиняло мне душевную боль. Однако я тщательно скрывал свои переживания, не сомневаясь, что когда-нибудь мне повезет.

И вот теперь, пятнадцать лет спустя, Конни — точнее, Бак — вновь вторгся в мою жизнь. Он пробудет со мной всего несколько минут, а потом исчезнет навсегда, унося в своей памяти мой образ — жалкого водилы-неудачника, вызывающий у него чувство злорадного удовлетворения.

Что ж, как ни крути, с этим я ничего не мог поделать. Постараюсь поскорее доставить его по адресу и забыть, как неприятный сон.

— Ты, конечно, помнишь Лану Тильсен, — не унимался Конни.

Это была очередная «подколка». Естественно, я помнил Лану — мы с ней прекрасно ладили, и у нас даже намечалось нечто вроде романа, пока не появился Бак и отбил ее у меня с такой легкостью, что я и глазом не успел моргнуть. Он был капитаном бейсбольной команды, председателем дискуссионного клуба, старостой класса и так далее. Конечно, он не обладал кучей талантов, но умел выставить себя напоказ, одновременно занижая достоинства других.

— Так вот, мы с ней поженились. Наверное, ты в курсе.

Нет, я не был в курсе, но сейчас мне это уже все равно.

— У нас двое классных мальчишек и девочка. Девчонка — вылитая Лана!

Я воздержался от поздравлений, ибо мечтал только об одном — поскорее высадить этого фанфарона из машины и навсегда забыть о его существовании.

Помолчав, он придвинулся ко мне еще ближе.

— Старина, пора и тебе взяться за ум. Пораскинь мозгами, придумай какую-нибудь хитрую штуковину. Хотя бы для разнообразия стань личностью. Личностью с Большой буквы!

— Мне и так неплохо, — сухо ответил я.

— Взять, например, меня, — не слушая, хвастливо продолжал Конни. — Свой бизнес — и, между прочим, вполне респектабельный. Плюс отличный дом, красавица-жена, прелестные детишки, прочная репутация и достаточно денег, чтобы купить любую девицу.

Я промолчал.

— Подожди, пока не увидишь ту, с которой я сегодня встречаюсь, — причмокнул губами Конни. — Это и впрямь нечто выдающееся!

Неожиданно мне стало очень и очень интересно. Вот оно что! Потому-то Большой Джим не дал мне точного адреса, а только назвал перекресток. Конни должен был за кем-то заехать — точнее, за некой барышней, которой явно не хотелось, чтобы об этом кто-нибудь знал!

— Какая-нибудь шикарная куколка? — полюбопытствовал я, незаметно сунув руку под сиденье и нажав на маленькую кнопку.

Вот теперь давай, хвастайся, урод! Раскрой свою сволочную душонку. Расскажи, дружок, все без утайки.

По долгу? СЛУЖБЫ

— Потерпи чуток, и сам все увидишь.

Долго терпеть и впрямь не пришлось. До нужного перекрестка оставалось всего ничего, и через пару минут я притормозил у бордюра. Девушка — высокая блондинка в синем платье с мини-юбочкой — уже переминалась с ноги на ногу, нетерпеливо притоптывая каблучком. Несмотря на жару, она накинула на плечи тоненький шарфик, повязав его так, чтобы он скрывал нижнюю часть лица.

Завидев Конни, девушка, соблазнительно покачивая бедрами, двинулась нам навстречу, и тот, пулей вылетев из машины, распахнул перед ней дверцу. Когда она наклонилась, чтобы опуститься на сиденье, шарфик на миг соскользнул, свет уличных фонарей осветил ее лицо — подбородок с ямочкой и так далее, и мое сердце забилося с удвоенной силой.

— Мотель «Автострада», — приказал мне Конни. — Седьмой номер.

— Слушаюсь, сэр, — пробормотал я, заводя мотор.

Отъехав от бордюра, я ткнул пальцем в кнопку на приборной доске, и у меня за спиной поднялась стеклянная панель, отделявшая водителя от пассажиров и создававшая им иллюзию полного уединения.

Это оказалась ни кто иная, как Мэйзи Маклейн собственной персоной! Красотка, каких поискать! Она была певичкой в ночном клубе, пока пару лет назад не вцепилась своими острыми коготками в некоего Х. Л. Ривза, последние десять лет — мэра нашего города, успевшего за это время стать миллионером.

Само собой, их свадьба стала грандиозным событием. Что и говорить, Мэйзи, на двадцать лет моложе мужа, весьма фотогеничная, острая на язычок и совершенно беспринципная, сделала умопомрачительную карьеру. Она столько раз мелькала в новостных программах, что ее порочные ярко-зеленые глаза и подбородок с ямочкой

мгновенно распознал бы любой из местных жителей. Ее имя также неоднократно упоминалось в нескольких бульварных газетках — как правило, в разделе «неподтвержденных слухов», что наводило на определенные размышления.

Выехав на шоссе, я глянул в зеркало заднего вида и тихонько присвистнул. Они обнимались, воркуя, словно голубки в разгар брачного сезона. Как раз то, что надо!

Мотель находился милях в десяти от города, и его клиентура почти полностью состояла из туристов, что делало его идеальным любовным гнездышком для молодой женщины, не желавшей огласки.

Едва мы добрались до места, Конни обратился ко мне через переговорную трубку:

— Коттедж номер семь. Я уже сделал предварительный заказ.

Найдя нужный коттедж, я притормозил. Конни вышел первым и галантно предложил Мэйзи руку. Когда она вылезала из машины, ее шарфик соскользнул вновь, и мне удалось разглядеть у нее на шее шикарное жемчужное ожерелье.

Подойдя к моему окну, Конни сунул мне десятку и дружески хлопнул по плечу.

— Ну, что, Уилли, пора бы повзрослеть. Бросай ты эту грошовую работенку. Я пробуду в городе еще пару дней. Может, удастся подыскать тебе что-нибудь приличное — просто по старой памяти. Загляни ко мне в «Уилтон» завтра днем — скажем, часика в четыре. Номер 522.

— Непременно, Конни, — с подобострастным видом заверил я его, изо всех сил стараясь скрыть улыбку.

Когда они с Мэйзи, взявшись под руки, направились к мотелю, я тихо рассмеялся. Тоже мне, личность! Шишка на ровном месте! Что ж, он сделал все, чтобы максимально облегчить мне работу...

Я уже завел мотор, как вдруг меня нечто насторожило — кое-что не совсем вписывалось в обычную картину. Вырулив на стоянку, я тормознул и понял, что пришла пора пораскинуть мозгами.

Спору нет, появление Конни после пятнадцатилетнего перерыва могло быть просто случайным совпадением. Как и то, что шарфик Мэйзи соскользнул дважды за вечер, позволив мне отчетливо разглядеть ее личико. Х-м... Возможно, но тем не менее...

Поздним вечером, закончив работу, я припарковался на стоянке, достал из машины диктофон и, поднявшись в свою скромную обитель, внимательно прослушал запись.

По долгу? СЛУЖБЫ

Там было все, что мне требовалось. В первую очередь, голос Конни: «Мотель «Автострада», седьмой номер», чуть позже — тихие перешептывания, томительные паузы, прерываемые протяжными вздохами, а затем вновь баритон моего давнего недруга: «Коттедж номер семь. Я уже сделал предварительный заказ». Имя Мэйзи прозвучало, как минимум, дважды, помимо нескольких весьма издевательских отзывов по адресу мэра Х. Л. Ривза. Отлично! Пленка получилась что надо!

Сделав копию, я спрятал оригинал в маленький сейф, где хранил записи с откровениями подобных Конни «личностей», ежемесячно выплачивавших мне довольно солидные суммы, лишь бы их болтовня и впредь оставалась «тайной за семью печатями».

На следующий день ровно в четыре пополудни я вошел в вестибюль отеля «Уилтон», поднялся на лифте на пятый этаж и, отыскав № 522, тихо постучал в дверь. Когда Конни открыл, я сразу понял, что дела у него и впрямь идут в гору. Это был не просто гостиничный номер, а настоящие апартаменты! Вполне в духе подобных типов, которым во что бы то ни стало охота потешить свое самолюбие.

— Какие люди! — ухмыльнулся он и посторонился, уступая мне дорогу.

Не вдаваясь в обмен любезностями, я, не мешкая, приступил к делу — поставил на стол диктофон и включил на воспроизведение.

Запись получилась громкой и чистой. Сначала у Конни отвисла челюсть, но затем, по мере того, как до него начало доходить, в какую историю он влип, его лицо побагровело, глаза превратились в узенькие щелочки, а на скулах заиграли желваки. Когда же он задумчиво покосился на свой правый кулак, я небрежно сунул руку в карман пиджака, где лежал маленький пистолет, припасенный как раз для подобных случаев.

— Вот так, да?! — взревел он, даже не дослушав запись. — Стало быть, эта штуковина была спрятана у тебя в тачке?

— Совершенно верно, — кивнул я, выключая диктофон.

— Знаешь, — прорычал он, — а ведь я запросто могу порвать эту пленочку на мелкие кусочки.

— Тоже верно, — согласился я, — но без толку. Это — лишь копия, а оригинал хранится в надежном месте.

Конни злобно уставился на меня, сжав губы в тонкую полоску.

— И ты явился, чтобы толкнуть мне эту запись!

— Только если ты захочешь ее купить, — пожал я плечами. — Иначе я отправлю копии твоей жене и мэру Ривзу. Совершенно бесплатно.

— Шантаж!

— Скажем так — мне надоело быть неудачником.

Выпятив челюсть, Конни резко шагнул ко мне с таким видом, словно собирался меня придушить, но... неожиданно сник.

— Плакса Уилли Уилки! Поверить не могу!

Я терпеливо ждал.

— Ладно, — медленно произнес он. — Сколько?

До чего же было приятно наблюдать, как Личность с Большой буквы у тебя на глазах превращается в типичного Неудачника!

— Поскольку здесь замешаны двое — ты и Мэйзи, — деловито начал излагать я, — то, по-моему, по пятьсот долларов в месяц «с носа» в течение ближайших двух лет будет вполне достаточно.

— Пятьсот долларов! — буркнул он. — А по истечении двух лет?

— Ты больше не услышишь об этой пленке. Я ее сотру.

— Что ж, полагаю — это все, что я хотел от тебя услышать. — Внезапно рассмеявшись, Конни подошел к письменному столу, выдвинул верхний ящик и достал оттуда магнитофон. — И был уверен, что рано или поздно ты обьявишься.

— Уверен? — удивился я.

— Не на все сто, но тем не менее. Видишь ли, я знаю о тебе все.

Вытащив из кармана рубашки черную книжечку, он раскрыл ее у меня перед глазами. Это была лицензия частного детектива на имя Конрада О'Коннера со всеми подписями и печатями.

— Я меня есть клиент, — продолжал он, пряча лицензию. — Одна из твоих жертв, которой надоело быть дойной коровой. Он попросил ему помочь, и я подстроил тебе ловушку. И ты в нее попался.

— А Мэйзи сыграла роль приманки, — пробормотал я.

Конни самодовольно кивнул.

— Мне была нужна любая известная тебе osoba с богатым мужем, занимающим высокое положение. Я знаю Мэйзи еще с тех пор, когда она выступала в ночных клубах. Она согласилась, мэр — тоже. Его репутации

По долгу? СЛУЖБЫ

не повредит, если раструбить на весь город, что он помог обезвредить опасного преступника, угрозу обществу. Ясное дело, мне пришлось надувать щеки...

— У тебя это отлично получалось еще в школе.

— Короче, у меня хватает улик, чтобы добиться выдачи постановления на обыск твоего «драндулета» и хаты на предмет обнаружения диктофона и коллекции кассет. Как только они попадут в руки полиции, ты, приятель, станешь еще большим неудачником. Думаю, лет этак на десять.

Выхватив пистолет, я прицелился ему грудь.

— Мне ничего не стоит уничтожить твои улики. И тебе вряд ли удастся меня остановить.

— Я учел такую возможность, — пренебрежительно фыркнул Конни.

Подойдя к двери спальни, он распахнул ее настежь, и оттуда выплыла Мэйзи, а вслед за ней — мэр Ривз, коротышка с залысинами в огромных очках в роговой оправе.

— Двое свидетелей! — с пафосом объявил Конни. — Слышавших весь наш разговор, к тому же, записанный на пленку.

— Значит, моя вчерашняя запись не стоит ни гроша, — вздохнул я, опуская пистолет в карман.

— Даже ломаного! А то, что происходило в такси у тебя за спиной, был лишь спектакль, устроенный по долгу службы, и не более того! Остается только вызвать полицию. Дело закрыто.

— «По долгу службы», говоришь? — медленно переспросил я.

Что-то в моем голосе заставило Конни положить трубку и обменяться с Мэйзи быстрыми взглядами.

— Кстати, Мэйзи, — вкрадчивым тоном осведомился я, — надеюсь, вы отыскиали все свои жемчужины до единой?

Девушка машинально схватилась за горло, ее глаза стали круглыми, как блюдца, а личико внезапно побледнело. Победная улыбка на лице Кон-

ни превратилась в застывшую гримасу, а Ривз нахмурился, недоуменно взирая на происходящее.

— Вы не дослушали запись до конца, — обратился я к присутствующим, взяв со стола свой диктофон. — Там кое-что интересное насчет жемчужин. Если у кого-то есть желание...

— Я... не совсем уверен, — запинаясь, пробормотал Конни, — что суд присяжных сочтет... э... полученные улики достаточно... вескими.

Проворно повернувшись к мужу, Мэйзи обхватила его руку обеими ладонями и нежно защebetала:

— Милый, может быть, нам и впрямь не стоит впутываться в... это дело?

Так ничего и не поняв, Ривз согласно кивнул, и парочка поспешно удалилась.

Теперь Конни не представлял для меня ни малейшей угрозы. На прощанье я даже подарил ему свою кассету, вторая часть которой была записана той же ночью под открытым окном коттеджа № 7 мотеля «Автострада». Диктофон исправно зафиксировал на пленку жаркие поцелуи, шорох одежды и треск нити ожерелья, а затем — лихорадочный процесс поиска раскатившихся по всей комнате жемчужин. Впрочем, не только это, но и много других интересных вещей, неопровержимо доказывающих, что в ходе «спектакля, устроенного по долгу службы», Конни зашел далеко за пределы данных ему полномочий.

Что же касается Мэйзи, то с тех пор у нас установились замечательные отношения. Настолько близкие, что время от времени мы тайком выбираемся в коттедж № 7 мотеля «Автострада», где я усердно помогаю ей в поисках недостающих жемчужин. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Иосиф Гольман

ПРОЛОГ

Жанр этого романа — криминально-географическая сказка.

А сказка, как известно, — ложь...

От автора

Пролог

12 июля

17.57.

9-й километр Ярославского шоссе

«Нива» ходко шла по полупустому Ярославскому шоссе. В другое время Виктор Скрепов, водитель со стажем, только порадовался бы такой нечастой в последние годы свободе. Но это в другое время.

Потому что сейчас Скрепер был собран и четок как никогда.

«Кликуху», кстати, он поимел не только по сходству с фамилией, скорее, по сходству с неким самоходным агрегатом, умеющим аккуратно закатывать дорожное полотно. Те, кто хорошо знали Виктора, могли бы даже скалambuрировать насчет аккуратного закатывания в дорожное полотно — такой

Журнальный вариант. Полная версия книги готовится к изданию в издательстве «Эксмо».

ПРОБЕГ

опыт в непростой профессиональной деятельности бывшего инженера-строителя тоже имелся.

Конечно — уже в далеком прошлом. Там же остались и многочисленные «стрелки», нередко заканчивавшиеся перестрелками. Там же навсегда осталось подавляющее большинство тех, кто знал про Виктора Скрепова намного больше, чем ему бы того хотелось.

В новой своей жизни Скрепер был бизнесменом. Ну, или почти бизнесменом. Потому что старые дрожжи просто так не перезаквасишь. И когда выпадал «бизнес-случай», в котором требовалось применить некие, не до конца забытые навыки, — они применялись.

Разумеется, Скрепер в такие моменты даже в Москве не оставался — мало ли дел за границей у человека, уже потихоньку и средний бизнес перераставшего?

Дела делались через две, а то и три промежуточных «прокладки», и нажимавший на курок понятия не имел о том, кто, сидя на верхушке пирамиды, дергал за ниточки.

И вот — на тебе. Скрепер сам лично едет на дело, за поясом джинсов — древний, но ухоженный наган, когда-то — вороненый, а сейчас — грязно-серый. В тяжелых случаях консервативный Виктор всегда отдавал ему предпочтение, считая, что даже одна-единственная осечка в жизни способна жизни и лишить. Простая же конструкция старого револьвера практически гарантировала от осечек.

И ладно бы только наган! В машине имелся полный джентльменский набор: от героина до пластида. Скрепер спиной чувствовал чудовищную скрытую мощь, притаившуюся в невзрачном сероватом веществе, похожем на пластилин. Эх, подальше бы от него!

Но в деле, которое предстояло буквально через 30–40 минут, ни на кого положиться нельзя. Все нужно делать самому, чтобы потом мучительно

не пожалеть о допущенных чужими людьми ошибках. Мучительно в прямом смысле слова. Виктор аж зубами скрипнул, представив, что бы с ним сделал Али, представься тому такая возможность.

Вот и не надо ему такую возможность предоставлять! Он, наконец, позволил себе чуть расслабиться. Впереди, на обочине, несомненно, стоял Пашка. Выражения лица видно еще не было, но Скрепер и так его прекрасно представлял: Пашке всегда было весело. И в Афганистане, где они впервые встретились, и здесь, в России, невзирая на окружавшие жизненные реалии. Он даже в палате улыбался, все четыре месяца, что решались немаловажные для Паши вопросы: сначала — будет ли жить, потом — с ногами или без. Остался и живой, и с ногами. И с улыбкой, понятное дело.

— Здорово, Скрепер! — втиснулся в салон Пашка. Знает ведь, что Скрепов терпеть не может, когда вслух поминают его бандитское «погоняло», но каждый раз зовет его только так. Ладно, хоть не прилюдно.

— Ты сегодня не на «круизере», — не унимался Пашка. — Может, и наган в карман положил? — угадал он.

— Не мели, — оборвал Скрепов. — Забыл, куда едем?

— Почему забыл? — широко улыбнулся компаньон. — Очень хорошо помню. Мы с тобой как последние самураи. Романтика, блин!

— Заткнись! — уже со злобой сказал Скрепер. — И делай свое дело.

Пашка обиженно замолчал, начал возню с пультом и своей чертовой электроникой. А Скрепер вдруг подумал, что сегодняшней инцидент и в самом деле должен стать последним. Финальным проявлением той идиотской романтики, на которую его потянуло пятнадцать лет назад. Казалось, так круто быть хозяином жизни, подминая ее собственными ногами. Но не так уж много утекло воды, а большинство вчерашних хозяев жизни тихо возлегли под огромными, в человеческий рост, мраморными надгробиями.

Не все, конечно. Многие топчут «зоны». И лишь малой части «крутых» удалось стать бизнесменами.

— Не переживай, — словно опять прочел его мысли Пашка. — Маркс говорил, что нормальный буржуй за пятьдесят процентов годовых маманю свою кокнет. А здесь сколько годовых?

— Маманю кокнуть — безопаснее будет, — буркнул Скрепер, мать даже не помнивший.

— Это точно, — заржав, согласился Пашка. И тут же заорал: — Тормози, съезд проскочишь!

И действительно, вправо вела узкая асфальтированная дорога.

Со стороны — ни дать ни взять, пикничок. Машина поодаль стоит, непростая, но и не навороченная излишне — «икс-трэйл» ниссановский. Так себе вездеход, но по сухой грунтовке на эту полянку дочапал легко.

Костерчик уже разгорелся, на расстеленном полиэтилене — снедь нехитрая, однако на свежем лесном воздухе, да еще под коньячок — весьма приятная. Нестандартно, пожалуй, что девушки отсутствуют. Пара мужичков имеется, а девушек нет. Может, отошли куда-то.

— Ну, где же они? Лишнего прожить хотят? — с характерным акцентом выговаривая букву «и» после «ж», произнес тот, что помладше.

Старший, подкладывавший в костер очередное полено, ничего не ответил.

— Может, сорвалось что? — вновь не выдержал молодой.

— Аллах не допустит, — спокойно ответил второй. — Ты же знаешь, что происходит. Последнее дело — и исчезает. Успокойся, брат.

Молодой пристыжено замолчал. Но не надолго:

— А зачем с ними разговоры говорить? Может, «замочить» сразу, и дело с концом?

— А если у них товар не с собой? — мягко возразил старший. — А если прикрытие сзади? Нет, сразу нельзя.

— Спокойный ты человек, Али, — со вздохом проговорил младший.

— Ты тоже станешь спокойным, брат, — улыбнулся тот. И уже без улыбки добавил:

— Если, конечно, по нервности не умрешь.

Вдали послышался шум приближающейся машины.

— Все, базар окончен, — сразу подобрался Али. — Следи за мной, ничего сам не делай.

— Да, конечно, — согласился заметно побледневший боец.

— Стрелять только по команде.

— Да, — подтвердил молодой. Вряд ли ему было больше двадцати.

12 июля

18.25

27 километров северо-восточнее Москвы

«Нива» уже давно съехала с асфальта и бодро катила по грунтовке.

— Слушай, а может, их сразу «замочить»? — широко улыбаясь, предложил Пашка. — Подъехали, остановились — и ба-бах! Их же там двое.

— Там — двое, — согласился Скрепер. — Так мы договорились. И еще машина за нами. Сколько в ней — не знаю.

— Я ее тоже на повороте заметил. Но она ведь остановилась.

— Правильно. Наше прикрытие ждет. А, может, нас, на обратном пути.

— Откуда ты знаешь, что Али человек десять еще на полянке не припас? Щас как вмажут залпом!

— Не вмажут. Во-первых, нет у него десяти человек, — нехотя ответил Скрепер. — Трудные у них времена, разве не слышал?

— А во-вторых? — широко улыбнулся Пашка.

— Во-вторых, он должен убедиться, что товар с нами. И уже только после этого попытаться нас «пришить».

«Нива» въехала на поляну и остановилась метрах в пятнадцати от кюста. Али спокойно встал и пошел к гостям.

— Может, съедите чего-нибудь? — предложил он Скреперу и Пашке.

— В следующий раз, — откровенно невежливо отказался Скрепер. И добавил, закрывая тему: — Я не доверяю тебе, Али.

— Почему же? — мягко улыбнулся тот.

— Потому что в «ниссане» третий, а мы договаривались только о двоих.

— Там мой сын, — объяснил Али. — Мы сразу уедем отсюда, вот я его и забрал. Ему нет и четырнадцати.

— Давай его сюда, иначе сделки не будет. И чтоб я его руки видел. На спуск можно и в двенадцать нажать.

— Хорошо, не нервничай. Руслан, иди сюда! — крикнул Али.

При ближайшем рассмотрении это оказался худощавый мальчишка. Он вышел из машины и через несколько секунд стоял уже рядом с «Нивой».

— Ты доволен? — спросил Али.

— Просто счастлив, — сухо ответил Скрепер. — Покажи деньги.

— Вот ведь Голливуд, — усмехнулся чеченец. — А ты покажи порошок и пластид.

— Короче, без фокусов? — предложил Виктор. — И пусть твой сын в «Ниве» посидит, раз о нем не договаривались.

— Пусть посидит, — спокойно согласился тот.

Скрепер, одну за другой, перенес из «Нивы» большие запаянные банки из темного акрилового стекла. Его сопровождал Али, внимательно осматривая груз.

— Все, — наконец сказал Виктор. — Теперь ты отдаешь деньги, а я — последние два бидона. Один с порошком, второй — сам знаешь с чем.

— А вслух сказать стесняешься? — внезапно ощерился Али. — Может, я ее завтра у твоего дома использую?

— Мне плевать, где ты ее используешь. Это — бизнес, и больше я ничего знать не хочу. Последний бидон с порошком открыт, можешь попробовать качество.

— А, может, первые банки откроем? — спросил Али, пристально вглядываясь в лицо Скрепера.

— Конечно, открывай, — спокойно ответил тот. — Это твой товар. Но они запаяны.

Али, подумав, первые банки открывать не стал, ограничился бидоном. Взяв на кончик ножа малую толику порошка, попробовал его языком и удовлетворенно спросил:

— Откуда такой?

— Коммерческая тайна, — весело ответил из машины Пашка.

Али ухмыльнулся и открыл бидон с пластидом. Потрогал пальцем и тоже зачем-то понюхал. Потом положил, как и прочее, в «ниссан».

Скрепер в это время внимательно изучал содержимое толстого «дипломата», переданного

ему чеченцем. Вытащил три пачки, вскрыл облатку, достал по банкноте и, осмотрев, быстро проверил их «на хруст» и на ощупь.

— Удовлетворен? — спросил Али.

— Вскрытие покажет, — пробормотал Виктор, пряча обратно деньги. Чемоданчик он закинул в опустевший багажник «Нивы». — Расходимся?

— Я — не против, — улыбнулся Али. — Сына верни.

— Как только мимо твоих бойцов к нашему прикрытию проедем, сразу верну. Он мне не нужен.

В этот момент заверещал мобильный, и Али, выслушав, что-то коротко ответил по-чеченски, после чего обратился к Виктору, переходя на русский:

— Вот что, Виктор, ты, конечно, парень смелый, но никакого прикрытия у тебя нет.

— А твой сын? — заржал из машины Пашка.

— Вот только мой сын, — согласился Али. — Короче, проезжаешь мимо моих ребят, возвращаешь сына и едешь, куда хочешь. И не встречайся мне больше никогда, ладно?

— Ладно, — не стал спорить Скрепер, садясь в машину и заводя двигатель. — Вариант номер один, — шепнул он Пашке.

— Действуй, босс! — снова рассмеялся тот, и «Нива», взыв мотором, рванула. Но вовсе не к выезду с полянки, где на грунтовке ждали чеченцы в мощном «мерседесе», а, наоборот, к ее краю, заросшему густыми ивовыми кустами. Пробив кусты и прыгнув с невысокого пологого откоса, она уверенно пересекла неглубокую речушку.

Опешивший Али потерял две секунды, прежде чем рванул к своему «икс-трэйлу». Почти одновременно на полянку ворвался «мерс» с бойцами Али.

— Не стреляйте! — закричал им чеченец, опасавшийся за подростка.

А Скрепов, заранее обследовавший не слишком топкие берега речки, уже карабкался на пониженной передаче по другую ее сторону.

«Икс-Трэйл», принявший двоих автоматчиков из «мерседеса», помчался по следу «Нивы», но преимущество в этой гонке было не на его стороне, он просто забуксовал на мокром глинистом склоне. «Нива» же, уверенно преодолев его, остановилась наверху, метрах в трехстах от преследователей.

— Ну? — непонятно кого и непонятно о чем спросил Скрепер.

— А чего ты остановился? — вопросом на вопрос ответил Пашка. Мальчик молчал, сидя на заднем сиденье и ненавидяще взирая на своих похитителей. — А с парнем его нам повезло. Нежданный подарок, как говорится. Хотя и так бы ушли. Все просчитано.

— Ну? — повторил Скрепер.

— Что — ну? — разозлился Пашка. — Не знаю. Я все делал, как надо. Поехали. Дело сделано, а своих ты вывез. — Это верно. Семья Скрепера — жена и две дочки — час назад улетели из Шереметьево-2. И в самом деле, все просчитано. — Ладно, отпуская парня, и рванули! — не выдержал он паузы. — Чего стоим? Чеченов не видел?

— Сейчас поедem, — сказал Скрепер. Он тоже видел, как из «Икс-Трэйла», застрявшего внизу, вылез Али с автоматом. С него станется влeпить очередь!

— Может, хватит? — не понимал его намерений Пашка. — Выкидываем этого, — показал он на Руслана, — и газуем.

— Ждем еще минуту, — спокойно проговорил Скрепер.

Но минуту ждать не пришлось. Потому что снизу докатился не только грохот мощнейшего взрыва, но и яркий сполох бело-желтого цвета.

— Я же говорил, швейцарские часы! — возликовал Пашка. — Они не подведут! Ну, разве на пару минут запоздают.

— Ну, вот, теперь все меняется. — И Скрепер удовлетворенно посмотрел на мальчика.

Тот, сразу все поняв, мгновенно выбросил вперед, к шее Скрепера, руку, с зажатым в ней маленьким ножом. И быть бы Скреперу покойником, если бы он не ждал этого движения. Мощный наган дважды бухнул, мальчишку как щепку отбросило на дверцу.

— Черт! — выругался Виктор. — Выкинь его!

Пашка зашел с другой стороны и, с трудом открыв поврежденную пулей дверь, вытащил тело.

— Что с ним делать? — недовольно спросил он.

— Скинь с обрыва, — приказал Скрепер.

Пашка подошел к краю склона, там, где покруче, и изо всех сил толкнул труп вниз.

А там уже догорали бесформенные остатки того, что совсем недавно было автомобилем и четырьмя людьми.

Уже в машине, на ходу, Пашка спросил у Скрепера:

— Что с порошком делать будем? — Покойный Али никогда уже не узнает, что купил «куклу» — настоящий героин был только в открытом бидончике, и то — сверху.

— Я подумаю, — отрывисто ответил Скрепер.

— А я уже не в счет? — обиженно проговорил Пашка.

— Пока еще в счет, — с угрозой ответил Виктор.

Они опять надолго замолчали.

Через полтора часа, успешно миновав все дорожные посты, подъехали к схрону. Старая заброшенная котельная была для этого идеальным местом. Скреперу действующая котельная и не нужна, ему котел нужен. И чтобы топка большая.

Пашка развел огонь, и туда побросали окровавленные чехлы с сидений и Пашкину, тоже испачканную, куртку. Пламя гудело, тяга была отличная, рассчитанная на серьезную работу.

— Так что с порошком будем делать? — повернулся он к Скреперу.

— Это мое дело, — грубо ответил тот, — я и решу. — Он говорил с каким-то непонятным ожесточением, как будто был за что-то обижен на Пашку.

— А я что, уже не при делах? — всерьез разозлился Пашка.

— Уже нет, — отрывисто бросил Скрепер.

Пашка мгновенно развернулся. Развернуться-то успел, а вот больше ничего сделать не смог. Потому что наган в руке Скрепера дважды выбросил пламя, и мощные остроносые пули не оставили Пашке никаких шансов.

Скрепов вздохнул, подошел к топке и бросил туда Пашкины документы, его одежду, а потом и самого Пашку. Последним в пламя ушел наган. За пару часов — на столько должно хватить угля — не останется следов не только от Пашки, но даже от оружейной стали.

Уходя, Скрепов обернулся на яростно гудящий огонь. Нет, конечно, никакой радости от содеянного он не испытывал. Но ведь два миллиона нельзя сравнить с одним. Это даже не на пятьдесят, а на все сто процентов больше.

Да и матью Скрепера Пашка никогда не был...

Москва.

15 июля

В пробег уходят настоящие мужчины...

... Перед зданием пока еще не снесенной гостиницы «Россия» в ранний час собралась пестрая толпа — пять ярко-желтых и ярко-голубых длиннобазных «Нив-2131», человек пятнадцать в дорожных куртках такой же расцветки, и вдвое больше народу — сочувствующих.

Шум, галдеж, вспышки любительских камер.

Впрочем, не только любительских.

Среди провожавших были две команды с телеканалов. Не центральных, чего уж там, но тоже вполне достойных, московских, дециметровых.

— Ефим Аркадьевич, а как вам пришла в голову идея организовать пробег? — Маленькая глазастьенькая девушка чуть не в рот засунула надутому и слегка сонному Береславскому микрофон.

«Сказать ей, что ли?» — про себя ухмыльнулся Береславский. Но вслух забористо порассуждал о необходимости продвижения в регионы современных рекламных и PR-технологий.

Ну, не объяснишь же девушке, — а заодно еще паре миллионов граждан, — что поперся в этот чертов пробег из-за обычного, тупого, если не сказать, примитивного мужицкого хвастовства! Сидели на тусовке, выделялись перед девицами. Выделялись не из расчета, а просто так, «из любви к искусству». Вовка — своей действительно крутой фирмой. Олег — спортивным телосложением и проникновением

в йогу. А Ефим, который не обладал ни миллионами, ни мускулатурой, возьми да брякни, что летом организует автопробег «Москва — Владивосток».

В итоге — тактически победил: девицы сочли пробег романтичным, вполне затмившим и миллион баксов, и накачанные мышцы.

А вот стратегически...

Звон пошел сразу — рекламное сообщество относительно небольшое и по определению коммуникативное. И к лету, когда все нормальные люди едут отдыхать в теплые страны, Ефиму предстоял, как минимум, месяц на колесах. Потому что — страна большая, и до Владивостока — путь неблизкий...

— Сыночек, может, передумаешь? — на всякий случай спросила пришедшая проводить Ефима мама, впрочем, без особой надежды.

Ефим даже отвечать не стал. Ясный пень, что сболтнул не по делу, но «за базар» отвечать все равно нужно.

Наташка тоже подошла, поцеловала мужа, как-то по-особому ревниво его осмотрела и спросила с подковыркой:

— Встречать будут как героев? В воздух чепчики бросать?..

— Посмотрим, — неопределенно ответил супруг, слегка оживившись.

Тем временем солнце выбралось из-за туч и засверкало на колокольнях кремлевских церквей, на стеклах домов и хrome начищенных «Нив».

— По машинам! — зычно заорал Василий, командир экипажа №1, здоровенный лысый мужчина, и «Нивы» стали выруливать на проезжую часть.

Передняя прокатилась вперед, дождалась остальных, и вся колонна двинулась на восток.

Проехав Ногинск, Ефим, к этому времени окончательно расхотевший спать, вдруг ощутил, что его идея может оказаться не столь уж и неудачной: чувство дороги всегда вызывало в нем душевный подъем. А тут — такая дорога! Он потянулся к рации, чтобы излить свои чувства на всех, но не успел. Из хрипато-динамичным чьим-то неузнаваемым голосом доносилось:

— Ребята! Неужели мы едем?!

— Едем, мужики! Едем!

— Красота-то какая!

— Вот здорово!

И — чуть запоздалое, как стон души:

— Вырвались!!

Москва.
13 июля
Из дневника Самурая (запись первая)

По национальности я — ...

Нет, пожалуй, даже в дневнике не буду указывать деталей, которые могут помешать делу всей моей жизни. Скажем так: самая близкая к моей народность — нанайцы. Но мой народ мал даже по сравнению с нанайским, и вот-вот совсем кончится. Это — главная печаль моей жизни.

Меня, например, зовут Владимир Александрович Черкашин. А моего папу — Александр Глебович Черкашин. Дедушку, естественно, никогда не звали Глебом, но, видно, что-то было в его имени созвучное.

Дедов обоих своих я никогда не видел, потому что мои почти нанайские сородичи не часто переходят черту в 40-45 лет, а если и доживают до внуков, то опять-таки видят их крайне редко, потому как внуки приобщаются к цивилизации в отрыве от домашней «дикости», иначе говоря — в интернатах. Выходят они оттуда, уже не принадлежащие ни к какому народу, родные корни за десять долгих лет теряются безвозвратно.

В тайге мне многого не хватает. Не хватает книг, которые привозят крайне редко из-за почти полного отсутствия читателей, не хватает телевизора, по которому я с огромным наслаждением смотрю фильмы о природе, как нашей, так и совсем далеких стран, не хватает театра... В общем, много чего не хватает.

Но именно в тайге мой дом. И именно здесь я проживаю свою жизнь, а не чужую, как в интернате или в театре.

... Я сейчас пишу эти строки в маленьком гостиничном номере. Мысль о дневнике возникла вчера. Решил не откладывать дела в долгий ящик. Купил тетрадку с железными кольцами и начал. Для чего начал и для чего вообще жизнь живу?

Я решил спасти свой народ. Всего-навсего.

Оградить его от всех смертельных опасностей, включая цивилизацию. Задача достаточно безумная, чтобы быть решаемой, но меня всегда тянуло к плохо решаемым задачам.

Короче, я хочу создать резервацию для... пусть пока будут нанайцы. Если дело удастся, на последней странице дневника я напишу настоящее имя своего народа.

Слово «резервация» вызывает у всех моих партнеров по переговорам — назовем их так — священный испуг. И я их, конечно, понимаю. Хотя резервация — это вовсе не добивание народа, если, конечно, не обносить ее колючей проволокой под током и оставить людям полную свободу выбора. Резервация — это просто ограждение тех, кто хочет жить по законам предков, от чуждого и зачастую враждебного мира.

Ну, все. На первый раз — хватит, с непривычки рука устала. Самурайский дневник — начат.

P.S. Ведь не поймут потомки-читатели, почему — самурайский. Потому что из-за моей узкоглазости, — и, надеюсь, не только из-за нее, — мой друг Ефим Береславский как-то обозвал меня Самураем.

Имя, с его легкой руки, прилипло прочно. Да меня оно не напрягает — что-то в нем есть, мне созвучное.

Глава 3

Москва. 14 июля

Сашок и «маковые слезы»

Сашок, как всегда, пришел чуть пораньше. Хоть и платит двум ментам небольшую денежку, но жизнь понимает правильно.

Его менты — мелочь. Если будет какой-то большой, окружного или даже городского масштаба, шмон, его менты не помогут. Их самих могут сдать в качестве разменной монеты, чтобы показать борьбу за чистоту рядов.

А потому — лучше прийти на «точку» пораньше и самому хорошенько оглядеться.

Вот она, родная школа. Высокий кованый забор — издали видно, что дорогой. Большие деревья в темной листве, ярко-синие стены, деревянные окна-пакеты. Была блатная и осталась блатная — без взятки сюда не попадешь. Правда, сам он поступил в нее именно так: без денег и без «лапы». Редкий случай. Впрочем, Сашок сам по себе редкий случай. Читать начал в четыре года, в семь решал задачки за третий класс. Как тут мальчика не взять! Сын матери-одиночки, живет через два дома, да к тому же — талант.

Ладно, хватит лирики.

Около школы вроде все чисто. Ничего подозрительного.

Минут через пятнадцать можно ожидать первых клиентов.

Вон он, уже крадется. Типичный «нарик», не смотря на свои шестнадцать. Глаза заискивающие, денег, скорее всего, ноль. На той неделе этот дурак уже пытался расплатиться настенными часами. Идиот!

— Сашок, дай по дружбе, а? Деньги завтра будут точно. У меня день рожденья завтра.

— Вот завтра и побазарим, — ответил Сашок, сразу потеряв интерес.

— Я все верну. Хочешь, с процентами! — в отчаянии уже поскуливал тот.

— Я сказал — нет! — отрезал Сашок, поворачиваясь к парню спиной.

Осторожно поворачиваясь, прекрасно понимая, на что способен отчаявшийся героиновый наркоман.

Димка прыгнул на него со спины, но, получив удар в лицо, упал на газон, захлебываясь злыми и несчастными слезами.

— Я не могу больше... дай, пожалуйста... я верну... — бормотал он, пытаясь подняться и снова падая, даже без Сашкиных кулаков.

Сашок зло взглянул на него и собрался уже отойти за угол, но «нарик» вдруг простонал:

— Постой, у меня есть одна вещь...

— Что еще у тебя есть? — приостановился Сашок.

— Вот! — тот, наконец поднявшись, вытащил что-то из-за пазухи.

— Не-ет, — разглядев, покачал головой толкач. — Куда я ее дену? — На тонкой золотой цепочке болтался кулон со сверкающим прозрачным камнем.

— Это материн, — всхлипывая, бормотал Димка. — У нее много. Никто не хватится.

— Вот сам и продай. А мне деньги нужны.

— Ну, пожалуйста! Ну, хоть одну дозу!

Сашок секунду подумал, взял «цацку» и сунул парню пакетик.

— Тут на три «прихода», смотри не сдохни! — проявил он заботу.

Но Димка его уже не слышал, чуть не бегом удаляясь в сторону ближайшего подъезда.

А вот и покупатель номер два. Точнее, покупательница. А еще точнее — была бы покупательницей. Но ей дозу Сашок отдаст просто так. Вообще с нее ни разу денег не брал. Ленка на класс младше его. Такая королева! Была.

Сашка она не замечала. А он так старался! Полгода ей все «домашки» делал по математике. Она эти знаки внимания принимала, но не более. Другая среда.

Ленка ему и сейчас нравилась. Но он понимал, что будет с ней через год. Или через три, если доживет. Иногда у него даже появлялось чувство, похожее на угрызения совести. Но — быстро проходило: он, что, силой ее колотья заставил? Сама захотела.

— Что в печали? — спросил он подошедшую Ленку и в ответ услышал неожиданное:

— Господи, как же я тебя ненавижу!

— Что-о-о? — возмутился Сашок. — Тогда — до свидания.

— Дай, пожалуйста, — тихо попросила она.

— Через час у меня на квартире, — бросил он, отворачиваясь.

Девушка, понурив голову, пошла прочь. Этот час для нее будет очень длинным.

Вот и очередной «страдалец» спешит. У этого, как правило, с деньгами порядок. Папа с мамой в Англии, «бабки» делают. А сыну деньги регулярно шлют, и немалые. Хороший клиент. Только почему-то не один. С парнем незнакомым. Нет, торговли сегодня точно не будет.

— Привет, Сашок! — заискивающе поздоровался Никита.

— Здорово! — неласково ответил «толкач».

- Это мой друг! — сказал Никита. — Марат.
- Ну и что?
- Зачем злишься? — вкрадчиво заговорил Марат. — Не чужой же подошел.
- Чужой, — не согласился Сашок.
- Нет, — мягко ответил незнакомец. — Был бы чужой — скрутил бы тебе руки и нашел бы что-нибудь в карманах. Не боись, я не мент, я — купатель, правда, Никита?
- Правда, — расплылся Никита. — Мы сегодня у тебя все заберем.
- Контрольная закупка? — не поддержал общей радости Сашок.
- Слушай, кончай ваньку валять, — начал злиться Марат. — Мне нужна небольшая заначка для хорошего человека. Серьезного человека, понял?
- Сколько тебе надо? — наконец пересилил осторожность Сашок.
- Не так много. Главное, чтобы чистый. Нужно сделать запас дней на пять-семь. У тебя с собой есть?
- Это смотря какие дозы, — ухмыльнулся «толкач», объявляя количество и цену.
- Еще столько же завтра донесешь, — сказал Марат, и, не торгуясь, отсчитал названную Сашком сумму.
- Могу и сегодня, — слегка охмелев от легких денег, предложил Сашок.
- Это даже лучше, — согласился Марат. — Меньше колготни. Вон моя машина, — показал он.
- Из-за угла действительно выехала белая ухоженная «Волга» с тонированными стеклами и не московскими номерами. Но теперь Сашок не боялся. Он уже понял, с кем имеет дело, — не первый день в бизнесе.
- За рулем сидел еще один парень, по виду — кавказец.
- Через два светофора налево, — сказал Сашок, обращаясь к нему.

Но ответа не услышал, потому что получил полновесный удар по голове металлической трубой, обернутой тканью.

Ударил Марат, сидевший сзади.

Глава 4

Подмосковье,
15 июля

Зотов и Береславский: притирка

Мне — 51 год, я вешу 96 килограммов при росте 1 метр 82 сантиметра. Что, впрочем, не мешает Михаилу Георгиевичу Зотову — так меня обычно зовут — в свободное от профессиональной деятельности время бегать по утрам пять километров ногами или — в соответствующий период года — «пятнашку» на лыжах.

Я не зря заметил, что Михаилом Георгиевичем меня зовут обычно. Потому что сейчас меня, вольготно разлегшегося на заднем сиденье, зовут — Док. Это придумал лысый мужик, скрючившийся за рулем нашей «Нивы». Ну и ладно, придумал и придумал. Ничего страшного, поскольку эти парни меня в некотором роде приобрели. Нужен был им доктор — пожалуйста. Я готов. Ваши баксы — мои руки. И можете называть меня Доком или даже Шмоком — мне наплевать.

Сейчас мы проезжаем Ногинск, и мой мужик за рулем значительно повеселел. А утром был никакой. Никогда бы по его утреннему виду не предположил у Ефима Аркадьевича Береславского наличия хоть какого-нибудь количества романтики.

Для краткости я буду звать его Пузо. Или Лысый. Еще не решил. Он мне вслух — Док, а я ему про себя — Пузо.

Я достал сигарету, прикурил и тут же услышал:

— Док, вылетишь за борт вместе с дымом.

— А чего — нельзя?

— Это вагон для некурящих. Если надо — будем останавливаться.

Я загасил сигарету, выкинул «бычок» за борт и, задумавшись, притих.

— Док, ты там не заснул? — повернул ко мне голову Пузо.

— Нет, а что?

— Да так, — неопределенно хмыкнул он. — Не люблю, когда сзади за-тихают.

— Душили, что ли?

— Пытались, — неожиданно для меня ответил Береславский.

— Не-а, — успокоил я его. — Я не по этим делам. Хирурги все больше режут.

— И это было, — спокойно заявил мой водила и работодатель.

— А чего тебя-то в эти дела повело?

— Таксерил четыре года.

— Ты? Таксерил?!

— А ты думал, я с детства на джипе ездил? — откровенно заржал Береславский. — Ни фиги! Восемь часов в НИИ, два — дома с диссером, и полночи — в «бомбилах». На убитом «Жигуле», с дырочкой в правом боку. Семья-то кушать хочет.

— А я думал, ты папин сын, — ляпнул я невпопад.

— Точно не теткин, — жизнерадостно согласился Ефим. — И не вздумай называть меня Пузом.

Я минут пять не мог прийти в себя от удивления. Потом все-таки спросил:

— А почему ты решил, что я буду называть тебя Пузом?

— По недостатку воображения. Не Пузом, так Лысым. Я этого не люблю. Да ты не парься, Док, все в порядке. Ты тут вполне ко двору, особенно если не будешь представлять себя разорившимся герцогом.

... А может, он и ничего чувак. Я вдруг вспомнил, что идея поездки принадлежала именно ему.

И еще: мне, конечно, нужны деньги. Даже не мне — моей семье. Но перспектива проехать вдоль всей страны манила не меньше. А значит, у нас с бывшим Пузом, — и нынешним... ладно, потом придумаю, есть кое-что общее.

Ехать стало значительно веселее.

Глава 5

Москва,
14 июля
Али ищет товар

Очухался Сашок в темном подвале. Вдруг понял, что полулежит на бетонном полу, прилепившись щекой к холодной, опять же бетонной стене.

Голова раскалывалась, но еще больше пугала неизвестность. Значит, все-таки менты его взяли? Чем это грозит?

Поразмышляв, он слегка приободрился: практически ничем. По новому закону с его количеством в сбытчики попасть трудно. Хотя если продажу снимали на видео...

Низкая дверь со скрипом открылась, и появился черный силуэт мужчины. Лица не видно из-за света коридорной лампы, но по голосу Сашок узнал сразу — Марат. «Вот ведь сволочь Никита!» — не к месту подумал он. И вдруг увидел, что в подвале, кроме него, еще человек пять, если не больше, пленников.

Марат тем временем включил фонарик и лучом показал на двоих: Сашка и незнакомого чернявого парня.

— Встали и быстро за мной.

Легко сказать — встали. Если б ноги не шатались, если б голова не кружилась. Замешкался Сашок и еще раз получил по башке. Как же больно они умеют, мусора проклятые!

Первым завели Сашка.

В комнате, кроме Марата, только один мужик. Весь в бинтах, как бабочка в коконе. Одни глаза видны. Но ходит своими ногами.

— Откуда товар? — тихо спросил мужик. Не кричал. Не угрожал. А стало Сашку очень страшно. Даже Марат своим показался, чуть ли не родственником.

— Какой товар? — по привычке «закошил» Сашок. — Для себя беру. Я уж три года на игле. — Но договорить он не успел.

Мужик подошел к нему, загасил об него, живого, окурок и криво улыбнулся:

— Мы не менты, и тебя никто не собирается сажать. Мне нужен только продавец. И пойдешь домой.

— Я на вокзале покупаю, на Курском, — попытался замести следы Сашок. Сдать оптовика — очень большая проблема может выйти.

— Даю тебе три минуты, — спокойно сказал человек-кокон и медленно, очень осторожно, присел на раздрызганный диван. А потом взял большой старинный будильник, отвел чуть назад длинную стрелку, и поставил на стол циферблатом к Сашку.

Секунды шли. Будильник стучал. Еще громче стучало сердце несчастного парня. И так плохо, и так ужасно.

Он облизнул пересохшие губы, следя за заметно двигавшейся стрелкой, как кролик за удавом, сделал шаг вперед:

— У цыган брал. — И назвал адрес подмосковного поселка, куда ездил раз в две недели, а при хорошем сбыте — и чаще.

— Запускай второго, — приказал забинтованный, а Сашка снова бросили в подвал.

Второй, чернявый, — может, тоже цыган, у них свои понятия, — держался гораздо крепче. Но под пытками «профессионалов» также не устоял.

— Ну и что получаем? — спросил Али у Марата.

— Анализ подтвердил. Порошок из нашей партии.

— Из нашей, — усмехнулся Али.

— Оба брали у одного и того же цыгана.

— Справки навел? Сегодня же займись им.

— Парни уже там, ждут меня и приказа.

— Я поеду с вами.

— Не надо, — встревожился Марат. — Куда тебе? — но сам уже понимал, что Али не услышит его слова. Поэтому только спросил перед уходом: — Что делать с «толкачами»?

Али на мгновение задумался и сухо сказал:

— Тех пятерых — отпусти. Их порошок на нас не выведет. Пусть считают, что менты неофициально поработали. Первого придурка убери, только чисто. Второго — оставь пока. Если он им родственник, пригодится...

...Сашок вышел на улицу, когда уже стемнело. Не вышел, а вылетел, буквально вытолкнутый ру-

кой Марата. Дом был в лесном поселке. А может, это был парк: ночью разве поймешь?

— Я доведу тебя до шоссе, там лови машину, — сказал Марат.

Они уже шли по тропинке между деревьев, и Сашок вдруг понял, куда они идут. Остановился. Повернулся лицом к тоже остановившемуся Марату и тихо попросил:

— Давай здесь, мужик. Только чтоб сразу.

— Вали отсюда! — сплюнув, ответил Марат. — Прямо через километр будет шоссе. И, если жизнь дорога, молчи.

— А если не дорога? — спросил Сашок.

Марат молча повернулся и быстро пошел прочь. А Сашок, оставшись один, обхватил раскаливавшуюся голову руками и сел прямо в траву...

С цыганом все вышло просто. Сначала гонорился, — барон, елки-палки, но когда ему предъявили дочек, слегка пощипанных, — заговорил иначе.

А вот результаты оказались нулевыми.

Да, продал им Скрепер триста грамм не задорого. И все на этом. Похоже, специально ложный след пустил.

А куда остальное дел?

Али, пересиливая боль, выслушал доклад прямо в «Волге». Ничем не выказал своих чувств, только ярость в серых глазах взметнулась.

А когда уже отъезжали из цыганского поселка, зазвонил его мобильный.

Всего пару фраз сказал Али, но сразу как-то повеселел, даже боль вроде отпустила. Вот такого Али Марат очень уважал. Главное для правоверного — джихад. А Али — настоящий правоверный.

— Наследил Скрепер, — подъезжая к новой явке, заговорил наконец Али. — Сегодня ночью выезжаем. Кроме тебя — еще двое. И машину неброскую.

— Далеко поедет? — поинтересовался Марат.

— Как получится, — буркнул Али.

Глава 6

Москва,

16 июля

Из дневника Самурая (запись вторая)

Господи, как же я устал! И как хорошо, что есть дневник, в который можно, как в жилетку, немножко поплакаться. Потому что даже самураи иногда хотят всплакнуть...

Сегодня было три важных встречи. Я очень на них рассчитывал, особенно — на первые две.

Иван Сергеевич являлся представителем неких сил, которые, по данным Шамана, реально могли нам помочь в пробивании Закона о резервации.

Приемная у Ивана Сергеевича была размером с таежную вертолетную площадку. В ней сидели две секретарши и крепко скроенный «топтун», с характерной стрижкой и такой манерой носить костюм, что он дико смотрелся без погон. Да, я забыл: на входе меня пропустили через магнитную рамку, как в аэропорту.

Интересно, кого Иван Сергеевич в своей стране так боится, что у кабинета «топтуна» и магнитную рамку держит?

Меня, по крайней мере, он точно не боялся. Или даже вовсе про меня забыл, хотя встреча была заранее согласована. Люди приезжали и уезжали, входили и выходили — одного, такого же красномордого, Иван Сергеевич даже вышел проводить за порог.

Честно прождав три часа, я решил привести в действие напутственные слова Шамана и подошел к молодой секретарше:

— Девушка, напомните, пожалуйста, Ивану Сергеевичу обо мне.

— Он сам все помнит, — даже глаз не подняв, буркнула секретарша.

— Мне не нужны ваши соображения на этот счет, — мягко сказал я. — Просто передайте ему, что через пять минут я уйду докладывать о результатах визита своему руководству.

На том конце зала-приемной ощутимо напрягся «топтун». Но я, уже садясь в кресло, улыбнулся ему и махнул рукой — типа, расслабься, старичок.

Похоже, девицу проняло. Она сняла трубку прямой связи и что-то тихо в нее проговорила. Потом встала и зашла в кабинет. Выйдя, показала мне сухим жестом — твоя очередь.

Сверкая багровым лицом... хозяин кабинета шел мне навстречу с протянутой рукой! Ай да Шаман! Я всегда знал, что он велик, но чтобы настолько!

— Как самочувствие Сергея Матвеевича? — поинтересовался он, протягивая мне руку. Сергеем Матвеевичем Шамана звали те, кто не мог назвать Шаманом.

— Чего ему будет? — спокойно ответил я. — У него же возраста нет.

— Скажите ему, что капли действуют просто волшебным, — попросил Иван Сергеевич. — Только уже немного осталось.

— Это поправимо, — ответил я и начал грузить его своими проблемами.

Иван Сергеевич, надо отдать должное, слушал внимательно, но по ходу дела как-то заметно скучнел.

— Очень сложно, очень, — наконец подвел он итог. — Вообще регион тяжелый. Слишком много интересов. По крайней мере, до конца геологических изысканий никто никаких землеотводов делать не будет.

— Сергей Матвеевич сказал, там — ни нефти, ни урана.

— Хорошо бы. Но там и без того добра хватает: древесина, рыба, китайцы — сам знаешь. Слишком большие деньги, и территория не в зоне нашего влияния.

— Сергей Матвеевич просил сказать открыто: вы сможете помочь?

Иван Сергеевич задумался.

— Нет. На данном этапе — нет.

— Ему ведь тоже не просто вам помогать, — усмехнулся я.

— Ему решать, — как-то сразу посерел Иван Сергеевич. — Мне что от рака сдохнуть, что от пули — все едино. А для вас все равно пользы не будет. Чем-то еще я могу помочь?

— Аудиенция нужна с господином М., — назвал я одну, достаточно часто цитируемую СМИ фамилию.

— Это проще, — улыбнулся Иван Сергеевич, нажимая кнопку на пульте. — Только, думаю, он вам сейчас не помощник. У него проблемы иного рода.

Про проблемы иного рода я ничего не знал, да и Шаман, видно, тоже, раз не предупредил заранее.

К сожалению, результат второй встречи был предсказан правильно. Так что в кабинете еще больших размеров, чем первый, я просто потерял время.

Третьим был приятель Ефима. Береславский отрекомендовал его «просто умным человеком» и настоятельно посоветовал встретиться. Я бы, может, и не поехал, но больше вариантов у меня не было, а на безрыбье и рак рыба.

Узнав, что я от Ефима, Валерий Вадимович разулыбался, пригласил сесть, предложил кофе (в предыдущих кабинетах ничего не предлагали).

Внимательно выслушав мои соображения, Валерий Вадимович взял в руки калькулятор и стал задавать вопросы. Точно ли нет нефти, как далеко от железной дороги, много ли дорог вообще, какова глубина проток, по которым только и добираться до наших охотничьих угодий, сколько гектаров леса и километров реки нужно, чтобы прокормить семью, за сколько баксов в месяц можно нанять непьющего человека и так далее.

Я, как мог, отвечал, а потом он неожиданно подвел итоги.

— В общем, ребята, вам надо полтора миллиона.

— Чего? — от неожиданности спросил я.

— Американских долларов, — на полном серьезе ответил Валерий Вадимович. — Если твои ответы верны, то этого достаточно. По крайней мере, для того, чтобы всерьез обосноваться. А выковыривать вас никто не станет, потому что на рейд надо будет потратить в десятки раз больше, и рейдеры этих денег не отобьют. Если, конечно, там действительно нет нефти, урана или каких-нибудь изумрудов.

— Шаман сказал — нет, — машинально подтвердил я.

— Ну, если шаман сказал, значит, так и есть, — улыбнулся мой консультант, даже не зная, насколько он близок к истине.

Мы тепло попрощались, и я вышел из кабинета.

Сумма, прямо скажем, смешная, если результат — сохранение этноса. Проблема только одна — где ее взять? Шаман денег за свои услуги не берет. А для меня что полтора миллиона, что пятнадцать тысяч — одинаково невиданная сумма.

И все же это был, хоть и слабенький, но свет. Я имею в виду — в конце туннеля. Теперь есть с чем ехать к Шаману. Спасибо Ефиму.

Глава 7

Трасса Москва — Казань,
15 июля
Первые потери, первые находки

Ехали уже два полных часа, а не добрались даже до Владимира. Сначала — балашихинские да купавинские светофоры, потом ремонт путепровода за Ногинском.

— Хорошо едем! — отметил Док.

Ефим откинулся поудобнее на водительском кресле — кстати, он ожидал от «Нивы» худшего — и приготовился размышлять на приятные темы. Он очень любил размышлять на приятные темы, можно сказать, это было его хобби. К сожалению, оно сильно зависело от обстоятельств. Но сейчас обстоятельства были на его стороне.

Итак, они едут. Едут хорошей компанией. Парни, конечно, слегка заморочены большими деньгами, выпавшими им, на взгляд Ефима, чуть рановато. Это проявляется по мелочам: в выборе гостиниц и графика (они обсуждались заранее), в общении с обслуживанием. Но, по сути, парни неплохие. А в дороге это чертовски важно. И об этом приятно размышлять.

Еще приятнее размышлять о том, что он материально практически не напряг пробегом свой «Беор». Уже двенадцать лет исполнилось их агентству, машины печатные собственные, компьютеров куча, но десятка «тонн» баксов — по-прежнему была бы весьма заметной прорехой в скудном летнем бюджете. Если бы не его главбух Александр Иванович Орлов, то неизвестно, куда покатился бы «Беор» во время одного из приступов творческой активности Береславского. Хотя, если б не Ефим, то известно, где бы сейчас находился Сашка — в тюрьме. И вытащить его оттуда, после того, как тихий бухгалтер в собственной квартире грохнул группу ублюдков, было, ох, как не просто!

Ну, да какие счета могут быть между людьми, которые давно и бесповоротно дружат?

На машину Ефима «Беор» действительно не потратил ни копейки. Остальные парни свои «Нивы» купили сами, а Ефим ехал на рекламном экспонате, предоставленном некой строительной фирмой, возжелавшей, чтобы ее светлое имя, нанесенное на обоих бортах, узрели от Москвы до «Владика», и даже оплатившей тонну бензина. Если и не хватит — то крохи.

Вот такой Ефим умный и бережливый...

Проехали Нижний Новгород, за ним — объехали Кстово. Заправились на красивой заправке: Ефим диву давался, как все изменилось. Раньше от АЗС до АЗС язык высунешь, без запасной канистры ни один нормальный шоферюга не выезжал. А теперь — на каждом шагу! И каждая — чудо бензозаправочной архитектуры. Нет, есть все-таки и позитивные перемены в этой жизни!

В Лысково механик Саша осмотрел машины. На «двойке» в движении якобы был слышен нехороший стук.

Водитель, Петька, невысокий, но крепкий малый, залез на задний бампер и покачался на нем. Стук проявил себя немедленно.

Все собрались вокруг подозрительной «Нивы». Ефим тоже старательно симитировал участие, постучав ногой по колесу.

А Сашка молча переоделся и залез под машину. Потом попросил нож. Через некоторое время так же молча вылез, объявив, что можно ехать.

Ефим верил ему безоговорочно, потому что знал много лет и в пробег пригласил лично. Мужики же попросили разъяснений.

Сашка разъяснил. Поставленные дополнительные пластиковые подкрылки обо что-то там бились. Маленькое обрезание — и все стало хорошо.

— За то и люблю отечественную технику, — только и сказал Сашка. — В ней все легко ломается, и все легко чинится.

Еще через полсотни километров снова остановились, поели в придорожном трактире — благо, их тоже стало видимо-невидимо, больше чем заправок — и помчались дальше.

Док слегка вздремнул, а проснувшись, внезапно решил начать записывать дорожные впечатления. Он уже достал блокнот и ручку, как вдруг Ефиму под колеса с лаем метнулась с обочины какая-то грязно-белая шавка.

Береславский совершил довольно жесткий маневр, и в итоге собачка осталась цела. А вот Док

совершил непредусмотренные сумбурные перемещения по всему задку «Нивы».

— Ну, ты, водила! — оценил он шоферское мастерство Ефима. И еще пару эпитетов добавил, подчеркивающих и усиливающих сказанное.

— Что ж мне ее, давить надо было? — оправдывался Береславский. — И кто из нас не пристегнут?

— Попробуй, пристегни мой живот!

— Ну, я же свой пристегнул, — резонно возразил Ефим. На это Доку ответить было нечего, а потому он потер ушибленные места, и, засопев, нагнулся вниз, зашарив руками под сиденьем у двери — именно туда, как ему показалось, закатилась ручка.

— Ну, чего, нашел свое стило? — прервал его сопение Береславский. — Хочешь, остановлюсь? По радиации предупредим, чтобы не ждали, потом догоним.

— Погоди, — ответил Док. — Не мешай. — После чего раздался треск отдираемой то ли материи, то ли пленки.

— Эй, полегче там! — заорал Ефим. — Это тебе не в кишках копать!

— Слушай, я тут что-то странное нашел, — после паузы прорезался голос Дока.

— Золото, бриллианты?

— Не-а, — помолчав еще секунду, ответил тот. — Скорее, дырки от пуль. И кровь засохшая.

Глава 8

Автодорога «Волга»,

15 июля

Жизнь и смерть старшего лейтенанта Фаткуллина

«Хорошо, что не поехали на ночь глядя», — думал про себя Марат, умело управляя автомобилем. Во-первых, Али немного пришел в себя: он после такого ожога и контузии еще долго будет не в форме. Да и при свете все равно езда получается быстрее. Еще один плюс: с ментами меньше вероятность встретиться — машин-то на дороге днем гораздо больше.

В багажнике «опеля», в умело выполненном тайнике, хранилось кое-какое оружие, кроме двух «стечкиных», которые были под рукой постоянно.

В заднем зеркальце Марат время от времени ловил взглядом «шестерку». В ней ехали еще два бойца. Чтобы не привлекать лишнего внимания, вторая машина старалась держаться не впритык, а через одну или две. Или

время от времени притормаживала, отпуская «опель» вперед. А потом понемногу нагоняла.

Али сидел, как всегда, насупленный. Он никак не мог понять логику действий Скрепера.

Что дома никого у него не осталось — понятно. Перед войной всех эвакуировал, избавляясь от «окон уязвимости». Что фирму почти обанкротил — тоже ясно: видно, собрался менять не только город, но и страну проживания. Из компании все изъяс, у Али денег схватил, плюс груз героина примерно на ту же сумму.

А что он собирается делать дальше — пока неизвестно. Не повезет же в Европу или Америку такую прорву порошка? Его сначала надо сбить.

На цыганского барона у Скрепера надежды не было. Слишком долго, слишком заметно. Значит, его задача — вывезти груз из Москвы. Но куда?

В последний раз его видели в Лысково, в сотне километров за Нижним Новгородом. Ночевал в придорожном мотеле «Бриг». Уехал на восток часа за три до появления Али. На небольшой «праворулке». Небольшой, но быстрой: сумел-таки оторваться от их человекa.

Ну да ничего: и в Чебоксарах, и в Казани люди предупреждены. Сквозь землю Скрепер больше не провалится.

Вот только в машине его ничего не оказалось. Человек честно ее ночью обшарил. Жаль, не догадался незаметно машинку попортить. Но такая мысль вчера Али в голову не пришла, а на самостоятельность его порученец не рискнул.

И где же героин? Если б тайник оказался в «праворулке», все бы встало на свои места: Скрепер желал увезти товар подальше от места его розыска. Но героина в маленькой голубой «хонде легио» не было: Владимир имел большой опыт подобных поисков, и если бы груз действительно имелся, он был бы найден.

Мысли Али переключились на Владимира. Им тоже не следовало рисковать попусту, слишком

ценный кадр. Никаких кавказских корней, чистый славянин. К исламу пришел самостоятельно. Ну, или почти самостоятельно: просидев после первой чеченской в земляной яме месяца два, сменил не только веру, но и имя, оставшись Владимиром только по документам и для «командировок» в Россию.

Зато потом быстро освоился: еще через два месяца уже расстреливал своих бывших однополчан. Так что обратного хода ему теперь нет.

Так где же все-таки теперь Скрепер? Или, что еще более важно, где сейчас товар и деньги? Ответ здесь один: куда едет Скрепов, там и товар, и деньги.

А значит, по дороге его брать нельзя. Его надо брать только у пункта назначения.

Равиль Фаткуллин служил в милиции уже более десяти лет, а все оставался старшим лейтенантом. Не то, чтобы это его слишком волновало: семейное денежное довольствие складывалось вовсе не из доплат за звездочки, но все равно неприятно.

Сначала мешало отсутствие полного среднего, потом, доучившись до аттестата, стал сержантом. А через десять лет — снова учиться: какому-то умнику пришла в голову мысль, что следить за порядком на дороге можно, как минимум, со средне-специальным...

Окончил заочный техникум, не так это и сложно оказалось. Так новые препоны начали ставить. Об обязательном высшем образовании только поговорили. А вот про обязательную командировку в мятежную Чечню даже не намекали, а прямым текстом шпарили.

Не хочешь в Чечню — не жди новых звездочек.

Он и не ждал.

А в Чечню все-таки поехал «наводить конституционный порядок».

Конечно, как умный человек, подгадал на зимний период. Зимой там всякая мятежная деятельность затихает: в горах особо не разгуляешься, а леса сбрасывают листву. Нет, там, конечно, было не сладко. А по ночам — так вообще страшновато. Но ничего ужасного, к счастью, не произошло. Более того, на чеченских дорогах, как и на всех прочих российских дорогах, как оказалось, можно потихоньку зарабатывать. Ведь главное в нашем деле — учил Равиль своего юного племянша Нияза — не зарываться. И ты — на дороге, и шофер — на дороге. Поговори с ним весело, покажи ему, что он неправ, постарайся не усугублять конфликт, и все расходятся довольные!

Вот и сейчас Равиль, хоть и не стоял, как столб, у дорожного полотна, однако внимательно следил за всем, что на нем происходит.

Нияз, поскольку молодой, суетился с прибором — «Барьер-2» только забрали из ремонта, и он пока работал хорошо.

Вон уже бежит, глаза как тарелки.

— Смотри, Равиль! — сказал племяш, показывая направо. Оттуда, со стороны Москвы, по большой дуге некрутого виража шел черного цвета «Опель-Омега», попрыгивая на пологом подъеме сизоватым дизельным выхлопом. Затем протащился, тяжело вздыхая, КамАЗ с огромным прицепом, а вот за ним гнала машинка, которая требовала вмешательства со стороны органов правопорядка. «Шестерка» летела явно больше «сотни», будто догоняя кого-то. И КамАЗ обогнала грязновато, заставив встречную машину встать почти на обочину.

Нияз пошел к машине, зафиксировать показание радара, а инспектор, не торопясь, подошел к краю дороги и повелительно взмахнул жезлом.

«Шестерка» послушно остановилась и, пролетев по инерции вперед, вежливо сдала задним ходом, окончательно остановившись напротив их «девятки», только с другой стороны трассы. С водительского места сразу вылез невысокий улыбчивый мужчина лет тридцати. Равиль неторопливо пересек шоссе.

— Что-нибудь нарушил, командир? — заулыбался водитель, протягивая инспектору бумажник с правами.

«Здесь проблем не будет», — понял Равиль, и, не удостоив нарушителя ответом, углубился в изучение документов.

С бумагами все было чисто.

— Да видел я знак, командир, — нетерпеливо мялся водитель. — Просто тороплюсь очень. Давай, сразу штраф уплачу, я же не спорю, — и протянул инспектору три сотенные бумажки.

Равиль легким движением сгреб их в карман и возвратил документы. Но машину не отпустил, а, движимый каким-то профессиональным чутьем, еще раз скользнул взглядом по «шестерке».

— Не в угоне, не бойся, — снова заулыбался водитель. — Хочешь, проверь по компьютеру. — Парень, вроде, был спокоен, да и чего волноваться — Равиль же деньги взял.

— А кто в машине? — спросил инспектор.

— Мой брат двоюродный. Я за него ручаюсь.

И тут Равиль понял, что его насторожило. В речи парня явно пробивался северокавказский акцент, которого он по полной программе наслушался во время недавней командировки.

Равиль снова подошел к открытому окну и заглянул внутрь.

Пассажира узнал сразу.

И тот понял, что узнан, правда, не понял — кем.

Именно этого парня задержали тогда на блок-посту с гранатометом. Не он, Равиль, задержал, бойцы-чеченцы из спецбатальона «Восток». При парне всего было много: и автомат, и одноразовый гранатомет «муха», и упаковка ранее невиданных Равилем «хаттабычей» — слегка сплюснутых боеприпасов к подствольному гранатомету, модернизированных «духами» для метания в качестве маленьких ручных гранат.

После задержания бандита должны были передать следователям. Как же он здесь оказался?

Равиль совсем растерялся — он же не крутой спецназовец. И что теперь делать?

Попытаться задержать? Смерть и ему, и племяшу. Отпустить? Тоже плохо.

Так и не придумал ничего инспектор. Потому что раздались три выстрела, и все три пули попали в цель. Одна, ударившая в нагрудный жетон, срикошетила и со звоном улетела в траву. Но это никак не спасло Равиля: оба других ранения — в голову и в шею — были смертельными.

Водитель «шестерки» прыгнул за руль и попытался включить двигатель. Горячий мотор завелся лишь через несколько секунд, показавшихся вечностью. Но — завелся.

Водитель дал газу, и «шестерка» рванула вперед.

Может, и ушли бы без потерь, если б не заминка на старте.

Однако Нияз уже выбежал на середину шоссе, испуганный и оглушенный произошедшим, но с автоматом АКСУ в руках.

Теплый воздух мгновенно наполнился оглушающим грохотом и пороховой вонью, по асфальту запрыгали, сверкая боками, латунные гильзы. Из тридцати выпущенных пуль лишь две нашли цель. Одна пробила тент трудяги — КамаАЗа, которого во второй раз за последние пять минут обгоняла

злосчастная «шестерка». Вторая попала в затылок водителю ухотившей легковушки.

Машина крутнулась, ударилась об колеса КАМАЗа и отскочила влево. Перелетев «встречку» и чудом разминувшись со встречным «жигулем», обезумевший водитель которого нажал на тормоза и сигнал лишь после несостоявшегося лобового столкновения, «шестерка» ушла с дорожного полотна, и, пробив низкое ограждение моста, ухнула вниз, в овраг.

Нияз пытался сменить пустой рожок, но руки не слушались. А потом и менять не стал: снизу, с того места, куда упала машина, сначала повалил черный дым, и следом, почти сразу, сильно рвануло. Конечно, это сработал не бензин. Это сдетонировали боеприпасы и взрывчатка, которой было вдоволь в автомобиле.

В служебной «девятке» зашуршала рация. Парень должен был ответить и сообщить о бое, но не мог сделать ни шагу — ноги стали ватными и не слушались его.

Это было его седьмое дежурство.

И это был его дядя.

Али через раскрытое окно тоже услышал выстрелы, потом взрыв, и, обернувшись, увидел дым и пламя. Марат снизил скорость, ожидая приказа.

— Поехали вперед, — бросил Али.

— А как же... — начал было Марат, но Али оборвал его:

— У нас другие дела. — И надолго замолчал.

Как это было некстати! Только, казалось, все стало налаживаться — и на тебе! Где теперь взять других бойцов?

«Ладно, сначала надо найти Скрепера, а там видно будет», — подвел итог Али.

Глава 9

Автодорога «Волга»,
15 июля
Те же и Татьяна Валериановна

Перед Казанью им попался здоровенный дизельный «рено», легко тянущий за собой тяжелую длинную фуру. Машина, конечно, красивая и не столь часто встречающаяся на дорогах, но привлекла она их внимание тем, что, ни с того ни с сего вдруг довольно резко вильнула, а потом и вовсе дала по тормозам.

Пока Ефим с Доком к ней подъехали, из высокой кабины спрыгнула женщина. Без сумки, но с зачехленной гитарой. У нее был сердитый вид, сопровождаемый легким беспорядком в одежде.

Ефим тормознул: ему всегда не нравилось, когда в его присутствии обижали женщин. Док тоже мгновенно выскочил из машины.

«Рено», тем временем, обдав всех троих сизым выхлопом, резко тронулся дальше.

— И вам врезать? — сурово спросила женщина, держа гитару за гриф. По ее лицу было видно, что ради такого случая инструмент она жалеть не станет.

— Вообще-то, мы вас спасти вылезли, — скромно сообщил даме Береславский.

— Спасибо, не надо, — ответила та. Лет женщине было либо до тридцати, либо очень немного за тридцать. Не красавица, но понять мотивацию водителя «рено» было можно. — Я сама себя спасу, — остывая от поединка, сказала незнакомка.

— Уже поняли, — вежливо ответил Ефим. — Может, до Казани подвезти?

— Подвезите, — разрешила дама. — Только я после этого ничем не буду вам обязана?

— Ничем, уважаемая, — начиная терять терпение, но, тем не менее, галантно ответил Береславский. — Когда девушки целят в меня гитарой, я временно становлюсь бесполом.

— Тогда поехали, — успокоилась их новая попутчица.

В машине Ефим завел ни к чему не обязывающий вежливый разговор:

— А вы откуда?

— Из Нижнего.

— И куда?

- В Пермь. Там послезавтра конкурс самодеятельной песни. Я участвую.
- А поезда в Пермь не ходят? — поинтересовался Береславский.
- Вы знаете, какая зарплата у воспитательницы детского сада? — парировала пассажирка.
- Нет, — ответил Ефим. — Но, боюсь, цена путешествия автостопом может вам тоже не понравиться.
- Я теперь тоже боюсь, — честно созналась та.
- Меня, кстати, Ефимом зовут, — вспомнил, наконец, Береславский. — А его — Док.
- Михаил Георгиевич, — строго поправил Док.
- А меня — Татьяна Валериановна Смагина.
- Может, лучше без отчества? — спросил Ефим.
- Нет уж, лучше с отчествами.
- А в Пермь — за славой или за удовольствием?
- За удовольствием.
- А вдруг победите? Славы не избежать.
- Переживу. Я работу менять пока не собираюсь.
- Почему же? Сами говорите, зарплата не ахти.
- Мне дети нравятся, — совершенно серьезно призналась Татьяна Валериановна. — Они такие все хорошие! И девочки, и мальчики. Куда только потом что девается?
- До гостиницы доехали уже в полном молчании.
- Машину припарковали к четырем другим — вечером их отгонят на станцию техпомощи для осмотра, потом — на охраняемую стоянку, где они простоят до утра.
- Надо бы выходить, но неприятно как-то идти в отель, зная, что их попутчице ночевать негде.
- Где вы ночевать собираетесь? — наконец спросил Ефим.
- Не знаю пока. Но не пропаду, не переживайте. Спасибо, что подвезли.

— Может, у меня останетесь? — по условиям договора номер Ефима был двухкомнатный, в одной комнате, спальней, была кровать, в другой — диван.

— Вы же не любите, когда вас бьют гитарой.

— Но я вас и пальцем трогать не собираюсь! — возмутился Ефим.

— А чем собираетесь? — скромно спросила воспитательница детского сада.

— Хотите, я вас в ванной устрою? — вдруг успокоился Береславский. — Она изнутри закрывается. Да еще гитара с вами. Ударный инструмент.

— Нет, — отказалась Татьяна Валериановна. — Если и впрямь хотите помочь, дайте мне в вашей «Ниве» переночевать. Сами сказали, она на охраняемой стоянке будет.

— Вы мне не доверяете, а я вам должен доверять? А, может, вы руль сопрете? Или тахометр?

— О, тахометр! — сощурилась девица. — Не, не сопру. Я вам гитару в залог оставлю. Она действительно дорогая. Не сопрете?

— Не сопру, — пообещал Ефим.

На том и порешили.

... Поздно вечером, сбежав со всех увеселений, Ефим прокрался к охраняемой стоянке.

Он показал охраннику удостоверение и ключ от «Нивы», после чего пошел к машине. Открыл дверь и чуть не умер от возмущенного вопля разбуженной Татьяны Валериановны.

Самое смешное, что она его сейчас вовсе не интересовала. Более того, он про нее просто забыл, поэтому от испуга тоже заорал.

На вопли выскочил охранник, но, удостоверившись, что все в порядке, вернулся в будку.

— Чего вам надо? — недоверчиво спросила воспитательница детского сада.

— Уж точно не вас, — вежливо ответил Ефим. — Не могли бы вы десять минут где-нибудь погулять?

— А если я просто посижу?

— Если просто — то посидите. — Береславский достал тайком купленный «набор юного алхимика» и склонился над раскрытой задней правой дверью.

Наконец-то он занялся тем, что занимало его весь день, причем свой интерес Ефим был вынужден тщательно скрывать даже от Дока.

Он провел пальцами по внутренней поверхности двери. Так и есть. Сквозные отверстия.

Затем исследовал внешнюю сторону дверей. И вновь нащупал две дырки, сантиметрах в десяти друг от друга, заклеенные виниловой пленкой, которой были выполнены все надписи на бортах. Вот ведь загадки! Выходные отверстия были явно обработаны, но грубо, на скорую руку. Если бы у ремонтника было время, ему проще было бы сменить дверь целиком.

Однако самое неприятное открытие заключалось не в этом. Металл по окружности был выдавлен наружу, а значит — стреляли из машины. Или пробили ее насквозь? Но тогда с левой стороны тоже должны быть дырки. Версия показалась Береславскому маловероятной, однако, чтобы не оставалось сомнений, он внимательнейшим образом ощупал и левый бок «Нивы». Причем, не только заднюю дверцу, но и все другие области, куда могли бы попасть пули. Затем принялся за коврики.

Они были приклеены к полу мощным двусторонним монтажным скотчем. Коврики таким не приклеивают, да и зачем вообще приклеивать коврики к полу?

Только для того, чтобы, хотя бы на некоторое время, скрыть что-то неприятное!

Вот же чертовщина!

Но впереди — главная часть его изысканий.

Коврики были сняты и щепочкой взяты пробы из зоны сочленения пола и порога. Капля перекиси водорода запузырилась. Еще один препарат тоже дал положительный результат, равно как и подсвечивание ультрафиолетовым фонариком.

Сомнений не оставалось. Похоже, в их с Доком «Ниве», бесплатному появлению которой он так радовался, кого-то конкретно грохнули. Подарок оказался с «сюрпризом».

Ефим поднялся с колен и, тяжело пыхтя, принялся размышлять.

— И чего там нашли? — неожиданно прозвучал вопрос. А он опять забыл про Татьяну Валериановну!

— Грохнули кого-то в этой машинке, — непонятно почему, откровенно признался Ефим.

— Вы с Доком? — спокойно поинтересовалась девушка.

— Если б я с Доком, разве бы я здесь на коленках лазил? — с укоризной спросил он.

— Логично, — согласилась г-жа Смагина. — А тогда кто?

— А если б я знал, — честно ответил Береславский.

Тем временем стемнело. Надо было возвращаться в гостиницу.

Уже лежа в кровати и засыпая, Ефим успел подвести краткие итоги дня:

— первый отрезок маршрута пройден;

— поход ему нравится;

— в его машине недавно был труп.

Ну, что ж. Начало многообещающее. Посмотрим, что будет дальше...

Глава 10

Казань — Пермь,

17 июля

В России ездят по дороге, а не по карте

Я — ранняя пташка, и уже в восемь часов по местному времени, пока господин Береславский продолжал спать, тихо вышел на улицу.

Машины уже подогнали к гостинице, и механик Саша, как гроссмейстер на сеансе одновременной игры, ходил сразу перед пятью «Нивами» с открытыми капотами. Ему помогли два водителя.

Я вручил им витамины — как оговорено в моей, действующей на время пробега, должностной инструкции.

— Док, а витамины в половой жизни помогают? — деловито спросил Петька, водитель второго экипажа. — Если да, то мне добавку.

— Еще как! — подтвердил я, удваивая порцию.

Потом вручил витамины Василию, шефу первого экипажа. Остальные подтянулись сами — от витаминов не отказывался никто, кроме проснувшегося Ефима.

В ответ на протянутую руку с красными капсулами он мрачно произнес: «Мы бодры, веселы!» и удалился в сторону ресторана. Впрочем, после завтрака с ним уже было можно как-то разговаривать.

Девушку я утром так и не увидел.

Али спал прямо в машине, припаркованной недалеко от стационарного поста ДПС — так спокойнее, да и ночевать здесь останавливались многие транзитники.

Надежной квартиры в Казани у них больше не было, а сообщники такие, что года три назад он и не взглянул бы в их сторону. Сегодня же приходилось работать с любым человеческим материалом.

Тем более было жалко бойцов, погибших вчера за Чебоксарами.

Нет, не Тимура и Шамиля — их души сейчас уже в раю, а двух надежных бойцов, прошедших огонь и воду, на которых можно было положить-ся, как на самого себя.

Марат рядом еще спал, и Али, окончательно проснувшись, задумался.

Таких, как они, становится все меньше. И все больше тех, кто воюет ради денег и власти. А часто — ради полюбившегося вкуса крови и вседозволенности, за которые в обычной жизни навсегда сажают в железную клетку, а на священной войне называют «подвигом веры».

Сам Али спокойно относится и к деньгам, и к власти. Они ему не нужны. Ему нужно совсем другое: показать этим глупым, ничего не понимающим людишкам истинный путь спасения души. И ради этого он готов не жалеть ни свою, ни чужие жизни. Он даже горд тем, что его первенец, Руслан, погиб в этом чудовищном сражении цивилизаций: доживающей свой век иудо-христианской и набирающей силу и мощь — исламской.

Еще пятнадцать лет назад Али был обычным рабочим парнем, только начавшим свой трудовой путь. И путь был понятен и ясен: его отец всю жизнь проработал на нефтепромыслах, и его сын тоже пойдет туда.

В планах был институт, надо только заработать на квартиру, потому как жена уже намечалась — они дружили с восьмого класса.

Жизнь текла тихо-мирно. А потом началась долгая война. И никто не упрекает Али в том, что он хоть раз хотел спрятаться или отдохнуть от нее.

Он много потерял: под бомбами погибли жена и двое младших детей. Были убиты два брата, правда, один из них проданся гяурам и стал для правого дела опасней русских. Али был в курсе планов насчет своего павшего брата, — он даже по-прежнему любил его, — но если брат пошел против Аллаха — пусть будет так, как хочет Аллах.

Али неловко повернулся, и тело под повязками пронзила боль. Надо бы отлежаться, и не меньше месяца. Но где сейчас его взять, этот месяц?

Все планы нарушил дьявол-Скрепер! Ради своей наживы забрал у бойцов Аллаха огромные деньги, а нескольких из них лишил жизни. Али не сомневался, что в итоге справедливость восторжествует. Все в руках Аллаха.

Но где же все-таки Скрепер прячет то, что ему удалось схватить?

... И тут его осенило!

Как же все просто! Спасибо Аллаху, надоумил наконец.

Он же сам читал справку о движении средств и имущества компании Скрепера. Там было много странных сделок, понятных только при сверх-быстрой ликвидации фирмы. Например, одна из его машин была отдана якобы бесплатно для какого-то идиотского пробега через всю страну. Бесплатно! Это Скрепер-то, друга старого, как выяснилось, грохнувший, чтоб удвоить прибыль! И отдал машину за просто так?

Как же все оказалось просто, спасибо Аллаху!

Вот в чем разгадка! На проклятую сделку, кончившуюся гибелью Руслана, эти твари приезжали на «Ниве». И в пробег отдали тоже «Ниву», так что не зря синяя «лого» Скрепера постоянно крутилась около раскрашенных машин — ему ведь об этом сообщали, просто тогда Али не придавал этому значения. А значит, скорее всего, товар — в машине. В одной из машин. Точнее — в одной из пяти. Следовательно, главная задача — выяснить, какая из машин предоставлена организаторам пробега бывшей компанией Скрепера. Понятно, что Скрепер будет ее постоянно сопровождать — эта гиена не бросит без присмотра порошка на два миллиона баксов.

Теперь, когда ходы врага понятны, остается только изъять товар по пути. Но где, в каком месте это сделать?

Ведь страна гяуров такая большая. И куда везет Скрепер героин? Вряд ли до самого Владивостока. Вряд ли.

Да, нужно постараться прихлопнуть обеих пчел сразу: Скрепера — с деньгами (они почти наверняка у него с собой, раз решил «завязать» с московским бизнесом) и машину — с порошком. А еще — с кровью Руслана, ни на минуту не забывал Али.

Когда деньги и товар будут изъяты, Скрепер заплатит за все.

Али еще не придумал, как ЭТО произойдет. Но гяур еще пожалеет о том, что он вообще появился на этом свете.

Али успокоено прикрыл глаза и постарался на время расслабиться...

Ровно в девять вся группа выехала из гостиницы. Даже Ефим Аркадьевич.

Но направились вовсе не в следующий по маршруту город Пермь, а в уже покоренный путешественниками город Казань.

Больше часа мотались по столице Татарии весьма странным кортежем, а потом выехали на окружную трассу, которая, судя по карте, — я был в роли штурмана, — плавно переходила в дорогу на Набережные Челны. По ней мы должны были проехать изрядное расстояние, после чего свернуть вверх, на север, на Ижевск.

Дорога была хорошая, Ефим ехал быстро, поэтому, когда он совершил жесткий вираж, круто сворачивая налево, Татьяна Валериановна едва не выпала с кресла.

— Ты чего делаешь? — возмутился я.

— Кто из нас штурман? — ухмыльнулся Береславский.

— Я умею читать карты!

— А я умею просто читать, — скромно заметил он.

И мы увидели указатель со словом «Пермь». Он был написан от руки и выполнен из картона. И еще: он был последним.

Потому что здесь же кончалось и само шоссе. Точнее, упиралось в широченную темную реку, даже на взгляд — быструю и глубокую, причем никакого подобия моста в зоне досягаемости не наблюдалось. Атлас сообщил нам, что это — река Вятка, а мостов и в самом деле здесь пока не построили.

— Ну, что — вперед? — злорадно спросил я. — Мы же никогда не разворачиваемся!

— Зачем разворачиваться? — усмехнулся Береславский. — Поворачивать! Налево и направо — не запрещено.

Спорить было сложно: и налево, и направо вела такая же грунтовая дорога, как и та, по которой мы приехали. И налево и направо не наблюдалось никаких признаков цивилизации.

А между тем — уже вечерело.

— Ну, так куда? — поторопил я Ефима.

— Дай атлас, — вместо ответа сказал он и, внимательно изучив страницу, добавил: — Решение принято.

— Какое же? — поинтересовался я.

— Мы применим метод экспертных оценок, — сообщил он, решительно выходя из машины.

Экспертом стала проходившая мимо нас, ведя за веревочку козу, бабулька. Она оказалась толковой, все нам объяснила и показала, как добраться до парома.

Когда мы прилетели к переправе, посадка даже еще не началась — ее ждала длинная вереница легковушек и грузовиков. Еще и за нами успели встать с десятков машин. Последней, когда уже пошла посадка, подкатила маленькая голубая «хонда».

Машинки тут были совсем другие, чем в Москве или даже в Казани: кроме этой «хонды», я не увидел ни одной иномарки, зато насчитал шесть вездеходов-УАЗов: и «козликов», и «буханок».

Водители оказались весьма приветливыми: все нам объяснили. В том числе, что дороги с твердым покрытием после переправы не будет двадцать с лишним километров. А потом, конечно, будет, хотя точно никто не знал.

На том берегу первыми высадились те, кто заезжал последним. Мы проехали легко, а двух «Москвичей», «жигулька» и единственную в стае иномарку довольно долго тащили на буксирах УАЗы.

Ефим несся, как оглашенный, близ поселка с несерьезным названием Игра мы вышли на дорогу, шедшую от Ижевска, на которую попали бы, если б не свернули у Казани.

Самое смешное, что ребят мы здорово обогнали, и Ефим Аркадьевич, и так не страдавший излишней скромностью, совсем зазнался...

Пермь,

18 июля

Девушка, энцефалит и деревянное
зодчество

Ночевали «пробежники» в поселке Усть-Качка, довольно далеко от города, в шикарном санатории прямо на берегу широкой и раздольной Камы.

Народ слегка умотался и в массе своей сразу залег в койку. Кроме, разумеется, самых заядлых «футболистов», тоже сразу залегших в койку, но с несколько иными целями.

А утром, после завтрака, машины построились в колонну и — в сопровождении ГАИ — направилась в город.

Пермь встретила их продвинутой «наружкой» — замечательным «барометром» экономического развития. Этот регион вообще быстро и эффективно развивался, что Ефим имел возможность наблюдать во время своих ежегодных приездов на местную рекламную выставку.

В час дня московских гостей повезли обедать, как всегда на Урале — вкусно, сытно и очень радушно. А вернувшись с обеда, Береславский неожиданно встретил Смагину. Татьяна Валериановна выглядела печальной.

— Вот, пришла попрощаться, — заявила она. — Все-таки мы здорово прокатились.

— Ты, что, уже отстрелялась? — удивился Ефим. Насколько он понял, ее конкурс должен был идти чуть ли не неделю.

— Ага, — созналась девушка. — Здесь все, как везде.

— То есть?

— Меня даже не слушали толком. У них, наверное, места давно распределены.

— Никаких шансов?

— Нет, шансы были, — усмехнулась воспитательница. — Вышел один из жюри и предложил мне помощь. Два тура гарантировал.

— А ты ему — гитарой? — догадался проницательный Ефим.

— Гитара внизу уже была, у вахтера.

— Повезло мужчине, — пошутил Береславский. Подумав, добавил: — И гитаре тоже. Так куда ты теперь? В Нижний, к детям?

— Не знаю, — задумалась Татьяна Валериановна. — Я, вообще-то, в отпуске с понедельника.

— Так, может, с нами поедешь? — предложил Ефим, любивший быстрые решения.

— В каком качестве? — сурово глянула на него Смагина.

— Музыкального работника, — быстро ответил лукавый рекламист.

Татьяна Валериановна задумалась. В тридцать лет хочется свежих ощущений не меньше, чем в пятнадцать. А, может, и больше — иллюзий-то к этому возрасту уже почти не остается.

— Ты же видела, мы не маньяки какие-нибудь, — как змей-искуситель, уговаривал Береславский. — Ну, разве что, Док. А я — точно нет. Потом, у тебя ж гитара, чего тебе бояться?

— Не знаю даже, — девушка явно колебалась. Ей наверняка хотелось в путешествии, смущала лишь двусмысленность положения.

— Ты пока думай, — предложил Ефим. — Через пару часов мы едем в Хохловку, тут уж точно можешь с нами. А завтра утром решишь окончательно.

— А что такое — Хохловка?

— Музей у них замечательный. Памятники деревянного зодчества. Под открытым небом.

Ох, и хитрец! Знал, чем соблазнять. Видел же, как Татьяна засматривается на выскакивающие из-за поворотов церквушки и резные деревянные кружева наличников на потемневших домиках.

— Хорошо. В Хохловку поеду. А там видно будет, — отложив основное решение на потом, сразу успокоилась девушка.

... Хохловка оказалась огромным — на 42 гектара — природно-архитектурным заповедником: здесь было целое скопище старинных разномастных деревянных конструкций, от простых и утилитарных, — изб, амбаров, лабазов, — до величественных дворцов и храмов, от которых не отказались бы лучшие архитектурные музеи мира.

Единственное, что напрягло Ефима Аркадьевича, — это торчащие тут и там, прямо посреди густой травы, крупные ядовито-желтые дощечки, на которых здоровенными черными буквами было написано только одно слово: «клещи».

Это проклятье всего российского востока — от Урала до Владивостока — всегда пугало впечатлительного Береславского. Тем более, что недавно он проводил кампанию по продвижению противозенцефалитной вакцины и, изучая товар, был вынужден начитаться жутких историй. Теперь эти маленькие мерзкие твари мерещились ему повсюду. Даже спокойная Татьяна Валериановна призналась Ефиму, что ей тоже чудятся клещи за шиворотом. Конечно, Береславский не удержался и предложил свои услуги на предмет детального и внимательного осмотра, на что г-жа Смагина в очередной раз презрительно фыркнула.

Впрочем, остальные, похоже, не обращали на клещей никакого внимания. «Пробежники» носились между многочисленными шедеврами деревянной старины и дружно щелкали фотоаппаратами. А не знавшие как угодить гостям хозяева уже подвезли для фотоаппаратов — фотопленки, а для «фотографов» — крепчайшую выпивку и вкуснейшую закуску.

В общем, Хохловка всем понравилась. А некоторым даже помогла принять судьбоносное решение. Имеется в виду девушка с гитарой.

Когда возвращались обратно, она просто сказала:

— Если не передумали, я еду с вами.

— Ты будешь у меня медсестрой! — возликовал Док.

А Ефим сделал Смагиной хитрый знак: теперь, мол, поняла, кто из нас маньяк? Татьяна Валериановна засмеялась: после двух дней такого пути ей совсем не хотелось возвращаться в обыденную жизнь.

Глава 12

Москва,
22 июля

Из дневника Самурая (запись третья)

Я сидел в замызганной кафешке на Ярославском вокзале.

Точнее — стоял около высокого одноногого стола. Ел «коржик молочный», как было указано на этикетке поверх тончайшей пленки, гигиенично закрывавшей пищевой продукт. У меня, кстати — или некстати? — возникла мысль насчет чистоты рук, заворачивавших этот самый коржик в эту самую пленку.

В тайге, когда ножом разделявал сохатого, а потом им же отрезал лакомые куски, чтобы тут же, наткнув на палку, пожарить на костре, мыслей о чистоте рук почему-то не возникало. А здесь вот — пожалуйста.

Все это отвлекало меня от самого главного — где взять полтора миллиона долларов?

Первая идея была — попросить денег у пациентов Шамана.

Не прошло.

Во-первых, Шаман никогда не берет денег за лечение. Во-вторых, если бы я не убоялся сделать это, не спросив его разрешения, пациенты, вроде моего вчерашнего красномордого визави, скорее расстанутся с жизнью, чем с деньгами...

Нет, это был не выход.

Я думал об этом сутки напролет, даже во сне. И ничего путного не придумал.

Быстро, в три глотка, допил кефир, засунул в рот остатки коржика и подался к выходу из забегаловки.

А тут меня уже ждали.

Два бомжеватого вида азиата сидели на корточках около дорожного ограждения и делали вид, что я их не интересую. Когда я прошел вперед, они поднялись и пошли за мной.

Конечно, мне не представляло труда почти мгновенно исчезнуть. Но тогда я бы не узнал, чем вызван их интерес.

И я пошел к путям, к вагонам, где ошивались деклассированные элементы. По дороге было много закоулков, в которых злодеи вполне могли меня поймать. Ну и пусть ловят.

А недооценил я китайцев! Или уйгуров?

Они выросли передо мной вполне неожиданно.

— Деньги нужны, — честно сказал первый, по-старше и повыше.

Впрочем, тот, что пониже и помоложе, все равно был старше и выше меня. Он ничего не сказал, а просто схватил мой амулет, по случаю жары выглядывавший из ворота рубашки. Вернее — попытался схватить, но не дотянулся на полсантиметра. И повторил попытку. С тем же результатом.

За то время, что он протягивал ко мне свою грязную пятерню, я успел бы не только отпрянуть, но и, при желании, сломать ему каждый палец отдельно.

Пусть скажет спасибо, что Шаман воспитал меня гуманистом. Да и пальцы у него грязные.

— Эй, ты... — не поняв в чем дело, обиженно протянул младший. Голос у него был густой и хрипчатый.

— Деньги давай, — гнул свое старший, но, похоже, уже не так уверенно, как вначале, и достал нож. Лезвие сантиметров в восемь длиной не отбило у меня охоты повыдываться: он махал ножом, как косой, но острие всякий раз проскакивало в пяти миллиметрах от моего живота.

Младший смотрел как замороженный и ничего не предпринимал. Забрав нож у старшего, я спросил:

— Кто вас послал?

— Никто, — ответил тот. И закрыл рот. Но язык я успел ему надрезать.

Он взвыл, схватился за рот рукой, однако в бега не ударился — то ли не желая получить нож в спину, то ли опасаясь за младшего.

— Кто вас послал? — спросил теперь мелкого.

— У тебя телефон, — испуганно загудел он, — и деньги из кармана торчат.

— Но это же мой телефон, — укорил я обоих. — И мои деньги.

Братья — а они точно были братья — испуганно молчали.

Похоже, они говорят правду. Это не засада, а просто мое очередное разгильдяйство. Ефим как-то напомнил, что по этому поводу сказано в священных книгах. Если ты оставил кошелек на столе и его украли, то виноваты оба. Один — за то, что украл, другой — за то, что ввел в искушение.

— Ладно, валите отсюда, — сказал я неудачливым налетчиком. И, чтоб не пугать, сложил нож.

— Ну, хоть сколько-то дай, — опять густо занял младший. — Мы ж с тобой одной крови, — некстати вспомнил он кипплинговского Маугли.

— Ага, — укорил я его. — Вот вы мне и собирались ее пустить.

Младший не стал отпираться, поэтому я дал им 30 рублей. И еще потому, что мне было неудобно за надрезанный язык старшего. Если б я знал, что это просто вокзальные гопники, я бы не стал этого делать.

Расставшись с новыми знакомыми, я зашагал к Садовому кольцу.

Совершенно бесцельно. Потому что цель у меня была только одна — полтора миллиона. А у Садового они точно не лежали.

И все равно топтать по Москве было приятно. Солнце светило, девушки щеголяли открытыми коленями. И не только коленями. Еще бы мне чемодан с баксами — и я был бы почти счастлив.

Но чемодана не было. Пока не было.

Я думал, как бы его раздобыть, и никто, кроме Ефима Береславского, мне в голову не приходил. Тогда я стал думать так, как учил меня Шаман: а почему в мыслях о миллионах баксов у меня все время перед глазами встает веселая и наглая морда Ефима Аркадьевича? Ведь у него и у самого такой суммы никогда не бывало!

Но раз это происходит, значит, в этом есть какой-то смысл — ничто в нашем мире не происходит бессмысленно.

Я задумался. Конечно, с Береславским мы дружили, если можно назвать этим словом редкие встречи молодого таежника и матерого столичного рекламиста. Но ведь и даже такая дружба должна быть чем-то обусловлена.

Странно, что я не думал об этом раньше.

Мы познакомились в Комсомольске-на-Амуре, где он, как выяснилось, прилетал прочесть какие-то свои лекции, а я делал первые опыты на ниве спасения своего народа.

Знакомство произошло при обстоятельствах, схожих с сегодняшними. Он, толстый и веселый, пошел гулять в район, в который толстым и веселым ходить не надо.

Перед ним мгновенно нарисовались двое пацанов. Городок этот «воровской», — в смысле, что сильны лагерные традиции. Так что порядок на тамошних улицах в некотором смысле есть, но облегчить заезжего пузача никогда не возбраняется.

Я почему-то ввязался, история закончилась словесно. Он церемонно поблагодарил и... выбросил половинку кирпича, которую успел мгновенно подобрать и спрятать в руке за спину. Так что этот «интеллигент», похоже, не сильно нуждался в моей помощи.

Дальше мы с ним «интеллектуально затусовались», и уже через пятнадцать минут были как родные. По крайней мере, степень его политкорректности меня просто восхитила. В общем, своеобразный мужик. Не злой, веселый и очень надежный.

Но ведь нет у него миллионов!!! В чем же дело?

... И тут еще мысль пришла. Причем, вовсе не о Ефиме. А о тех братьовьях, которым не давало покоя мое скромное имущество.

«Мы с тобой одной крови» — сказал мне младший. Пусть копирайт и не его, но смысл-то верный!

А миллионера одной со мной крови я знал лишь одного.

Ванька Алтухов очень плохо учился в интернате, домой не ездил даже на каникулах и зарабатывал копейки на всем.

Очень был неприятный человек. Наверное, таким и остался.

Зато недавно узнал, что он — владелец водочного завода. Подонок, конечно. От водки сгорели и его, и мои родители. Не может мой народ перерабатывать этот продукт без последствий.

И ничего — трудится Иван на алкогольной ниве, невзирая на этнические особенности потребителя.

Вот поэтому, наверное, я о нем, гаденыше, и не вспоминал. А сейчас деваться некуда. Утопающий и соломинке рад. А Ваньке — возможность спасти душу перед главным судом. Хорошо, Алтухов обосновался под Омском. Туда и рвану, пока деньги не иссякли.

А Ефиму я решил все-таки позвонить. Не знаю — почему. Просто Шаман учил никогда не отбрасывать бездумно то, о чем думается.

Я набрал номер его мобильного, и Береславский немедленно ответил мне своим довольным жирным голосом:

— Здорово, Самурай.

— Привет, Ефим. Можно, к тебе заскочу вечерком? Посоветоваться надо. (Дольше я оставаться в Москве не собирался, нужно было мчаться в Сибирь).

— Давай, — весело ответил он.

— А ты дома сейчас?

— Нет, за рулем.

— Где рулишь? — слышимость была отличная.

— Проезжаю Барабинские степи. Ночью буду в Омске. Так что заскакивай.

Вот это да! Шаман говорит — случайных совпадений не бывает.

— Ефим, я тоже лечу в Омск.

— А чего тебе там надо?

— Полтора миллиона баксов.

— Хорошая сумма, — одобрил Береславский.

— Только не знаю, где взять, — честно сознался я.

— Тоже неплохо, — одобрил и это Ефим.

— Посоветуешь?

— А как же. У нас же страна советов, — не стал отказываться мой старший друг.

Ну, и ладно. Я лечу в Омск.

Глава 13

Омская область,

22 июля

Али начинает действовать

Только сейчас, почти подъехав к Омску, Али почувствовал, как он устал. Так устал, что уже никакой отдых не снимет эту смертельную усталость. На миг ему захотелось остановиться. Уехать обратно на родину. И, чем черт не шутит, — может быть, начать все сначала?

Он тяжело вздохнул. Нет у него возможности начать все сначала. Да и не хочет он этого. Даже если бы Аллах дал ему такой шанс, это означало бы просто проверку. Мол, насколько тверд Али в своих убеждениях.

А проверять Али не надо никому, даже Аллаху. Он уже и так отдал все самое дорогое, что у него было, так что теперь быть верным идее уже не сложно. Терять больше нечего.

— Марат, ты с Володей связался? — тихо спросил он своего спутника.

— Да, — не отводя глаз от дороги, ответил напарник. Он чувствовал, что с Али что-то происходит, и это тревожило его.

«Хорошо», — устало подумал Али, откидываясь на спинку вытертой «сидушки».

Сейчас Володя будет в самый раз. Боевого опыта у него, конечно, меньше, чем у них, но сейчас нужнее славянская внешность и чистый русский — со Скрепером, который, хоть и подонок, но воин, Володе встречаться не придется. С этим гадом Али разберется лично.

Дело Володи — смешной толстяк из раскрашенной машины, следовавшей в походном порядке под номером три.

Кстати, сюжет из «12 стульев» не пригодился. Уже при первичном осмотре Володя обнаружил на кузове надпись «СтройДина», хоть и не крупную, но никем не скрываемую. А еще через пару минут — прикрытые винилом пулевые отверстия в задней дверце этой машины.

Али скрипнул зубами. Уж он-то знал, кого убили в этой проклятой машине.

А что не оказалось банок с героином — это никак не напрягало. В два шага он все узнает. Первый шаг — это толстяк. Если он в курсе — расскажет все, даже то, чего не знает.

Али не имел ничего лично против этого очкарика. Просто так сложилась судьба, что жить ему, скорее всего, осталось только до завтрашнего дня.

Если же толстяка используют втемную — Али и такого поворота не исключал, понимая, с кем имеет дело, — то тогда порошок точно в машине. У Скрепера просто не было времени его перепря-

тывать в другую «Ниву». А что порошок везут в раскрашенной колонне, Али практически не сомневался — иначе зачем Скреперу ее сторожить?

Глава 14

Трасса Омск — Новосибирск,

23 июля

Скрепов и Гнедышев. Два сапога — пара

Встреча состоялась, как и намечали, в маленьком придорожном мотеле с кафешкой в четыре столика, за две с половиной сотни километров от Новосибирска.

Гнедышев приехал минута в минуту, на одном черном «гелендвагене» и... с двумя красивыми девицами лет по 25, по случаю теплой погоды не слишком одетыми. Им он приказал ждать у входа, а сам уверенной походкой вошел в кафешку. Под сильным телом бывшего борца сразу за скрипели деревянные половицы.

Отсутствие батальона «отмороженных хлопцев» приятно удивило Скрепера. Зная Гнедышева, он ожидал подлянок с первой минуты. И не очень-то был уверен в своем блефе о четырех бойцах, охраняющих его и груз. Еще Гнедышев многое знал о Пашке, но не о том, что сгинул в печи развалившейся котельной, а о совсем живом Пашке, которого хлебом не корми — дай чего-нибудь взорвать, и который вьется неподалеку, присматривая за грузом и своим любимым Шефом.

Здесь Скрепер даже вздохнул: может, поторопился он с Пашкой? Сейчас его руки и бесстрашная башка очень бы дажегодились. Но что сделано, то сделано, чего теперь об этом жалеть...

К тому же, и виртуальная банда Скрепера выглядела вполне внушительно: ведь она поддерживалась вполне реальными делами, о которых Гнедышев был наслышан.

Так что просто убить Скрепера и забрать «Ниву» с порошком Петр Николаевич вроде бы не должен. Тем более, что о «Ниве» он и не ведает, по крайней мере, не должен.

Хотя Гнедышев такая сволочь, что от него можно ждать чего угодно.

— Здорово, Скрепер! — приветствовал тот старого «друга», протискивая свое грузное тело между скамьей и краем большого деревянного стола.

Скрепов недовольно поморщился и демонстративно ответил:

— Здравствуйте, Петр Николаевич!

— Ну, ты молодец, Виктор Александрович! — еще больше развеселился Гнедышев. — Тоже, что ли, в депутаты метишь?

— Нет, — усмехнулся Скреперов. — Я всего лишь маленький бизнесмен.

— Да ладно! — заржал Гнедышев. — У маленьких столько порошка не бывает!

Скрепов поджал губы: у них в провинции, конечно, свои нравы, но героин — и в Африке героин. Не буди лихо, пока оно тихо.

— Не бойсь, Лександрыч, — по-отечески улыбнулся будущий депутат. — У нас все схвачено. Все по-джентльменски.

Скрепов усмехнулся. Из четырех гнедышевских партнеров по бизнесу в живых не осталось никого. Приватизировал даже жену одного из убитых. Действительно по-джентльменски.

— Чего щеришься? — заметив ухмылку Скрепова, мгновенно потерял европейский шарм Гнедышев. Заводился он действительно моментально.

— Я по-другому поводу, — гася взрыв, отступил на шаг Скрепов. С таким партнером надо поаккуратнее. Они здесь в безвластии вообще оборзели. — Но ты, это, тоже, нервы-то, береги. Они тебе в политике еще понадобятся.

— Спасибо за совет, — тоже сдавая назад, сказал Гнедышев. Все же Скрепер не тот противник, который испугается простого ора, так что торопиться не надо.

— Давай по делу, — чуть надавил Скрепер. — Мне тут крики неинтересно выслушивать. Тебе еще товар нужен? Или тебя теперь только политика интересует?

— Хороший товар всегда нужен, — мягко улыбнулся Гнедышев. Он уже полностью взял себя в руки. Теперь вроде тихий такой дядечка, мухи не обидит.

Кстати, Скрепер не сомневался, что его визави записывает беседу. Либо сам, либо через микрофон. Как не сомневался и в том, что на полу «геленд-вагена» пару человечков он на всякий случай положил. Да и вряд ли на одной машине пожаловал, скорее всего, есть еще одна-две за поворотом.

На то и расчет. Риск, конечно, немалый. Огромный риск. Но Скрепер готов руку на отсечение дать: не сможет Петр Николаевич Гнедышев поверить, что он приперся в его вотчину один, без поддержки и гарантий. Не сможет. А значит, шансы выскочить с деньгами и с головой у него, Скрепова, имеются. Иначе бы и не полез. А если удастся — «обует» Гнедышева так же, как крутого чеченца Али. На два «конца».

— Как рассчитываться будем? — мягко, но настойчиво поворачивал к делу Скрепер.

— Деньгами, — широко улыбнулся Гнедышев. — Американскими.

— Это понятно. Но ты же мне не доверяешь, — ответно улыбнулся гость. — Так что давай свой план передачи.

— А чего планы рисовать? Ты мне товар, я тебе деньги. Лучше в город не заезжать. Проблемы с постами никому не нужны.

— А гарантии?

— Какие гарантии? У тебя есть хлопцы, у меня есть хлопцы. Проблемы вообще никому не нужны, так ведь?

— Так, — согласился Скрепер. Ни один мускул не дрогнул. Конечно, у него полно хлопцев. Но предательская мыслишка пробежала: может, стоило ограничиться теми деньгами, что взял у Али, а не ставить все на кон дважды?

Впрочем, в такой игре обратного хода не бывает. Да и не бросил бы Скрепер товара минимум на добрую «полторашку». Никто бы не бросил. А Скрепер — тем более.

— Так какие еще нужны гарантии?

— Слушай, Петр Николаевич, — понизил голос почти до шепота Скрепер. — Ты ведь меня знаешь. Я никогда не блефую.

— Ну, я бы так не сказал, — мягко улыбнулся Гнедышев. — Была у нас с тобой одна операция.

— Это — по молодости, — отмахнулся Скрепер. — Сейчас все по-другому. Ты — политик, я — бизнесмен. Это, если хочешь знать, последнее мое дело.

— И мое — тоже, — неожиданно вырвалось у будущего политика.

— А значит, — подытожил Скрепер, — мы должны выйти из него живыми.

— Согласен, — серьезно подтвердил Гнедышев.

— Тогда давай так, — Скрепов немного успокоился. — Никаких обменов на твоей территории. У тебя есть бойцы. У меня есть бойцы. Пашка может

разнести к чертовой матери не только порошок. Но эти войны никому не нужны. Нужна схема, в которой не будет соблазнов.

— Излагай, — почему-то поскуичнел Гнедышев. У Скрепера опять предательски защемило внизу живота. Неужели тот уже принял какое-то решение? Может, не надо было сразу давить?

— Все просто. Я живу в отеле. Твои меня «пасут». Ты пересылаешь «бабки» на чистый счет.

— Московский?

— Галапагосский, — разозлился Скрепер. — Мне сообщат о поступлении, я отдаю порошок. Вот и все.

— Так в чем мои гарантии, если я пошлю деньги вперед?

— Это мои гарантии, — мягко поправил Скрепер партнера по переговорам. — Я на твоей территории. И мой товар на твоей территории. Так что, деньги вперед — это мои гарантии. И тебе проще — деньги ушли, товар пришел. В залоге — моя голова.

— А если деньги ушли, товар не пришел, а ты — сбежал?

«Чудесный вариант, — успел подумать Скрепер. — Но маловероятный». А вслух ответил:

— А у тебя что, идиоты работают?

— Нет, не идиоты, — задумался Гнедышев. — Все равно мне не нравится, когда деньги вперед.

— Я не вижу, как иначе, — подвел итог Скрепер. — Ну, не доверяем мы друг другу. Хотя и любуем, правда, ведь?

— Еще как — правда, — подтвердил Гнедышев. — До самой смерти.

— Тьфу-тьфу, не дай Бог, — бросил Виктор. Теперь ему это точно все не нравилось. Пашка, небось, ржет, наблюдая сверху за спектаклем.

— Значит, других вариантов нет, — задумался Гнедышев.

— Да, других нет, — подтвердил Скрепер. — Но и этот неплох. Я отдам тебе порошок за «ли-

мон», — неожиданно для самого себя произнес он — изначально-то договаривались на полтора.

— Откуда такая щедрость? — насторожился Гнедышев.

— Я уже сказал — последнее дело. И чтоб твои соблазны поуменьшить. У тебя ж розница на порядки больше вылезет.

— Так, может, забесплатно отдашь? — усмехнулся Петр Николаевич. — Вообще никаких соблазнов.

«Маху я дал», — окончательно понял Скрепер. — Не надо было снижать цену». И попытался хоть как-то исправить положение:

— Миллион одним броском. Плюс отдых с твоими девчонками. Отметим, так сказать, конец карьеры.

— Ладно, — утер салфеткой Гнедышев вспотевшее лицо. — Пойду, посоветуюсь с людьми, — и грузно вылез из-за стола.

Скреперу стало совсем неудобно. С кем он там решил советоваться, с девицами, что ли? Или по телефону обсудить поставку героина?

Очень может стать, что судьба его уже решена. Тогда вернется уже не Петр Николаевич.

Виктор засунул руку в карман, поставил пистолет на боевой взвод. Впрочем, если решение принято не в его пользу — пистолет не поможет.

Пашка бы — помог. Он бы и «Ниву» пластидом нафаршировал, и «гелендваген» этот чертов. Точно соблазнов было бы меньше.

Однако Гнедышев вернулся сам. И с девушками.

— Ладно. Согласен, — с ходу бросил он. — Выбирай, какую тебе?

— А тебе? — вежливо поинтересовался гость.

— Мне — любую, — хохотнул Петр Николаевич и приобнял обеих. — Огонь-девки, лично проверено.

Девушки вежливо хихикнули.

— Тогда мне — эта, — не стал отказываться Скрепер, указав на красивую рослую блондинку. Она, дождавшись кивка хозяина, сразу пересела на его сторону.

Далее по сценарию следовала «расслабуха».

Закончилась она здесь же, в номерах, буквально через час. Его сняли прямо с блондинки, грубо нарушив все физиологические процессы. И сейчас он стоял перед Гнедышевым не только без пистолета, но и без трусов.

— Все же соблазнил, Петр Николаевич? — спокойно, несмотря на свое неприглядное положение, спросил Скрепер. Теперь его жизнь в максимальной мере зависела от его спокойствия. Все как в покере, только на кону — нестандартная ставка.

— Значит так, Виктор Александрович! — подвел итог Гнедышев. — В принципе, я принимаю ваши предложения. Разве что с парой поправочек.

— Каких же? — поинтересовался Скрепер. Отсутствие трусов его в этой ситуации напрягало куда меньше, чем отсутствие пистолета. И Пашки.

— Партнерство наше будет происходить в три этапа, — спокойно объяснил Гнедышев. — Во-первых, я попытаюсь узнать, где порошок.

— Пытать, что ли, меня будешь? — не выдержал Скрепер.

— На первом этапе — нет.

— А второй?

— Попробую выяснить насчет твоей армии.

У Скрепера мучительно заныло под ложечкой. Если выяснит — ему конец. Но вслух спокойно спросил:

— А третий этап?

— Если первые два пройдут по плану, ты дашь мне счет, и я переведу деньги.

— Хорошо, — безразлично согласился Виктор. — В принципе, это мой же план, только дольше.

— Я рад, что тебе все нравится, — закончил беседу Гнедышев и вышел.

Глава 15

Омск,
22 июля
Володя ушел

Али с Маратом сидели в машине и отсчитывали длинные три минуты. Они действительно бывают очень длинными, когда состоят из ста восьмидесяти секунд спрессованного ожидания.

Наконец минутная стрелка закончила третий круг. Отсчет начался тогда, когда Владимир шепнул в рацию одно короткое слово — «Есть!» Это означало — цель рядом, и ничто не мешает.

Марат посмотрел на Али.

— Ждем, — кратко сказал тот.

Еще два круга.

— Ждем, — повторил старший. Он не мог поверить, что Владимир не сумел справиться с рекламным толстяком. Конечно, этот бывший неверный не был лучшим его бойцом. Но — не с таким же противником облажаться.

Он уже все глаза проглядел, пытаюсь увидеть в ночи бредущего под стволом Владимира рекламиста, однако желанная картинка оставалась пока только в его воображении.

После седьмой минуты ждать было нечего.

— Ладно, пошли, — сказал Али, достав и быстро перезарядив «стечки-на». Марат вздохнул с облегчением: уж лучше бой, чем его ожидание.

Однако бой в их планы никак не входил, поэтому почти бегом спустились к берегу по соседней тропе. Почти — потому что Али не только бежать уже не мог, но и быстро ходить ему было мучительно тяжело.

— Володя, — вполголоса позвал Али.

Марат неодобрительно улыбнулся: если б Али был в лучшей форме, он бы так не торопился.

— Володя! — уже почти в голос позвал старший.

Из ивняка не доносилось ни звука. Они явно были здесь одни.

Изощренному слуху Марата послышалось какое-то движение. Он мгновенно поднял пистолет, но звук не повторился.

Еще несколько осторожных шагов — и они у тропки, ведущей наверх, прямо к их машине.

— Вот он... — сдавленно прошептал Марат.

Тело Володи лежало в кустах, он был еще теплый.

Рекламиста же не было ни слышно, ни видно. И вообще тут больше никого не было, час не тот для приречных гуляний.

Но кто-то же превратил полного сил бойца в бездыханное тело?

Вот здесь они ошиблись. Тело бездыханным не было. Пульс у Володи прощупывался, слабый, но явственный.

— Эй, парень! — зашептал ему в лицо Марат. — Ты меня слышишь, парень?

Парень не слышал.

— Что будем делать? — спросил Марат.

Али сосредоточенно размышлял. Ранений у Владимира они не обнаружили. Правда, и осматривали пару секунд, подсветив крошечным диодным фонариком. Но был бы не ранен — разве бы молчал?

«Ай, да Рекламист!» — зло подумал Али. И в то же время — с каким-то внутренним уважением: вайнахи умеют уважать достойных противников.

Кроме того, такое поведение Рекламиста — так он его стал про себя называть — сразу вывело его из разряда используемых втемную в разряд действующих персонажей. А это принципиально важно: ведь предстояло отыскать три равнозначных для Али субстанции: деньги, порошок и Скрепера.

От упоминания последнего у Али снова заняло сердце. Нет такой кары, которая была бы соразмерна причиненному ему горю. Но мало Скреперу точно не покажется.

Али не жестокий. Точнее, не жестокий без причины. Но здесь причина такая, что над муками для Скрепера придется поразмышлять отдельно.

Внезапно наверху, на улице, где они оставили машину, завывала милицейская сирена.

Нет, сердце Али не ушло в пятки. Оно и в детстве не знало такого маршрута, а тем более — сейчас, после десяти лет сражений.

— Что будем делать, командир? — не получив ответа, переспросил Марат.

Мгновение назад Али собирался тащить Владимира с собой, может, он еще оклемается. Но присутствие милиции существенно изменило планы.

— Добей, — кратко бросил он.

Марат изменился в лице. Вот этого он никогда не любил.

Али усмехнулся. Что ж, война — не прогулка. Переживет. В мирное время для Али и петуха резать было проблемой. На войне — таких проблем нет.

Марат быстро достал нож, проткнул им полиэтиленовый пакет, всегда лежавший в кармане. Перевернул Владимира на бок. Встал как можно дальше, надел на руку импровизированную перчатку и, оттянув за волосы назад голову бывшего бойца, быстро рассек ему горло. Вылетевшая струя крови никого не задела: неопытных тут не было.

— Выбрось нож и пошли, — сказал Али. Убирать ненужные вещи из карманов покойного не

стали — их там не было. Он же десять минут назад ушел на задание, а не погулять.

Марат вытер нож о брюки покойного, вынул еще один пакет и положил оружие в него. Он впервые не выполнил приказ командира. Но этот нож принадлежал еще его отцу. И никогда не использовался для добивания своих.

Али, конечно, все видел. Был бы здоров — неизвестно как поступил бы. Возможно, предпочел бы действовать в одиночку, чем в паре с бойцом, не выполняющим приказы. Но сегодня — не тот случай. Даже залезть в горку к машине — и то проблема.

Слава Аллаху, хоть милицейская сирена начала затихать, удаляясь. Видно, ограничились «забором» пьяного.

«Это менты его убили, — подумал Али. — Уехали бы пораньше, Владимир был бы жив». Впрочем, на войне сослагательное наклонение еще реже берется во внимание, чем в мирной жизни.

... Не быстро, но выбрались на дорогу. Там было абсолютно спокойно, никто их не ждал.

В принципе, ничего страшного не произошло. Ушел из жизни еще один их боец, к тому же — не лучший. И если говорить честно — не совсем их. Предателей везде ценят. Но нигде не любят.

Хуже было другое. Все же не верилось Али, что Владимира столь профессионально вырубил этот изнеженный толстяк.

Но тогда — кто? И надо бы навести более подробные справки о Рекламисте.

И еще. Али давно уже никого не боялся. А сейчас ему было не по себе.

Ему на мгновение вдруг показалось, что то, что убило его бойца, теперь молча наблюдает за ним самим...

Глава 16

**Береславский находит в себе — бегемота,
а в «Ниве» — героин**

У речного вокзала, на бетонированном пяточке «стрелки», там, где сливаются маленькая Омь и уже могучий Иртыш, сейчас было многолюдно. Два прогулочных кораблика серии «Москвич» уже стояли у маленькой пристани на Оми, и озабоченные труженики кейтеринга заносили на борт последние припасенные вкусности.

«Пробежников» легко можно было отличить по ярким сине-желтым курткам и кепкам: они сочной прослойкой мелькали по всей толпе, и их было явно больше, чем мест в пяти аналогично раскрашенных «Нивах». Это объяснялось просто: во-первых, в крупные города слетались и те, кто в связи с серьезным бизнесом не мог, в отличие от Ефима, просидеть в машине весь маршрут. А во-вторых, путешественники еще в Москве запаслись изрядным количеством курток и кепок на раздачу.

К данному моменту Ефим уже дал одно интервью для местного радио и одно — для ТВ. Радио ему даже больше нравилось: его льющийся из динамиков сочный бархатистый баритон был хоть куда, чего не скажешь о торчащей с телеэкрана фигуре, которая и в юности не была образцом спортивности и атлетизма.

— Ефим, нас первыми сажать будут, — сказал неожиданно подошедший Док. В его огромной лапе весело смотрелось мороженое на палочке, которое он старательно облизывал со всех сторон, следя, чтоб не капало.

— Типун тебе на язык, — поправил его Береславский. — Не сажать, а пускать на борт.

— Вот ведь нервные какие бизнесмены пошли, — понимающе ухмыльнулся Док. — Сложная все-таки у вас работа.

— Да уж, это тебе не в кишках ковыряться, — согласился Ефим, и, довольные обществом друг друга, мужики начали потихоньку продвигаться к трапу.

Минут через двадцать все были на борту. Хлипкий матросик на берегу снял с кнехта петлю толстого каната, отпустив кораблик на волю. «Москвич» по этому поводу радостно гуднул и начал понемногу протискивать свое тельце между причалом и вторым, уже успевшим отойти катером.

— А наш, похоже, первым пойдет, — удовлетворенно отметил Береславский.

— Точно, — согласился Док.

— Я, наверное, пойду, поброжу по кораблю, — сказал Ефим, оставляя Дока наедине с солнцем, ветром и пивом.

Он прошелся вдоль рядов кресел-диванов, ни на ком не остановив взор. Там, где сидели симпатичные омички, не было свободных мест, а где были места, омички не были симпатичными.

«Вот такая фигня вечно», — только подумал Ефим, как женщина, сидевшая в одиночестве у иллюминатора, повернулась к нему и приветливо спросила:

— А вы в первый раз в Омске?

— Конечно, нет. Довольно часто бываю. Разве вы не были на моих предыдущих лекциях?

— А вы читаете лекции? — удивилась дама.

Это было обидно, но Ефим уже успел разглядеть собеседницу, и готов был простить ей многое.

— Вообще-то, да, — скромно ответил он.

— По какой теме?

— Реклама.

— Надо же, — расстроилась собеседница. — Я уж решила — что-нибудь полезное. Вы только не обижайтесь, пожалуйста.

— Пожалуйста, — и в самом деле постарался не обидеться Береславский. — А вы чем занимаетесь?

— Даже и не знаю, — раздумчиво произнесла дама. — Финансовой тематикой. Деньги зарабатываю.

— А чем живете?

— Живописью, я думаю, — как-то неохотно призналась она.

— Очень интересно, — обрадовался Береславский. — А можно будет посмотреть ваши работы?

— Пока не знаю.

— Не гожусь в модели? — догадался Ефим.

— Наоборот. Вы меня и привлекли, как модель.

— Это что-то новенькое, — искренне удивился рекламист. — Как специалист — привлекал. Как мужик — тоже бывало, особенно раньше. А вот как модель — ни разу.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — мягко произнесла женщина. Это тоже понравилось Ефиму, потому что эту фразу он сам повторял довольно часто.

Вера — так звали женщину — оказалась интересным человеком. И непонятым, даже для такого прожженного «людоведа», как Береславский.

Они гуляли по палубе и все время разговаривали. Но Ефим так и не смог уяснить себе, с кем же он имеет дело.

Впрочем, вопросы глубинного психоанализа занимали его сейчас меньше всего. Вера оказалась очень красивой, только ее красота, как и ум, открывались не сразу и не всякому.

Разговор прыгал по разным темам, прерываясь то едой, то прогулкой, то купаньем, и Ефим чувствовал, как постепенно очаровывается этой женщиной.

Такое с ним, конечно, уже случалось: очаровывался Береславский довольно быстро. Зато и в обратную сторону процесс тоже проистекал недолго. Исключением была лишь его жена, Наташка.

Через час перешли уже на «ты». Предложила сама Вера. И сама же взяла Береславского под руку, когда решили полазить по окрестным холмам. Она бродила по ним легко и непринужденно, Береславский — спотыкаясь и чертыхаясь. Но ему очень хотелось отойти подальше от толпы.

И вновь Вера его удивила.

— Бесплезно, — тихо шепнула она.

— Что — бесплезно? — сначала не понял рекламист.

— Прятаться здесь — бесплезно. Остров слишком маленький. Всего-то пять-шесть закоулков, и те уже заняты.

— Что же делать? — расстроился Береславский.

— Не торопиться, — мягко сказала Вера и легонько пожала его ладонь. — После всех намеченных мероприятий приглашаю к себе домой.

Вера жила на самой окраине города, а может — и за городской чертой. По крайней мере, кроме них и одинокого мотоциклиста, увиденного профессором в зеркальце заднего обзора, никого не было.

Когда они остановились перед автоматическими воротами, Ефим даже не мог предположить, насколько приличным окажется это жилище. Видно, финансовая тематика приносила хозяйке неплохой доход.

Зайдя на сверкающую хромом кухню, Вера набрала легкой еды и всякого питья и отвела Береславского в студию. Это было приличное место, площадью никак не менее метров восьмидесяти. Из техники — правильно поставленный профессиональный свет и невидимая взору аудиосистема.

Она налила в фужеры шампанского, поставила их на столик, включила приятную тихую музыку и вдруг легким движением плеч сбросила с себя платье. Ефим даже вздрогнул от неожиданности. Но она тут же накинула прямо на голое тело короткий голубой рабочий халатик, весь изляпанный пятнами краски, и усмехнулась:

— Ты уж потерпи, ладно?

— Уж потерплю, — согласился Береславский. А что ему оставалось? — Так что сейчас будет? — спросил он, весьма заинтригованный.

— Как расскажешь живопись? — улыбнулась Вера. — Потерпи немного — увидишь. Я работаю быстро.

— А быстро — это как?

— Если повезет — за три-четыре часа управлюсь.

Терпеть действительно пришлось. Оказалось, что просто сидеть, не двигаясь и не меняя положения, — занятие отнюдь не простое. Через некоторое время у него попеременно начали затекать то рука, то шея, а то и все сразу.

Музыка тихо играла, Вера так же тихо ходила вокруг мольберта, искоса бросая взоры на начавшую задремывать модель. Ефим даже чувство времени стал утрачивать...

Но тут Вера подошла к нему вплотную, нежно обняла и прижалась своим халатиком, полы которого опять очень своевременно распахнулись.

— Дождался? — уже не веря, спросил Ефим.

— Ага, — просто сказала она.

Дальше было долго и славно. А потом Вера напоила его горячим кофе, после чего у Ефима проснулся интерес — что же она там «наваляла»?

Он пошел к мольберту, но Вера его остановила.

— Знаешь, у меня довольно специфическая манера портретирования.

— И что? Все равно интересно.

— Ну, посмотри, раз интересно.

Ефим подошел, посмотрел и...

Ну, иногда просто не знаешь, что сказать.

С немаленького полотна, примерно 60 на 80 сантиметров, на Ефима глядел...

Безусловно, Ефим. Но, так же безусловно, на Ефима глядел стопроцентный бегемот: сильный, нетрусливый, ценитель сна и лежания в болотной жиже.

Короче, бегемот — он и есть бегемот. И как же относиться к подобному искусству?

— Ну, как тебе? Я как тебя увидела — просто влюбилась, — призналась художница.

— В меня или фактуру? — поинтересовался Ефим.

— Ну, я же тебя еще не знала... — деликатно объяснила Вера.

— Интересно, конечно, — хоть что-то попытался сказать Береславский.

— Значит, не оценил, — вздохнула она и тут же хихикнула: — Я же все правильно увидела.

— Похоже, что — да, — вынужден был согласиться справедливый, в общем, Ефим.

Уезжал он уже глубокой ночью.

А перед этим Вера показала ему свою галерею. На стенах висели роскошные портреты двух оленей, двух кабанов, медведя, буйвола, осла, кролика и даже черепахи. Портреты были вполне звериные, однако узнать при встрече изображенного человека было куда легче, чем по фотороботу.

— Это все работы или еще есть? — спросил Ефим.

— Еще есть, — застенчиво ответила Вера. — В городской квартире, в мастерской. Да и раздавала много.

Она вышла проводить его до ворот.

— Не заблудишься? Может, поехать с тобой?

— Ну, конечно. Полстраны проехал — не заблудился. Ладно, счастливо, Верочка.

Ефим бережно взял ее ладонь своими двумя ладонями, легонько сжал — и выпустил.

Жизнь поехала дальше, и тем она и интересна, что никогда не знаешь, что будет за поворотом.

А уже через несколько минут он понял, что действительно заблудился. Спросить было не у кого. Опять попался какой-то мотоциклист, то ли тот же, то ли — другой, но, быстро обогнав его, умчался вперед.

Определиться помог компас, всегда лежавший в бардачке, и зарево отражающихся на низких облаках городских огней.

Развернувшись, Ефим поехал в сторону города. В пути задний бампер начал стучаться обо что-то твердое, и пришлось остановиться, чтобы посмотреть.

В целом, несмотря на неприятные звуки, все было терпимо. При более детальном рассмотрении — уже с фонариком, тоже всегда лежащим в бардачке, — Ефим обнаружил щель, причем, не в бампере, а в трубе заднего обвеса. Похоже, она была не заварена, а запаяна, или даже заклеена.

— Ну и дела, — вслух удивился Береславский.

Однако еще более удивился, когда в свете фонаря увидел, как из щелки медленно сыпется какая-то пыль.

Ефим подставил ладонь, подождал, когда пыли собралось достаточное количество, и поднес к глазам...

Внезапно все отдельные части мозаики сложились в единое целое. И пулевые дырки в дверцах, и несказанная доброта анонимного дарителя из строительной компании, и капли крови в салоне...

Мотоциклист подъехал бесшумно: выключил двигатель и тихо скатился с горки.

Ефим отскочил, готовый к драке, но тут парень снял шлем, и он увидел веселые раскосые глаза Самурая.

— Здорово, Ефим!

— Здорово, — ошеломленно ответил тот.

— Чего тут у тебя? Сломался, что ли?

— Да нет, все нормально.

— А чего встал?

— Думаю, что с героином делать. Или с кокаином, черт его знает без анализа.

Самурай посерьезнел, поставил мотоцикл на распорку и подошел к другу. Тоже подставил ладонь под порошок и даже попробовал его кончиком языка.

— Героин. Я что-то типа такого и ожидал.

— А я вот — нет, — развел руками Ефим.

— И много его у тебя?

— Чертова туча. Может, на сто тыщ. Хотя, скорее, на миллион — труб в машине до хрена.

— А может, что на полтора миллиона? — вдруг спросил враз подобранный Самурай.

— Может, и на два. Я же в граммах не вешал, оптом брал, — зло пошутил Береславский и непривычно крепко выругался. — Вот ведь влип!

— Думаешь, навалют за него? — спросил Самурай.

— Не-а, — ответил Ефим. — За него не навалют. За него — убьют.

— И чего делать будем?

— Ты — ничего. Сваливай отсюда. Ты не при делах. Это мои проблемы.

— Ошибаешься, мой белый друг, я очень даже при делах. И мне нужны полтора миллиона долларов.

— Не, Самурай. С этим порошком не выйдет.

— Почему?

— Потому что я его сожгу. Сгорят твои миллионы. Либо тебе придется меня убить. Если сумеешь.

— Хороший текст, — одобрил Самурай. — Решительный и граждански ответственный. Не возражаю, порошок пусть сгорит. Торговать зельем нельзя. Я уже даже с Шаманом советовался, были у меня кое-какие сомнительные идеи. Но здесь могут и другие деньги гулять.

— Не знаю, — развел руками Ефим. — Нет комментариев.

— А дрель есть?

— И дрели нет. Хотя наверняка есть у Дока.

— Тогда поехали к Доку, — скомандовал Самурай.

Глава 17

Омск,

23 июля

Из дневника Самурая (запись четвертая)

... Я уж забыл, на чем в прошлый раз остановился.

Ах, да, поговорил с Ефимом и решил поехать в Омск. Не столько из-за Береславского, сколько из-за моего гнусного соплеменника, Ваньки Алтухова, успешно продолжившего добывание моего народа производимой им водкой.

Деньги на билет были, других идей не было, почему бы не поехать? Тем более, Шаман благословил.

Да, Шаман, Шаман...

Ничего страшного, наверное, не случится, если я назову его так, как зову только я — деда Сережа. На самом деле, имен у него несколько. По документам — Сергей Матвеевич Митрохин. Я лично нашел документы в архиве районного поселка. Шаман, наверное, и сам не помнит, что они у него есть.

А они у него есть.

И из них следует, что папа его — Матвей Сергеевич, с той же фамилией Митрохин, русский, член ВКП(б), управлял — по крайней мере, в 1923-м году, всем нашим маленьким народом, не будучи тогда его членом.

Управлял, по ходу дела, хорошо, потому что численность вверенного ему народонаселения неуклонно шла вверх, вплоть до середины тридцатых годов. Он, кстати, в конце 20-х сам женился, на девушке по имени Айну — больше про нее ничего в документах не сказано. И она родила ему Шамана. Точнее — Сережу Митрохина. Шаманом он стал куда как позднее.

В конце 30-х Матвей Сергеевич ушел вслед за многими-многими членами его родной партии, которая с увлечением пожирала собственных детей. Следы девушки Айну теряются — скорее всего, она стала ЧСИР — членом семьи изменников Родины, была тогда такая устойчивая аббревиатура. Упоминаний о ней больше нет.

Мальчик Сережа тоже стал ЧСИРом — а куда ж деваться? — и попал в нечто среднее между детским домом и тюрьмой, где Родина на всякий случай сохраняла для будущего своих пасынков.

Сохранялись там пасынки неважно. Больше — помирили.

Умный и смелый Сережа не стал ждать смерти, и бежал из детдома-тюрьмы, применив все полученные от таежного родственника навыки.

Не думаю, что за ним организовывали серьезную погоню — списали немощную единицу, и дело с концом. Мало ли их умирало? Одним больше — одним меньше, страна большая.

Но выжить в тайге, когда тебе всего одиннадцать — это круто.

Потом, правда, когда он добрал до своих, ему помогли. Но ведь надо было добрести!

Когда кончилась война, и Сережа стал взрослым, он все-таки пошел получать документы, назвавшись, на всякий случай, Сергеем Ивановичем Ивановым. Это стало еще одним его именем.

В армию его не забрали по смешной причине — плоскостопие. Мол, будет плохим ходоком, не успеет за другими бойцами.

А Шаман тем временем поспевал везде и постепенно сделался значимым человеком. С ним советовались, у него лечились, он был мировым судьей, да и народным тоже — из лесу до нормального правосудия не

близко. Семьи у Шамана никогда не было. Он как-то объяснил, что любовь к одному мешает любить весь народ. Так что отказ от детей — вполне осознанный момент.

А вот я умудрился стать его ребенком. То ли сыном, то ли внуком — я с детства его помню уже очень пожилым человеком.

Моя история сколь типична, столь же и грустна. Раньше наших близких задирали медведь, убивала пурга или лесной пожар. Потом к этим печальным причинам добавилась Советская армия и ГУЛАГ. И, наконец, во второй половине 20-го века страшным лидером в деле уничтожения моего народа стала обычная водка.

Народец-то был никому не нужен. И если бы он и дальше оставался никому не нужным, может, я сейчас не искал бы денег на резервацию.

Но — жить становилось лучше, веселее. Детей начали забирать в интернаты, в которых уже никто не умирал.

Смерти начинались потом. Когда ставший самостоятельным, — а точнее, бесхозным, — выпускник появлялся в родном поселке, ничего не умея и даже не желая здесь жить.

Ах, как они хотели обратно в интернат, с его сытостью и предопределенностью. Так хотели, что некоторые даже выбрали тюрьму — гораздо более грубое подобие интерната. А некоторые топили печаль все в той же водке.

Шаман всегда пытался бороться с течением. Он и меня-то подобрал незаконно, обязан был сдать в органы опеки, ведь я ему даже родственником не был.

Вот со мной у него получилось. А с народом — пока не очень.

Ладно, перейдем к вещам более близким.

С Алтуховым я встретился сразу после прилета. Ванька стал еще большей тварью, чем был. Мы с ним не сошлись сразу же.

— Если я перестану возить водку на Север, другие тоже перестанут? — спросил он, внима-

тельно выслушав меня. Я промолчал, а он удовлетворенно добавил: — По крайней мере, у меня она не самопальная.

Денег Алтухов дать отказался, даже когда я слегка пригрозил Шаманом. Побледнел, конечно, но отказал. Понимает, сволочь, что всех таких, как он, — не перевешаешь. Всегда найдется следующий, для кого рубль или доллар будет дороже не то что чужой, но даже — своей жизни.

Зато дал мне мотоцикл.

Точнее, я сам его взял. На следующий день, когда понял, что вокруг Ефима происходят странные события, и мне понадобится средство передвижения.

Я подошел к охраннику и спросил, чья спортивная «хонда» с привязанным шлемом и ключом в замке зажигания стоит под окном? Он ответил, что хозяина.

Я объяснил, что хозяин подарил мотоцикл мне. Детина не поверил, начал звонить Алтухову. Я дождался, пока Ванька выглянул, чтобы узнать, кому же он подарил мотоцикл, помахал ему рукой и ткнул охранника пальцем. Тот отрубился, а я забрал мотоцикл.

Теперь о проблемах с Береславским.

Его «пасли». Причем, двое.

Сначала, когда я вычислил первого — на голубой «хонде» — то подумал, что дело в амурных похождениях Ефима Аркадьевича. Он все никак не может в этом плане уgomониться и вполне мог разозлить детину. Да и лицо у детины было недоброе, когда он смотрел на Ефима Аркадьевича. Впрочем, может, у этого детины лицо вообще было недобрим, я с ним еще близко не знакомился.

А вот следующие товарищи меня сильно опечалили, потому что Береславский, несмотря на все свои минусы, мне очень симпатичен. А эти двое парней могли сделать его сибаритскую жизнь гораздо менее приятной.

Для меня — не проблема услышать чужой разговор и с пятнадцати метров. Они говорили о том, что у Ефима есть их товар. И я так понял, товар у них забрали примерно так же, как я забрал мотоцикл у Алтухова.

Это меня очень удивило. Неужели Береславский освоил еще одну специальность? Маловероятно.

Потом они уехали на драном «опеле», а отследить их мне тогда было не на чем. И я решил отследить Ефима Аркадьевича, раз уж они так дружно за него взялись.

Вечером Береславский зачем-то поперся в кабак за три километра. При том, что прямо в его гостинице есть пара своих. Да еще маршрут интересный выбрал — среди сплошных зарослей ивняка. Замучился вокруг него взад-вперед бегать, я же не знал, откуда могут ударить. Короче, побегал я

тогда, как кобелек на прогулке, зато не зря. Наверху, на улице, которая шла параллельно речному берегу, увидел родной «опель». И сидело в нем не двое, которых я уже видел раньше, а трое.

Третий вышел из машины и пошел вниз, а эта «сладкая парочка» осталась внутри.

Я обогнал третьего, едва не столкнувшись с возвращавшимся, сытым и довольным, Ефимом Аркадьевичем.

Третий немедленно завязал с моим бесстрашным, но придурковатым другом беседу, а когда Ефим Аркадьевич повернулся к нему спиной, вероломно достал удавку.

Это были не шутки, удавка — это уже извините.

Мужчина полег сразу, у Шамана блестящая в этом плане техника. Но самое смешное, что Береславский ничего не заметил, а я не хотел его останавливать, потому что не знал, как поведут себя двое из «опеля».

Я чуть оттащил нападавшего, вытащил у него из-за брючного ремня пистолет, и, поскольку никакого дальнейшего плана не имел, просто стал ждать.

Они пришли очень быстро, и уж, конечно, — сделав обходной маневр. Дело начинало дурно пахнуть. Вся моя техника ничего не стоила — ну, или почти ничего — против спокойного и нетрусливого стрелка. А здесь стрелков было двое. И уж будьте уверены — оба нетрусливые.

Конечно, их можно было бы угостить их же оружием. Но я не умею стрелять из пистолета! Я ж не тайный агент, а скромный, почти нанайский воин. Кроме того, стрельба вообще не входила в мои планы, поэтому я тихо удалился.

Они сели на корточки рядом с тем, кого называли Володей, и стали искать причину его состояния.

И, скорее всего, просто бы дождались его пробуждения. Но не сложилось. Наверху запела милицейская сирена, и я явственно услышал, как один бандит сказал другому: «Добей его».

Я никак не ожидал увидеть такое. Да, эти ребята совсем нехорошие.

На мотоцикле мотаться стало легче. Я сгонял к острову, где Ефим Аркадьич соблазнял какую-то не вполне юную прелестницу. Никто не обратил на меня никакого внимания, я даже приложился к их обильному столу, да будет вечно жива отечественная реклама.

Затем был заезд к дому дивы и довольно долгое ожидание. А потом оказалось, что вся его «Нива» набита героином...

Мы подняли с постели Дока, очень достойного человека. Может быть, даже гораздо более достойного, чем Береславский. Ефим не хотел его посвящать, но я был другого мнения на этот счет. Мужчина имеет право на правду. А Док, несомненно, был мужчиной.

Еще через час мы демонтировали колесо, — чтоб наша стоянка не вызвала сомнений, — и методично насверлили в любимой машине Береславского кучу дыр. Что-то из этих дыр высыпалось само, что-то выдували портативным пылесосом. В итоге, в наш импровизированный крематорий поступило немало опасного материала — прямо гора.

Гореть она без бензина не хотела. А с бензином — пожалуйста. С сочной черной копотью.

Ефим печально смотрел на огонь, видимо, уже представляя, что ему за этот костерок светит. Док — спокойно: он и по жизни спокойнее, и ответственности несет поменьше. А я — сначала с грустью, а затем с какой-то даже радостью: Шаман говорит, что любое дело зачитывается. Сейчас мы делали хорошее и очень даже небезопасное дело, так что и зачет должен быть существенным.

И еще об одном напишу, хотя сначала думал — не напишу.

В Ефимовой группе едет женщина, которая меня задела. Наверное, так, как Береславского задела его Наташка. Но если я когда-нибудь добьюсь Татьяну Валериановну Смагину, как он добился свою Наташку, то уж точно не буду ей изменять со всякими непонятными художницами...

Глава 18

Новосибирск,

25 июля

Похищение профессора

Похитили Ефима просто и нагло.

Поздно вечером они прикатили в столицу Сибири такие уставшие, что даже погулять не вышли — сразу в койку.

Поэтому утром он специально спустился из номера пораньше, чтобы немного пройтись — семинары должны были начаться с полудня.

Но, похоже, в Новосибирске жизнь быстрая. Прямо на бульварчике к нему подошел коренастый молодой человек и спросил, не проконсультирует ли его столь известный специалист.

Надо заметить, что какая-то нехорошая мыслишка проклюнулась было в голове профессора: совсем недавно его похожим образом просили подписать книжку. Но — проклюнулась и ушла обратно — Береславский всегда был готов помочь региональным коллегам.

— А что бы вы хотели? — спросил Ефим у молодого человека.

— А вот, посмотрите. — Тот приподнял свою небольшую барсетку и раскрыл молнию. В сумке лежала зеленая ребристая граната Ф-1, в просторечии именуемая «лимонкой».

Нельзя сказать, что Береславский никогда не видел подобной штуки. И видел, и в руках держал, даже метал ее на институтских сборах. Последний же раз он видел «лимонку» у себя в кабинете. У него уже был кабинет. И даже стол с фанеровкой под красное дерево. Вот по этому «красному дереву» и катал гранату непонятно как приблудившийся бандит.

Это была вторая половина девяностых, и бандит был похож на октябрьскую бабочку — уже помирать пора, а все трепыхается.

Тогда все кончилось просто: Ефим предложил бандиту либо очень быстро уйти, либо побеседовать в другом месте, но вызов собеседника будет стоить три тысячи долларов.

Владелец «лимонки» тогда предпочел первый вариант.

Сейчас такая «пурга» явно не прокатывала. Молодой человек, в отличие от бандита-декадента, знал, к кому шел и зачем шел.

— Вам, юноша, объяснить, как она работает? — только и нашел, что сказать Береславский.

— Шутник, — оценил молодой человек. — Иди передо мной, иначе Леха всадит в тебя пулю.

А вот и Леха появился. Еще моложе первого, щуплый, беловолосый, соплик просто. «А что бы ты хотел, профессор? — безрадостно подумал Ефим. — Чтоб они к тебе Рэмбо прислали?»

То, что к нему — прислали, он уже понял. Но — кто? И по какому поводу?

Весь бизнес их «Беора» не стоил таких хитрых заходов. Значит — одно из двух: либо — ошибка, либо Ефим, по своему недомыслию, оказался участником чьей-то чужой серьезной игры.

И первое — плохо, и второе — отвратительно. А очень похоже именно на второе, он-то не забыл, что сыпалось позапрошлой ночью из его машины.

Но выбирать не приходилось: сопляки тем и опасны, что стреляют, не думая.

Через две минуты подошли к черному «фольксвагену». А уже в машине Береславский на всякий случай спросил:

— Ребят, а вы уверены, что вам нужен профессор-рекламист?

— Заткнись! — услышал он в ответ.

Страшно Ефиму было с первой же секунды, как только увидел «лимонку». А вот злость начала прибывать только сейчас. На него надели «браслеты», правда, не стальные, а новомодные пластиковые, с затягивающимися ремешками. И руки назад не выворачивали. Однако на профессорскую психику подействовало, и Ефим примолк до конца поездки.

Местечко, куда прибыли, было необычным. Широкая река в этом месте делала плавный поворот. Если смотреть по течению — налево. Ближе к тому берегу вместе с рекой поворачивал довольно длинный, заросший невысокими деревьями, остров-холм. Еще его можно было назвать островом-крепостью. Слева и справа по краям — и наверняка с обратной стороны острова тоже — стояли бетонные мини-купола с амбразурами для стрелкового оружия, а по периметру острова шли невысокие мачты, на которых вместо колючей проволоки стояли приборы оптического контроля границы.

Да, тут ни тигр не пройдет, ни заяц не проскачет.

На стороне, к которой подъехал их «гольф», находилось нечто типа блокпоста с четырьмя бойцами и маленькая пристань. Служивые контролировали практически весь берег, благо, он был низким и не заросшим. Именно контролировали: Ефим отметил и раструб стереотрубы, и снайперскую винтовку Драгунова.

Все было серьезно и продуманно.

Основная жизнь проистекала, конечно, на острове. Там сверкал огромными зеркальными окнами основной дом, цеплявшийся за каменистый

холм-остров одной своей стороной и предусмотрительно построенный на сваях со стороны реки.

На тех же сваях крепилась ... можно сказать — «терраса», если бы не размеры, величиной с вертолетную площадку. Одна часть ее демонстративно выложена деревом. Причем, не плебейской сосной и даже не максимально подходящей для этих целей лиственницей, а настоящим красным деревом!

В этой части террасы виднелось еще что-то, но разглядеть на расстоянии было трудновато.

«Ничего, сейчас нас туда подвезут, и узнаю», — подумал Береславский.

Два бойца лениво подошли к машине, перебрались парой фраз.

— Вылазь, — приказал профессору Леха и «помог» мыском ботинка. Не больно, но обидно.

От дома заскользил к пристани странный катерок: с красивым ажурным кованым «заборчиком» по периметру и с совершенно ровной палубой. Управлял им матросик на корме, с пульта, укрепленного на невысокой штанге.

Когда он отшвартовался, Береславский обнаружил, что палуба катерка находилась абсолютно на том же уровне, что и пристань. И была выложена... Так и есть, снова красное дерево.

К террасе шли недолго, и уже скоро Береславский смог разглядеть, что стояло на ее «парадной» части, но даже не удивился: а что, кроме трона монарха, могло сюда органично вписаться? Это и был настоящий трон.

А из дома уже выходил его хозяин: большой, гораздо больше далеко не маленького Ефима. Он торжественно уселся на «трон», для Ефима же прислуга принесла что-то типа табуретки.

— Ну, как вам у нас? — наконец соизволил начать разговор хозяин.

— Да как вам сказать, — деликатно ушел от ответа Береславский.

— Честно говоря, я в раздумьях, — сознался обладатель трона.

— Могу проконсультировать.

— Боюсь, это не в вашей компетенции.

— Зачем же пригласили? — делал хорошую мину при плохой игре Ефим.

— Да не пригласили тебя, а приволокли, — ворчливо сказал хозяин. — За шиворот, как щенка. Ну, что ж, давай знакомиться по-настоящему. Меня зовут Петр Николаевич Гнедышев. И, как видишь, я ничего не боюсь. И знаешь, почему? Потому что я здесь хозяин. Захожу — тебя отпускают, а нет — спускают под пристань. Понял?

— Чего уж не понять, — осторожно ответил Береславский и тут же быстро добавил: — Можно, я выдвину два тезиса?

— Валяй!

— Во-первых, раз ты меня сюда пригласил, значит, я тебе для чего-то нужен.

— Логично, — согласился Гнедышев. — Давай, во-вторых.

— Во-вторых, я, видимо, влип в какие-то ваши игры.

— Допустим.

— И вам кажется, что мной можно пользоваться безнаказанно.

— А разве нет? — ухмыльнулся Гнедышев.

— Наполовину — да, наполовину — нет.

— Не умничай, — проворчал Гнедышев и поднялся с «трона». — Ладно, умник, пойдем, покажу тебе кое-что. Точнее — кое-кого.

— Только кандалы сними, — улыбнулся Береславский. — Я же не руками силен, а силой мысли.

— Снимите с него, — буркнул босс «шестеркам». — Иди за мной, мыслитель, — и пошел в глубь дома.

Глава 19

Новосибирская область,
25 июля
Скрепов в неволе

В маленьком мотеле Скрепова держали недолго, менее суток: ноги в веревках, руки в «браслетах». Потом заклеили скотчем рот и в багажнике легковушки перевезли прямо на островную дачу Гнедышева.

Похоже, этот тип ничего не боялся. Действительно все схвачено. Раньше-то был куда осмотрительнее.

Если бы Скрепер знал заранее про его нынешнюю борзость — наверное, не стал бы связываться с порошком. И Пашка был бы жив — в последнее время мысли о Пашке все чаще приходили ему в голову. Но сейчас надо было думать не о Пашке, а о собственной шкуре. Его могли убить в любую минуту после того, как пришел ухмыляющийся Гнедышев и сообщил, что груз в «Ниве», которая идет под третьим номером в колонне автопробега.

Откуда эта тварь узнала? Ни под какими пытками сам Скрепер не выдал бы. Выдать такое — сразу подписать себе приговор. Да, можно только предполагать, какими связями и какими людьми обладал Гнедышев, чтобы за день свести такую уйму информации: движение денег и имущества «СтройДины», судьбу машины, болтание Скрепова рядом с колонной.

Нет, наверное, вычислили по подарку. Не следовало дарить машину «пробежникам». Надо было самому внести какую-то сумму на счет.

Черт, наверняка вычислили по этой несвоейственной ему щедрости!

Но самое неприятное было осознание другого факта. И он, и Гнедышев были бандитами высокого ранга. И он, и Гнедышев никогда не стеснялись убивать.

Но он, Скрепер, так и остался бандюком, а Гнедышев стал реальным деятелем. А ведь не умнее и не хитрее его, вот что обидно!

Что же будет дальше?

Тут дверь в его комнату-камеру открылась, и в нее вошли сразу четверо.

Двое были незнакомыми пока Скрепову «шестерками». Третий — Гнедышев. А вот четвертым был... водитель нафаршированной «Нивы», принявший у Скрепова его «данайский дар».

Он был не связан и не избит. Что бы все это значило?

— Узнаете друг друга? — поинтересовался Гнедышев.

— Ты же все и так знаешь, — говорить Скрепову было больно.
— Ну, для порядку, — ухмыльнулся Гнедышев. — Профессор, как он вам?
— Да нормально, — после краткого, но внимательного осмотра неожиданно ответил Береславский. — Гораздо лучше, чем выглядит.
— Он тебе дал машину?
— Он. Директор компании «СтройДина».
— Нет такой компании, — отрезал Гнедышев. — Да и директора ее почти уже нет. Так, остатки шевелятся.
После еще пары незначущих вопросов трое вышли из комнаты, один — остался.
— Завтра тебя шлепнут, — радостно сообщил он узнику.
— Не торопи события, парень, — так, на всякий случай, закинул удочку Скрепов.
— Торопи — не торопи, а помереть придется, — молодой человек был настроен философически.
— Слушай, — неожиданно спросил Скрепер. — А платят-то тебе хоть нормально?
— Не жалуюсь, — засмеялся тот. — Ты не пыжься, у меня уже есть хозяин.
— А если он вдруг помрет, а я буду платить больше?
— Такие люди просто так не мрут, — веско произнес его страж.
Ну, что ж, для первого контакта и достигнутый результат неплох.
Скреперу очень не хотелось умирать. Очень...

Глава 20

Новосибирская область,

25 июля

Развоз героина за деньги

Теперь Береславский с Гнедышевым беседовали, ну, прямо как друзья.

— Единственно, что от тебя требуется — приехать к нам на машине.

— Сюда, к вам?

— Озверел, что ли? Адрес тебе скажут. Посидишь, подождешь. Максимум, пара часов. Потом уедешь. И все. Понял?

— Примерно. — Теперь Ефим на рожон не лез. И так понятно было, что его сразу не убьют. Более того, скорее всего — скоро отпустят. А там появятся еще возможности.

Как замечательно, что машины находятся в Наркоконтроле, точнее — в автохозяйстве их местного отделения. Этой службе тоже нужен пир, и их сотрудники ходили на лекции и семинары. А в знак благодарности — взяли посмотреть на труженную ходовую «Нив».

Гнедышева чуть инсульт не хватил, когда он узнал, где его героин. Но потом отошел и даже оценил комизм ситуации.

А вот поначалу вопрос о Ефимовой жизни, видимо, стоял остро. Если бы не игры с надуванием щек, да не подарок судьбы в виде автобазы Наркоконтроля — результат был бы непредсказуем. Может, действительно выловили бы утопленника с ученой степенью. А машину просто угнали бы, и в гаражах за час высосали содержимое.

Впрочем, и теперь он зону риска вовсе не покинул. Это сейчас его не тронут. А вот когда пригонит машину с героином — после этого «умные» люди за его жизнь уже много не дадут. Особенно если вспомнить, как весело горел этот героин позапрошлой ночью.

Короче, все по-прежнему хреново. Но уже не так хреново, как утром, нашел хоть что-то хорошее в сложившейся ситуации Береславский. А для прощупывания возможностей решил еще немного поторговаться.

— Я, конечно, все сделаю. Мне проблем не надо. Но есть еще один не обсужденный момент.

— Ты опять наглеешь, — улыбнулся Гнедышев.

— Нет. Просто открыто высказываюсь.

— Какой такой момент?

— Не привык, понимаешь, работать бесплатно, — честно признался Ефим.

— Ну, ты наглец, — по-настоящему удивился Гнедышев. — Сколько хочешь?

— Десять тысяч. Уж наверняка это немного.

— А подаренной жизни тебе мало?

— Жизнь с деньгами — куда приятнее, — гнул свое Береславский.

Теперь пришел черед напрячься Гнедышеву.

Платить будущему покойнику вроде как глупо. С другой стороны, если будущий покойник слишком рано догадается о своем предназначении, как бы не выкинул какой-нибудь фортель.

Значит — нужно платить. Потом всегда можно будет снять с трупа.

А есть еще третья сторона — нагнал-таки туману Береславский. Маловероятно, конечно. Но потому Гнедышев до сих пор и жив, что просчитывал даже такие маловероятные вещи.

В этом варианте молчание Береславского будет обеспечено деньгами за доставку героина.

— Хорошо, — принял решение Гнедышев. — Пиши расписку.

— Зачем расписку? — обиженно заныл профессор, стараясь подавить предательскую улыбку — его шансы явно росли.

— Кончай дурачку ломать. — Гнедышев бросил перед ним лист чистой бумаги и ручку.

— «Я, Береславский Ефим Аркадьевич, настоящим подтверждаю, что получил десять тысяч долларов наличными за доставку груза героина из Москвы в Новосибирск в своей автомашине «Нива», колонный номер 3, посредством организованного мною автопробега «Москва-Владивосток», — медленно диктовал Гнедышев. — Дата, подпись, — закончил он. И тут же добавил: — Только чтоб без финтов. Без ошибок в каждом слове, корявого почерка и так далее. Ты понял?

— Ага, — чуть не высунув язык от усердия, Береславский заканчивал текст. — Кому привез — указывать?

Тут даже Гнедышев развеселился:

— С тобой, мужик, не соскучишься, — но тут же посерьезнел: — Если кому вякнешь — ни тебе, ни выводку твоему не жить. Понял? Ни милиция не поможет, ни ФСБ.

— Куда уж не понять, — тоже серьезно ответил Береславский, убирая в карман толстую пачку банкнот.

Он даже не опоздал на свою лекцию.

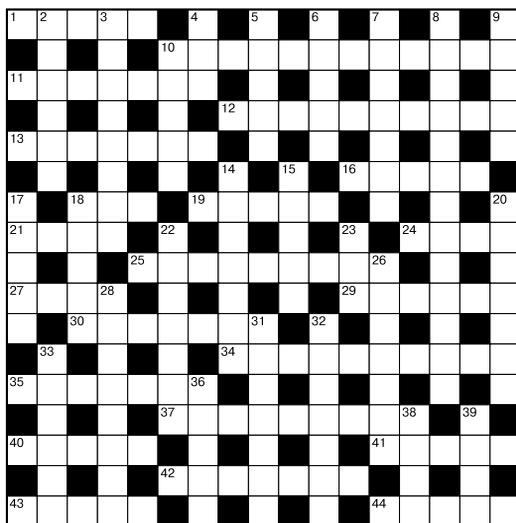
Поднялся на кафедру, ощущая лежащие в пиджаке деньги.

Надо же, ни разу ему не платили за доставку героина. Да еще, к тому же, — уже уничтоженного. Вряд ли все это кончится весело. Но не в ближайшие полтора часа. Потому что ближайшие полтора часа Ефим будет рассказывать о новых методах струйной печати. А за это время в каком-нибудь потаенном уголке его большой головы, может быть, что-нибудь придумается.

Надежда умирает последней, это факт. А на памяти Береславского были и такие моменты, когда она вообще не умирала... □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Огненный эшафот» для курицы. **10.** «Туризм» за счет фирмы. **11.** Если ... синего цвета, скорее всего, ему тысяча лет! **12.** «Я всю ночь веду ... с неукротимой совестью своей». **13.** Гениальный художник, чью шею приделал к своему автопортрету Сальвадор Дали. **16.** Время года, когда люди начинают обращать пристальное внимание на аморальное поведение кошек. **18.** Какой из древнегреческих богов однажды лопнул с досады? **19.** Вместе с этим растением можно «принести» в дом и всякую болотную нечисть. **21.** «Лекарство от мигрени» из новеллы «Из любви к искусству» О. Генри. **24.** «Бежать во весь ...». **25.** Драгоценный камень. Когда-то считалось, что он укрепляет сердце, помогает при заболеваниях

легких, кожи и нервной системы. **27.** Страна с самым широким водопадом в мире. **29.** Какую «организацию» возглавляет булгаковский Швондер? **30.** «Ничто не может сравниться с привидением, когда надо пугать воров» (сказочный герой). **34.** Как во времена Эсхила называли окончание пьесы? **35.** Зверь с австралийской монеты в 20 центов. **37.** Австрийский город, где лет тридцать назад официально признали Антонио Сальери невиновным в смерти Вольфганга Амадея Моцарта. **40.** Какой великий итальянец мог разговаривать с Уильямом Шекспиром, когда работал наборщиком в Оксфорде? **41.** Какой древнеримский император завершил династию Юлиев-Клавдиев? **42.** Какие пельмени итальянцам привычны?

43. «Пиковый валет» из одноименной повести Бориса Акунина. **44.** Какая птица украшает герб Непала?

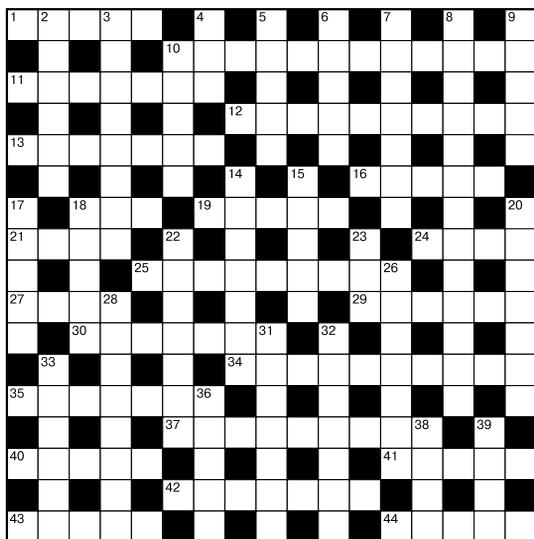
ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Когда его избрали губернатором Калифорнии, киномагнат Джек Уорнер сказал: «Это наша ошибка. Нам следовало дать ему роль получше». **3.** Самая популярная собачья порода в роли поводыря. **4.** «Пусть меня ... спасет от тихих вод, а с бурными я сам справлюсь» (испанская пословица). **5.** Искусство, какому служила Иола Торнаги — итальянская жена великого Федора Шаляпина. **6.** Единственная женщина, смутившая покой великого сыщика Шерлока Холмса. **7.** Какой врач супинаторы прописывает? **8.** Кто идет к водителю с протянутой рукой не для того, чтобы поздороваться? **9.** Самая красивая из дневных хищных птиц. **10.** Какой стиль плавания человек «позаимствовал» у медведя? **14.** «Конкурент» баклажана «по икорной части». **15.** Сантьяго из рассказа «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя по роду занятий. **17.** Овечка, чье чучело ныне выставлено в Королевском музее Эдинбурга. **18.** Красочное при-

косновение. **20.** Какой из московских видов городского транспорта в 70-х годах прошлого века был самым дешевым? **22.** Какая болезнь позвоночника сломала пополам голливудскую приму Элизабет Тейлор? **23.** Саркастически подмечено, что «нездоровый ... часто связан с началом здорового образа жизни». **26.** Что Владимир Маяковский предлагал сыграть «на флейте водосточных труб»? **28.** «Разве не знаешь, графский ... против чужих цветов». **31.** «Сердце» Кабардино-Балкарии. **32.** Кусочек из сказки братьев Grimm: «И сказала ему рыбина: «Слышь-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю: я — завоженный принц. Ну, что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придусь; лучше брось меня опять в воду, отпусти меня на простор». Что за разговорчивая рыбина? **33.** Водка «не первой молодости». **36.** Что добавляют в теплое пиво, чтобы после удалять данной смесью жирные пятна с полированной мебели? **38.** Какой крокодил стал героем памятника в Ижевске? **39.** Что, как считал великий Парацельс, «делает яд лекарством»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Бутсы. **7.** Flint. **10.** Европа. **12.** Банкротство. **13.** Андерсен. **14.** Ариадна. **17.** Громозека. **18.** Адам. **19.** Гоа. **22.** Степь. **23.** Холифилд. **24.** Гомер. **26.** Александрит. **28.** Метла. **30.** Шнур. **31.** Билет. **32.** Штык. **34.** Бал. **36.** Натиск. **38.** Клоунада. **39.** Карьера. **40.** Цинк. **41.** Борода. **42.** Комната.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Техас. **2.** Придира. **3.** Спирометр. **5.** Уран. **6.** Сакура. **8.** Лысина. **9.** Нева. **11.** Голак. **12.** Бензопила. **14.** Акт. **15.** Администратор. **16.** Шмидт. **17.** Гобой. **20.** Моцарелла. **21.** Хинди. **22.** Север. **25.** Акрил. **26.** Али. **27.** Пшеница. **28.** Мустанг. **29.** Аксакал. **31.** Бадьян. **33.** Иск. **35.** Чулок. **37.** Кабо. **38.** Крот.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Некий декоратор при создании спектакля повесил на забор валенок, от чего Константин Станиславский пришел в восторг, но, когда художник повесил туда же и второй, великий режиссер едко заметил: «Один валенок — это образ, а два уже ...». **10.** Основа популярного более полутора веков препарата «Пурген», «отмененного» из-за канцерогенных побочных. **11.** Лунатик из словаря Даля. **12.** Явление, чей первый закон открыл русский физик Александр Столетов. **13.** Единственный астронавт — командир пяти космических экипажей. **16.** Белая селедка, привлекающая экстремалов от рыбалки на багамский остров Андрос. **18.** Божественное предание из иудаизма. **19.** Основа медали с надписью «За

пьянство» во времена Петра Первого. **21.** «Правильный ... не связывает двух людей, а освобождает их». **24.** Ежегодное шествие белорусских оппозиционеров окрестили «Чернобыльский ...». **25.** «Профессия» Сливового человечка — популярного лакомства у немцев на Рождество. **27.** Какая бабушка подарила свое имя сорту яблок, попавшему на логотип студии звукозаписи группы The Beatles? **29.** Камера, с какой связано название профессионального заболевания космонавтов и подводников. **30.** «Эверест» Пиренейского полуострова. **34.** Метод научных исследований, с каким в мировом масштабе борется Фонд доктора Хэдвина. **35.** Награжденный на латинский лад. **37.** Космическая пыль. **40.** Какой раз-

ведчик вдохновил Джеймса Донована на написание книги «Незнакомцы на мосту»? **41.** «Русский Сфинкс» для Ивана Тургенева. **42.** Герой музея, размещенного в той самой церкви, что запечатлена на картине «Грачи прилетели» Алексея Саврасова. **43.** «Никогда не навлекай на себя вражеский ...»; это раздражает всех, кто находится рядом». **44.** Какое вещество послужило для закрутки фильма «Генозавр» с Марком Дакасасом?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Кабан о двух головах в китайских мифах. **3.** Морской узел, чтобы прикрепить веревку к шесту. **4.** Навес для клетки с кроликами. **5.** Что остановило в 1981 году часы на лондонском Биг-Бене? **6.** «Гитара» у древних греков. **7.** Американский президент, предложивший одно из решений теоремы Пифагора. **8.** Какое расположение Столыпинская аграрная реформа уменьшила, а сталинская коллективизация полностью уничтожила? **9.** Какая из героинь Любови Орловой поет на сцене Большого театра? **10.** Какой из мировых журналов выходит под девизом «Инструмент капиталиста»? **14.** Какой из на-

ших физиков обнаружил явления сверхтонкого уширения и смещения рентгеновских линий? **15.** Чувашская баня. **17.** Лакированная шляпа на японском аристократе. **18.** Клан пророка Мухаммеда. **20.** Азиатская столица, где нет светофоров, а движение регулируют только очень привлекательные девушки. **22.** Скаун из «Конармии» Исаака Бабея. **23.** Первый на земле мужчина из скандинавских сказаний. **26.** Какой персонаж «роднит» чеховского «Дядю Ваню» с «Хождением по мукам» Алексея Толстого? **28.** Какой камень помог Жаку и Пьеру Кюри открыть пьезоэлектрический эффект? **31.** Кто из русских императоров отдал в солдаты поэта Тараса Шевченко? **32.** Растение, чтобы приготовить идеальную замену кофе для тех, у кого повышенное артериальное давление. **33.** Чтобы лично поздравить Клим Ворошилова с 50-летием, курсанты ОБВШ совершили 800-километровый лыжный ... из Минска в Москву. **36.** Что символизирует желтый цвет в Мексике? **38.** Английская река, через которую построили первый в мире наклоняемый мост. **39.** Кофта поверх сари.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Свифт. **7.** Халва. **10.** Апрель. **12.** Энгельгардт. **13.** Алиптика. **14.** Харрьер. **17.** Магистрат. **18.** Сало. **19.** Паж. **22.** Скунс. **23.** Мотофозо. **24.** Майор. **26.** Комиссариат. **28.** Пекур. **30.** Трир. **31.** Регби. **32.** Поло. **34.** Фея. **36.** Меррец. **38.** Ценосарк. **39.** Религия. **40.** Хрия. **41.** Тахион. **42.** Мексика.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шабаш. **2.** Эрмитаж. **3.** Златоискр. **5.** Вина. **6.** Фрегат. **8.** Атамес. **9.** Вода. **11.** Ньерд. **12.** Экстензор. **14.** Хаб. **15.** Разочарование. **16.** Хобот. **17.** Манас. **20.** Фоссебрея. **21.** Монро. **22.** Сотер. **25.** Кисея. **26.** Куд. **27.** Стамбха. **28.** Пингвин. **29.** Уоткинс. **31.** Ремикс. **33.** Шер. **35.** Пожар. **37.** Цеце. **38.** Цирк.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту:

sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С октября открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Имя этого человека стало нарицательным — причем, с отрицательным смыслом. «Аракчеевщина» — это тупость, солдафонство, безграмотность, жестокость... Но когда начинаешь изучать жизнь Аракчеева более тщательно, возникает совершенно иной образ, который совершенно незаслуженно унижен потомками. Так каким же был этот человек на самом деле?»

Светлана **Бестужева-Лада** «Без ума, без чувств, без чести?»

«В декабре 1777 года у цесаревича Павла и принцессы Софии (крещенной под именем Марии Федоровны) родился первенец, появлению которого радовалась вся Россия и, в первую очередь, императрица Екатерина, уже приготовившая должжданному внуку имя — Александр. Но никто даже предположить не мог, что на свет появился один из самых противоречивых и загадочных монархов в российской истории...»

Денис **Логинов** «Северный сфинкс»

«История этого шедевра удивительным образом переплелась с историей нашей страны. Созданный одним из величайших художников раннего Возрождения Перуджино, он когда-то принадлежал семейству князей Голицыных, позже стал украшением Эрмитажа, а теперь хранится в Вашингтонской Национальной галерее.»

Ирина **Опимах** «Голицынский триптих Перуджино»

«Говорят, что нет поэта Константина Симонова. Есть журналист, писатель, офицер, а поэта — нет, хотя в его возвышенные талантливые строки было влюблено целое поколение. Потому что поэт — это невозможность не писать, а поэт Константин Симонов — это любовь. Любовь к одной женщине. И когда закончилась любовь, не стало и поэта... Но так ли это было?..»

Евгения **Гордиенко** «Молитва атеиста»

«Продолжение роман Иосифа **Гольмана** «Пробег»